

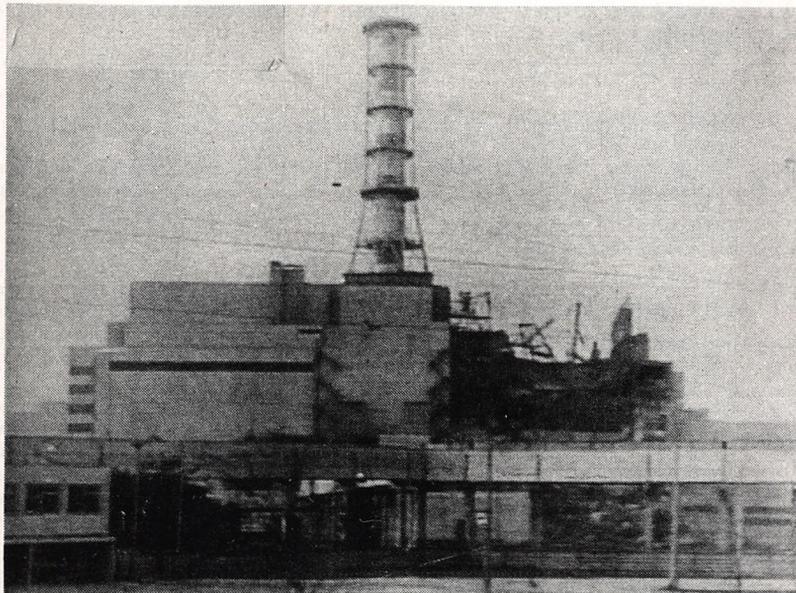
ПОСЕВ

I-II

1986

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

Чернобыльский атомный реактор после взрыва

В номере:

- Атомная катастрофа в Чернобыле.
- По стране (Г. Владимов, Л. Бородин, Т. Плетнева, Н. Солженицына, Н. Серебренников и др. авторы).
- Академик Сахаров: как урегулировать афганский конфликт.
- КПСС в цейтноте (статьи А. Авторханова, Ф. Незнанского, В. Рыбакова, Д. Штурман и С. Тиктина, А. Югова).
- Экономический эксперимент в СССР (Ф. Незнанский и Р. Редлих), Новое в западной экономике (Б. Пушкарев).
- М. Назаров: «Что легче повернуть вспять: реки или решения партии?».
- Вл. Солоухин. Введение к антологии писателей-«деревенщиков»
- Интервью с гл. редактором «Русской мысли» И. Иловайской.
- Свящ. А. Киселев. Полемика с советским автором о Крещении Руси.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев” видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев”, литературный ежеквартальный журнал „Грани”; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев” типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда”. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР”, ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержки с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: М. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M.-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: А/С 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за шесть месяцев:
с января по июнь 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНОБЫЛЬ. НТС о катастрофе в Чернобыле (2). — Чернобыльская катастрофа и поведение властей (9). — Запад о Чернобыльской катастрофе (14). — А. Югов. Неиссякаемый источник катастроф (18).

ПО СТРАНЕ. Хроника (23). — Валерий Сендеров (29). — Т. Плетнева. Помогите Сендерову (29). — Политзаключенный Леонид Бородин (30). — Из письма Л. Бородина к матери (30). — Л. Бородин. Россия, прости... (31). — Дьякон Владимир Русак (32). — Сергей Ходорович (33). — Н. Солженицына. Заявление (33). — Ирина Рагушинская (34). — Творить добро никто не запретит. ИГЗПИ (34). — Н. Серебряников. Обращение к верующим и Обращение в ЮНЕСКО (35). — Г. Владимов. Двадцать второе января (36). — Ленинградская СПБ (38). — Экономические новости (39). — Положение в стране и задачи НТС (41).

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Рыбаков. Погружаясь в трясину (43). — Письмо академика А. Д. Сахарова (48). — Афганская хроника (48).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Я. Трушнов и ч. Террор и его вдохновители (50). — Кризис ЮНЕСКО (52). — Зарубежная хроника (54).

КПСС. В. Рыбаков. Какой страх сильнее (56). — А. Авторханов. Горбачев и Чебриков: „кто кого?“ (62). — Д. Штурман, С. Тиктин. О двух „редакциях“ одной программы (66). — Ф. Незнанский. КПСС в цейтноте (69). — А. Югов. Дислокация завершена (82).

ЭКОНОМИКА. Ф. Незнанский, Р. Редлих. Экономический эксперимент (88). — А. Югов. Какую экономику они хотят? (92). — Б. Пушкарев. Новое в западной экономике (99).

„ПОСЕВ“ — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев“ участвует во внутрисроссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. М. Назаров. Что легче повернуть вспять: реки или решения партии? (104). — Р. Редлих. Министр и писатель (113). — Интервью с Б. Комаровым: „Природа — последнее достояние советских граждан“ (115). — М. Славинский. Прислушиваясь к боли русской деревни (117). — Вл. Слоухин. Введение к антологии „деревенщиков“ (118).

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ. Сопротивление будет продолжаться. Инт. с И. Иловайской (121).

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. Протопр. А. Киселев. Открытое письмо Н. С. Гордиенко о тысячелетии Крещения Руси (122). — Прот. К. Фотиев. Заметки о социальном учении христианской Церкви (129).

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ. Р. Р. Лук и лира Гераклита (133).

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Н. Росс. Самоуправление и свобода в России. О книге С. Пушкирева (135). — Р. Редлих. Разрыв с Москвой. О книге А. Шевченко (138). — О. Александров. Новый роман о свержении советской власти. О книге Р. Мосса „Московские правила“ (139).

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ. А. Волный. Дарит атмосфера ожидания (140). — Андрей Д. „Права советского гражданина“ (141). — И. Соколов. Будни советской милиции (142). — В. Малышев. Новые трюки СЭВа (142). — Из Инф. бюлл. „Встречи“ (143).

НТС о катастрофе в Чернобыле

Об атомной катастрофе в Чернобыле и радиации, покрывшей большую часть Украины, Белоруссию и Прибалтику, советское правительство старается сказать как можно меньше или дает противоречивые сообщения. Между тем это самая большая из случившихся до сих пор в мире атомных катастроф. Информация о ней далеко недостаточна, и пока нельзя обозреть все ее последствия. Но мы считаем необходимым поделиться тем, что нам известно.

Как было дело

В ночь с 25 на 26 апреля на атомной электростанции в Чернобыле произошел взрыв, в результате которого начался пожар в активной зоне одного из реакторных блоков. Около 180 тонн раскаленного добела урана, смешавшегося со спечсплавом расплавившихся оболочек, потекли, наподобие радиоактивной лавы, и вырвались наружу. Масса обнажившегося таким образом радиоактивного материала была больше массы атомной бомбы, сброшенной над Хиросимой. Разница в том, что бомба была взорвана в воздухе, выдавая разом весь свой смертоносный заряд, а обнажившийся радиоактивный материал, вследствие горения графита, выдает свой смертоносный заряд продолжительное время, рассеиваясь по всему земному шару.

О катастрофе в Чернобыле мир узнал не из советского сообщения, а в результате резкого повышения радиоактивности в атмосфере (в 6 раз против допустимого), установленного измерительными станциями Финляндии и Швеции 27 и 28 апреля. Метеорологи без особого труда определили направление ветров, несших радиоактивное облако, и выяснилось, что источник излучения — атомная электростанция в Чернобыле. Уже 28 апреля утром скандинавские послы обратились к советскому правительству, но министерство иностранных дел ответило, что никаких неполадок в системе АЭС нет.

Между тем графит реактора продолжал гореть. Советское правительство поняло, что

скрыть катастрофу нельзя, но только 30 апреля опубликовало короткое официальное сообщение, после которого катастрофа, стыдливо названная „аварией“, перестала быть государственной тайной.

Но и только. Потому что ни в первом правительственном, ни в последовавших за ним публикациях и заявлениях не содержится серьезных и точных данных о причинах и ходе катастрофы, о составе и мощности радиоактивного излучения, о глубине и расположении зон, пребывание в которых связано с большей или меньшей опасностью для здоровья людей, и о степени опасности. Об этом приходится судить лишь по косвенным, зачастую трудно уловимым признакам, а о судьбе людей, которых правительство не считало нужным предупредить об опасности и указать, как с ней бороться, лишь по устным рассказам и слухам.

Стараясь „не поднимать паники“ и поднять настроение озабоченного населения, телевидение и пресса начали работать на преумножение случившейся беды.

Исполнительное Бюро Совета Народного Трудового Союза российских солидаристов уже 1 мая, когда в ужасающем объеме атомной катастрофы в Чернобыле не осталось сомнений, выступило по этому поводу со следующим заявлением:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Исполнительного Бюро Совета
Народно-Трудового Союза
российских солидаристов

Взрыв на атомной электростанции в Чернобыле, подвергший радиоактивному облучению не только значительные территории нашей страны, но и соседние страны, — катастрофа мирового значения.

Это не первая катастрофа такого объема. Об атомном взрыве в районе Челябинска, в результате которого заражена огромная территория, о бактериологической катастрофе в Свердловске, стоившей жизни сотням людей, о взрыве ракетного арсенала в Североморске, приведшем не только к человеческим жертвам, но и к большим разрушениям, власть никогда не сказала ни слова.

Часть этого материала вошла в специальное 12-страничное издание, предназначенное для передачи советским гражданам.

Замалчивание или куцые, а то и лживые сообщения о катастрофе в Чернобыле, а еще хуже, недостаточная забота о пострадавших и о населении в зонах опасности — безответственно и преступно.

НТС выражает соболезнование пострадавшим и, заботясь о судьбах страны, считает необходимым, в соответствии с требованиями граждан, проведение следующих мероприятий:

1. Сообщить всю правду о причинах и последствиях катастрофы в Чернобыле; указать точно месторасположение и размеры зон опасного радиоактивного излучения; провести эвакуацию всего населения из районов наибольшей опасности; организовать необходимые мероприятия по предотвращению и лечению лучевых заболеваний; принять иностранные предложения помощи пострадавшим; выпустить информационную литературу для населения подвергшихся радиации районов.

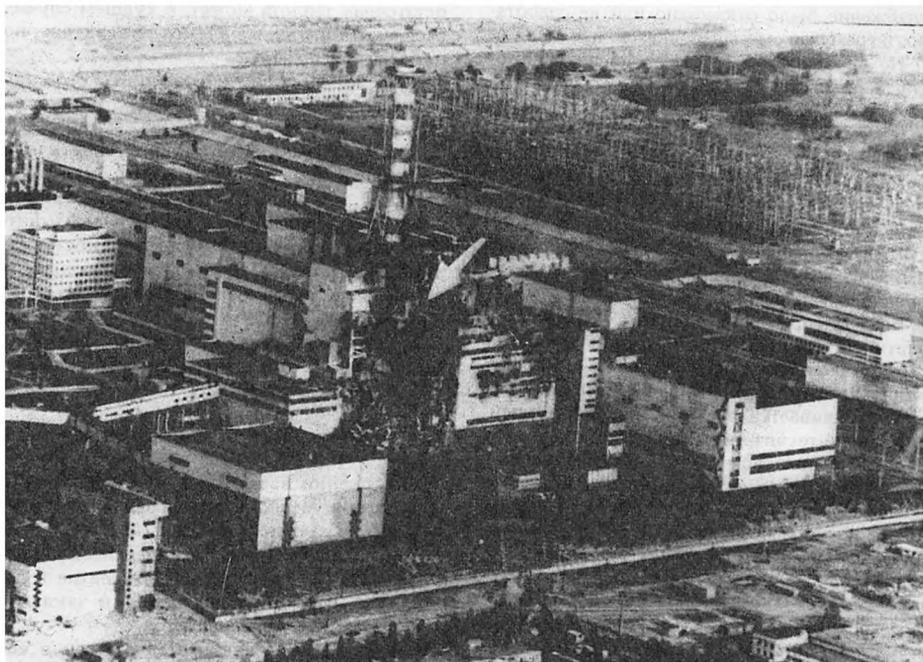
2. Прекратить эксплуатацию атомных реакторов данного типа, работающих с низким

коэффициентом безопасности, но удобных для изъятия плутония для военных нужд; провести контроль и пересмотр всех систем предохранения и безопасности на работающих АЭС; приостановить постройку запланированных на XXVII съезде АЭС до введения в нашей стране мировых стандартов безопасности; соблюдать международные правила, предусматривающие необходимые мероприятия в случае атомных катастроф.

Поведение правительства в условиях произошедшей катастрофы лишней раз доказывает, что оно не имеет права управлять страной.

1 мая 1986 г.

Несмотря на то, что положение в Чернобыле остается сложным, расплавленная радиоактивная масса бывшего реактора, на которую с воздуха сбрасывают песок, свинец и всасывающий нейтроны бор, продолжает вьедаться в землю, по этим, казалось бы, само собой разумеющимся мероприятиям,

Разрушенный реактор

по информации населения и предотвращению лучевых заболеваний делается ничтожно мало, а о пересмотре системы АЭС нет и речи. Напротив, план дальнейшей отстройки производства энергии с помощью АЭС будет выполняться ускоренными темпами, невзирая на риск дальнейших катастроф: КПСС во главе с Горбачевым бессовестно демонстрирует перед всем миром свое отношение к населению не как к людям, о которых нужно заботиться, а как к человекодням, к рабочей силе, как к источнику энергии, который нужно лишь максимально эксплуатировать.

Причина катастрофы

Что именно было непосредственной причиной взрыва на Чернобыльской АЭС, мы узнаем, когда КПСС не будет у власти. Есть предположение, что взрыв произошел в системе автоматического управления и вызвал перебой в подаче охлаждающей воды, но можно предположить и неожиданное выпадение тока, в результате которого остановился центральный насос; аварийное токоснабжение было отключено или не сработало, и гремучая смесь взорвалась.

Но дело не только в дефекте системы обслуживания работы реактора. Гораздо хуже то, что советские АЭС недостаточно защищены. Как правило, над ними не возводятся специальные защитные колпаки из железобетона. Когда по настоянию некоторых ученых над Воронежской АЭС такой колпак был построен, ответственный по безопасности работник института ядерной физики им. Курчатова объявил этот расход „выброшенными деньгами“.

Беда тут прежде всего в том, что в глазах партийного руководства многократная перестраховка атомных электростанций в Европе экономически не оправданна и полностью уравнивается высокой квалификацией инженерно-технических кадров.

АЭС в Чернобыле была построена без железобетонного защитного колпака, а ее заводом недостаточное покрытие развалилось сразу же после взрыва. (Так заключили шведские ученые, обнаружив у себя в атмосфере радиоактивный нептуний 239, исключительно нестойкий элемент.)

Загоревшийся реактор Чернобыльской АЭС — это один из 27 работающих в Советском Союзе уран-графитовых реакторов канального типа РБМК-1000. Активная зона та-

кого реактора состоит из массивного графитного блока диаметром 15 метров, в который вмонтированы 1900 напорных трубок из специальной циркониевой стали; эти трубки принимают по два тепловыделяющих элемента и промываются водой; вода принимает возникающую в процессе расщепления тепловую энергию и, через турбинные установки, преобразует ее в электрическую. Графит служит при этом замедлителем нейтронов, освобождающихся при распаде атома. Цепная реакция может затормозиться или приостанавливаться, что позволяет использовать реактор также и в качестве бридера для производства плутония для термоядерных бомб. Основной недостаток таких реакторов — сложное переплетение трубчатых соединений, делающее конструкцию трудно обозримой и увеличивающее число критических точек. Это повышает риск аварий в сравнении с водо-водяными энергетическими реакторами (ВВЭК), в которых поток нейтронов замедляется водой. Если в таком легководном реакторе образуется течь, цепная реакция распада атомов прекращается, и опасная остаточная теплота может, в худшем случае, расплавить активные элементы реактора, но не вызывает пожара.

Если же в первичном контуре РБМК появляется течь, это увеличивает мощность, что при ослабевающем охлаждении грозит воспламенить графит. Стоит треснуть или расплавиться защитной газонепроницаемой стальной оболочке, и катастрофа налицо: графитовый блок превращается в гигантский тлеющий синий огоньком костер, в жаровом потоке возносящий различные, в том числе и радиоактивные, газы высоко в атмосферу.

Именно это случилось в Чернобыле. Густое черное облако, наблюдавшееся над ним, свидетельствует об этом.

Биомедицинские последствия

Для оценки возможных биомедицинских последствий Чернобыльской беды власть до сих пор не дает достаточных сведений. В нашем распоряжении лишь общеизвестные научные данные, наблюдения, сделанные в нескольких европейских странах, и заключения иностранных специалистов.

В атмосфере скандинавских стран в составе первого облака было обнаружено четырнадцать радиоактивных микроэлементов.

тов, в том числе нуклиды йода, стронция, цезия, циркония, ниобия, молибдена, нептуния. Что же говорить о более близком окружении догорающего реактора, излучение которого достигало тысячи рем, дозы, смертельной для всего живого.

Эвакуация 30-километровой зоны вокруг этого реактора была правильным, но совершенно недостаточным мероприятием. Опасность радиоактивного облучения не останавливается на пороге тридцатикилометровой зоны. Более слабые степени облучения сказываются отнюдь не сразу и прослеживаются отнюдь не просто. Показанное в советском телевидении веселое лицо эвакуированной из-под Чернобыля колхозницы, которая „уже работает на новом месте“, или рабочих Чернобыльской АЭС в профилактории под цветущей яблонькой, должно успокоить зрителей, смягчить их оправданный страх и оправдать легкомыслие наших правителей. Но оно не снимает необходимости профилактической информации. В нашей стране работают еще 27 АЭС типа РБМК-1000 (т. е. таких, как в Чернобыле). Уверенности в том, что ни на одной из них не случится аналогичной катастрофы, нет и быть не может. Люди должны знать, что такое радиоактивное излучение, чем оно грозит и что можно сделать, чтобы хоть отчасти защититься от него.

Будем надеяться, что раскаленный радиоактивный слиток не опустился до подземных вод, что сильно увеличило бы заражение среды. Но уже сейчас можно сказать, что заражение вод на поверхности, в том числе и стекающих в Днепр, чрезвычайно значительно. Заражение атмосферы разносится ветром, и от движения ветров и выпадения осадков зависит количество радиоактивных частиц, перенесенных в районы, весьма отдаленные от центра излучения (достаточно указать на серьезную зараженность в северо-восточной Польше, где отказались от употребления молока и растущих на поверхности овощей, а детям давали препараты йода). Опасность заболеваний, вызываемых радиоактивными частицами, отнюдь не ограничивается тридцатью километрами вокруг Чернобыля. Вопрос только в том, как велика эта опасность?

Современная наука не дает однозначного ответа на этот вопрос. Протекание болезни при высоких дозах радиоактивного облучения известно. При облучении выше 700 рем

человеку уже через несколько минут становится дурно, у него начинается рвота, неудержимый понос и жар свыше 40°. Смерть наступает в бреду как избавление. Облученные дозами от 400 до 700 рем начинают болеть не сразу. Лишь через 10-14 дней у них начинается выпадение волос, появляются язвы во рту, кровотечение в желудке и кровавый понос. Выживает в этом диапазоне не более 50% больных. Те же симптомы проявляются при меньших дозах облучения в 200 и даже 100 рем, но лишь через две или три недели. Процент смертности падает до 5-10%.

Облученные столь высокими дозами исчисляются сотнями. Горбачев назвал цифру — 299. Для первых дней катастрофы это можно принять. Но общее число облученных оценивается в 100.000 — это эвакуированное население 30-километровой зоны. Сколько из них будет заболевших менее острыми формами лучевой болезни, мы не знаем и, вероятно, никогда не сможем узнать. Облучение может проявиться через месяцы, а то и годы.

Но опасность, исходящая от вырвавшегося в Чернобыле радиоактивного излучения, не была сосредоточена вокруг догорающего реактора. Она повсюду. Дело тут в том, что лучевые заболевания сами по себе не заразны, они передаются не от человека к человеку, а через воздух, воду и пищу. Их вызывают не вирусы и не микробы, а внесенные в организм радиоактивные частицы различной долговечности и различных качеств. Радиоактивный йод, осаждающийся в щитовидной железе и вызывающий рак этой железы, недолговечен; период его полураспада — 8 дней. Стронций, напротив, весьма долговечен (полураспад 28 лет) и осаждается в костной ткани. Общее число радиоактивных нуклидов, вырвавшихся при Чернобыльской катастрофе, составляет, вероятно, несколько сот наименований. Эти частицы выходят сначала в атмосферу, затем в виде осадков заражают землю и воду, совершая везде свою разрушительную работу; наиболее распространенный результат: заболевания крови и злокачественные опухоли.

Сколько еще людей через месяцы, годы и десятилетия заболеют лучевой в результате выброшенной Чернобыльским реактором радиации, никто не может сказать. Установлено только, что в первые дни после катастро-

фы основная масса радиоактивных веществ, в силу погодных условий, пошла на север и запад и лишь затем, в несколько ослабленном виде, на юг и восток.

Советская власть, всячески стараясь преуменьшить случившееся, проявила лишь самую ничтожную заботу о защите населения. Из 30-километровой зоны оно было эвакуировано, но за запретной 30-километровой полосой люди, как правило, остались жить на местах, как будто ничего не случилось. Ни в Гомеле, ни в Минске, ни в Киеве почти ничего не было сделано; указаний, как беречься от радиации, сразу дано не было (чтобы не вызвать паники!). Все, кто уехал из Киева, уехали по собственной инициативе, оценивая опасность по слухам и разговорам. Дополнительные поезда и автобусы были поданы лишь неделю спустя после катастрофы и в заведомо недостаточном количестве. Сведений об интенсивности радиации в различных местностях вообще не давалось. Протяженность зон и вероятная продолжительность вредоносного излучения указана не была. Результаты замеров радиации счетчиками Гейгера на советской территории, может быть, известны руководителям партии и правительства, но не людям, живущим там, где они проводились. Большой безответственности нельзя себе и представить!

Теперь, когда прошло столько времени после катастрофы, многого, конечно, уже не сделаешь. Какова была и остается мощность радиации по зонам и дням, мы не знаем. Принимать йодистый калий теперь уже бессмысленно. Можно посоветовать только в порядке, так сказать, „личного здравоохранения” еще несколько месяцев, пока сохраняется повышенная радиация в воде и в почве, где она держится дольше, чем в воздухе, в зоне до 500 км отдаленности от Чернобыля по возможности не ложиться нагишом на землю, не купаться в открытых водоемах, не пить дождевой воды, тщательно промывать теплой водой овощи и фрукты, особенно произрастающие на поверхности земли, поменьше пить молока, особенно от коров, пасущихся на воле, не есть пресноводной рыбы, почаще принимать душ или ходить в баню. Ну, и понятно, по силе возможности выезжать и оставаться подольше за пределами Украины, Белоруссии и Литвы. Не у каждого есть такая возможность.

В случае же появления таких симптомов, как рвота, понос, язвы во рту и выпадение волос, немедленно обращаться к врачу.

И что же дальше?

Чернобыльская катастрофа должна была бы толкнуть правительство на радикальный пересмотр предохранительных устройств всех наших атомных электростанций. Ничего подобного не наблюдается. Аналогичная Чернобыльской АЭС РБМК-1000 на Неве под Ленинградом, та самая, которую „Ленинградская Правда” в год пуска (1977) именовала „жемчужиной в созвездии атома”, продолжает работать, как ни в чем не бывало. А ведь технологические условия на ней, включая злополучный графитовый блок, те же, что и в Чернобыле, и аналогичная катастрофа угрожает непосредственно Ленинграду. Продолжает выдавать ток и построенная в 1954 году первая в мире АЭС в Обнинске между Москвой и Калугой. Это, правда, лишь небольшая экспериментальная АЭС, но о защитных устройствах на ней лучше не говорить. От нее и при нормальной работе исходит, — пусть незначительная, — непрерывная радиация, прекратить которую было бы давно пора.

„План — это закон”, и с тупым упрямством „партия и правительство” не только делают вид, но, по-видимому, и в самом деле думают, что ничего особенного не случилось и можно продолжать жить, все глубже увязая в болоте безответственности, бюрократического самодовольства и беспардонной лакировки действительности. Вся горбачевская болтовня о необходимости правдивой информации, все его обещания говорить народу всегда правду, всю правду и только правду, оказались чистойшей демагогией.

Экономические последствия

Чернобыльская АЭС давала Украине 4 миллиарда киловатт-часов в год, и потеря их, конечно, отразится на энергетическом хозяйстве страны. Это шестая часть суммарной выдачи энергии всех наших атомных электростанций. Но это всего лишь киловатты. Это пустяки в сравнении с ущербом, нанесенным стране погоней за грешком экономией, на которую надеялась КПСС, пренебрегая защитными устройствами на атомных электро-

станциях, пренебрегая предостережениями П. Л. Капицы и других ученых. Главная пестера — это заражение среды обитания долговечными радиоактивными частицами, проникающими практически везде, воздействующими на генетический фонд всего живого и вызывающие лучевые заболевания не только у человека, но во всей биосфере. Западная Европа из понятной осторожности закрыла свои границы для ввоза пищевых продуктов из стран социалистического лагеря, опасаясь, что канцерогенный стронций в мясе польских гусей, в румынской кукурузе и даже в бойко экспортируемой советской водке вызовет дополнительные заболевания раком. Но ведь это значит, что зараженные продукты будут использоваться на месте и войдут буквально „в плоть и кровь” населения.

Большое экономическое значение имел бы, конечно, пересмотр и усовершенствование системы безопасности всей атомной энергетики. Он стоил бы недешево. Но от него власть пока отказывается: принятый на XXVII съезде пятилетний план остается в силе. Повторные катастрофы в учет не принимаются, хоть вероятность их, — и это главный урок Чернобыльской катастрофы, — не так уж мала. Напротив, при неизменной экономической политике власти, с ее установкой на ускоренное наращивание производства энергии с помощью АЭС при заведомо недостаточном обеспечении безопасности, эта вероятность растет.

Народ должен знать: пока КПСС руководит нашей экономикой, мы идем навстречу катастрофам аналогичным, а может быть, и покрупней Чернобыльской. В глазах партии это экономически оправданно. В наших глазах — преступно.

Политические выводы

Первое следствие — потеря престижа советским руководством в иностранном мире, обусловленная отказом давать достойную доверия информацию. Правда, дипломаты и руководители международной политики давно уже знают, что представители КПСС умеют, как говорится, „врать не краснея”, и выдавать очевидную ложь за чистейшую правду. Знание об этом стало теперь, однако, достоянием широких масс, по меньшей мере в Европе, где люди, боясь стать жертвами радиоактивного излучения, жадно ловили все сведения о его распространении. В ре-

зультате обеспокоенные собственным здоровьем баварцы и шведы знают о случившемся в Чернобыле и о последствиях радиоактивного облучения больше, нежели жители Минска или Киева.

Но потеря международного престижа не самое важное следствие недостойного поведения наших правителей. Важны выводы, которые надо сделать из Чернобыльской трагедии.

Что было, то было: не предусмотрели, не ожидали, не подготовились, растерялись, не сумели правильно оценить масштаб и значение случившегося, повели себя как захваченные на дурацкой шалости дети, пытались убедить окружающих, а может быть, и самих себя, что ничего особенно плохого не случилось, и, немножко поплавав, можно продолжать жить по-прежнему.

И в самом деле, простым невооруженным глазом, без измерительных приборов никакой радиации ни в воздухе, ни в земле, ни в воде заметить нельзя, и облученная смертоносным стронцием зелень ни видом, ни цветом, ни вкусом не отличается от обычной. И лучевка неострой формы проявляется ведь не сразу, люди будут страдать и гибнуть не в течение дней, а в течение лет. Оценить весь объем биологического и экономического вреда, нанесенного Чернобыльской катастрофой, сможет лишь небольшое число посвященных, допущенных к информации ученых, от которых ведь не зависит ее дальнейшее распространение. Гласность же в нашей стране диктуется, как всем известно, не нуждами информации, а нуждами пропаганды. Изменить эту ленинскую установку значило бы изменить самую суть партийного режима...

Пересмотр же программы по энергетике, необходимый в случае переброски средств в устройство полноценного предохранения атомных электростанций, повлек бы за собой и пересмотр только что принятого на XXVII съезде пятилетнего плана...

Обюрократившаяся, привыкшая к роскоши, постаревшая и окостеневшая партийная власть стремится отмахнуться от случившегося, не делать из него никаких выводов, сделать информацию о числе беккерелей где-нибудь в Полтавской области или в Литве государственной тайной, отремонтировать Чернобыльскую АЭС и, плюнув в лицо мировому общественному мнению и обманывая

собственный народ, добывать энергию из атома, не соблюдая должной безопасности и расплачиваясь время от времени очередными катастрофами до тех пор... пока это можно.

Похуже, что наши правители не хотят видеть и не видят, что, как уже сказано в Заявлении НТС, „взрыв на атомной электростанции в Чернобыле, подвергший радиоактивному облучению не только огромные территории нашей страны, но и соседние страны, — катастрофа мирового значения”, и не собираются сделать из нее никаких выводов.

Выводы же эти суть:

1. *Гласность как условие безопасности при любом распространении радиации из АЭС.* Эта гласность должна начаться с обнародования полноценной информации о случившемся на Чернобыльской АЭС. Должно быть составлено и опубликовано добросовестное и полное описание распространения радиации, облученных территорий, степени их облучения, всех наблюдений за воздействием радиации как на людей, так и на органическую жизнь на пораженных территориях.

Независимо от этого необходимы:

- Разработка защитных мер на случай любого рода распространения радиации и доведения их до всеобщего сведения.
- Предупредительная подготовка населения, — в особенности проживающего в угрожаемых зонах вокруг АЭС, — на случай возможных аварий и катастроф.
- Незамедлительная и безотказная передача МАГАТЭ (Международному Агентству по атомной энергии в Вене) всех полезных для его работы данных.
- Активное участие в международном обмене информацией и опытом.

2. *Введение строжайших правил безопасности и международный контроль за их соблюдением.* Здесь требуется:

- Активное участие в выработке международных общеобязательных правил безопасности работы АЭС.
- Перестройка работающих в СССР АЭС согласно этим правилам.
- Допуск международного контроля над безопасностью эксплуатации атомной энергии в мирных целях и участие наших представителей в этом контроле на территориях 26 государств, построивших у себя атомные электростанции.

*

Радиация, как ветер и дождь, не знает государственных границ. Радиоактивные частицы из Чернобыля, — пусть в допустимых дозах, — но достигли северной Швеции и вызвали тревогу во всей Европе. Выработка электроэнергии с помощью атомного распада — не внутреннее дело отдельных государств. (Как, впрочем, не внутреннее дело и химические и иные вредоносные выбросы в моря и в атмосферу.) Отказываться от эксплуатации атомной энергии для мирных целей нельзя и не надо. Но надо поставить эту эксплуатацию под ответственный и добросовестный контроль.

Канцлер ФРГ, Гельмут Коль, уже проявил инициативу и заговорил о созыве конференции государств, пользующихся атомной энергией, для обсуждения и согласования мер по безопасной работе атомных электростанций. Этой инициативе нельзя дать погаснуть в бесплодных спорах. Дело нашего правительства и нашей страны, — именно потому, что у нас произошел крупнейший за всю историю АЭС выброс жизнеопасной радиации, — подхватить эту инициативу.

Восстановить международный престиж и доверие народа можно только на пути правды. Не будь советской власти, Россия, без сомнения, пошла бы по этому пути. Выработка электроэнергии — не военная тайна. Засекречивать ее незачем. А огласить степень зараженности радиацией, — если уж она вырвалась из-под контроля, — нравственный долг руководителей страны и перед оказавшимся под угрозой населением, и перед специалистами других стран, задумывающимися о риске аналогичной катастрофы у себя дома.

НТС совершенно уверен, что некоммунистическая Россия не стала бы засекречивать информационные данные, которые вовсе не надо скрывать, и приняла бы самое живое и искреннее участие в международном сотрудничестве в области защиты Земли и ее обитателей от угроз современного технического прогресса.

НТС уверен также, что конструктивные силы нашего народа, люди, задумывающиеся над нашим будущим, хотели бы сделать из Чернобыльской трагедии предлагаемые выше выводы.

Чернобыльская катастрофа и поведение властей

Пожар на Чернобыльской АЭС, по официальным советским данным, начался в ночь на субботу 26 апреля, в 1 час 23 минуты, хотя американские средства наблюдения уже накануне зафиксировали прекращение телефонной связи в районе Чернобыля, а одновременно интенсивную связь с Москвой.

Новый начальник Агентства печати Новостри В. Фалин в интервью западногерманскому журналу „Шпигель” (№ 20, 12.5) сказал, что Горбачев был информирован уже в субботу вечером („вопрос только, в каком объеме”), прочие члены Политбюро — лишь в понедельник 28.4. И речь всюду шла об „аварии”; слово „катастрофа” решено было избегать, особенно неподходяще оно звучало бы перед майскими праздниками. Фалин заключает: „Мы были внутренне не подготовлены”.

Внутренне-то ладно, не подготовлены были ни технически, ни политически; и выгнали все наружу иностранные наблюдатели. Уже через сутки, в воскресенье 27.4 в Финляндии соответствующая аппаратура показала резкое повышение радиоактивности. На другой день то же отметили шведы, потом датчане. Сначала искали неполадки у себя, потом установили приток зараженного воздуха с востока.

Радиоактивность в Скандинавии в шесть раз превысила допустимую, и в понедельник 28.4 послы Швеции, Дании и Финляндии обратились с запросом в Министерство иностранных дел СССР. Им было отвечено, что никаких данных о неполадках в системе АЭС нет. А уже вечером того же дня по радио в заграничной программе было передано сообщение ТАСС об аварии на Чернобыльской АЭС, причем в комментарии было добавлено, что в СССР это первый случай такого рода, а вот в США только за один 1979 год зарегистрировано 2300 аварий, срывов и разных неполадок.

Молчать было уже нельзя, но информация ограничивалась заграничными радиопередачами.

Украинский министр здравоохранения Романенко находился в США на конгрессе медиков, и когда журналисты обратились к нему, он ответил, что, если было бы нечто серьезное, он давно уехал бы. После этого он сразу же и уехал. Дома он выразил неудовольствие тем, что киевляне начали принимать без разбора медикаменты против облучения и кое-кто уже умер: „находятся люди, склонные к панике”. Давно известно, что советские правители сами панически боятся „паники”, то есть активной реакции населения. Между тем, кстати, финские рабочие в Киеве уже в воскресенье 27.4 по телефону сообщили домой, что киевляне им говорят о каком-то несчастье в Чернобыле, но подробности неизвестны. Вскоре телефонная связь с заграницей была прервана. Впрочем, стэнцы знали все из финского телевидения, белорусы от поляков...

Во вторник вечером было передано второе сообщение ТАСС, и оно уже, с некоторыми опущениями, появилось в газетах в среду 30.4. Это сообщение „От Совета Министров СССР” удивляет уже началом: „Как уже сообщалось в печати” (какой? иностранной?), „на Чернобыльской атомной электростанции, расположенной в 130 километрах севернее Киева” (по прямой, по воздуху, до АЭС всего 110 км), „произошла авария. На месте работает правительственная комиссия под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР т. Щербины Б. Е.”. Авария произошла „в одном из помещений 4-го энергоблока” (из 4-х) и „привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ”. Три остальных блока остановлены. „При аварии погибли два человека”. Радиационная обстановка „на электростанции и прилегающей местности стабилизирована” (то есть радиация продолжается в прежней мере), „пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь”. „Жители поселка АЭС и трех близлежащих населенных пунктов эвакуированы”. За состоянием радиационной обстановки на АЭС и в окружающей местности „ведется непрерывное наблюдение” (и только, а меры защиты?).

Что может узнать читатель из такого сообщения (на пятый день с начала событий!): когда произошла „авария”? каковы ее причины и размер, в частности, „некоторой утечки”?

Что может узнать читатель из такого сообщения (на пятый день с начала событий!): когда произошла „авария”? каковы ее причины и размер, в частности, „некоторой утечки”?

ки" радиоактивных веществ? сколько "пострадавших", как и в какой мере, какая оказана помощь? где границы "окружающей местности", как далеко распространяется волна радиационного заражения, в каком направлении, какие меры защиты надо принимать (чтобы не отравиться "без паники на кладбище")? Все это подробно бы описала "буржуазная" печать и далеко не на пятье сутки.

Правительственное сообщение в прессе за 1 мая уточняет, что было "госпитализировано всего 197 человек, из них 49 покинули госпиталь после обследования". Достается Западу, где якобы пишут о гибели тысяч людей (в серьезной прессе писали о вероятных числах пострадавших физически или имущественно, как это бывает при катастрофах).

2 мая "Правда" печатает сообщение о технических мерах за 30 апреля; радиоактивность на территории АЭС и в поселке электростанции уменьшилась в полтора-два раза, но среди пострадавших 18 человек "находятся в тяжелом состоянии". А на соседней странице, с цветочками, репортажи под шапкой "Над страной весенний ветер веет" — о "праздничных торжествах в союзных республиках". Первыми идут Киев и Минск: маршируют тысячные колонны первомайских демонстраций, на трибунах — местное начальство, над колоннами лозунги "Утверждайте и развивайте новаторский дух XXVII съезда КПСС!".

А иностранным туристам и журналистам дорога в Киев закрыта, телефонная связь с городом прервана. А в Западной Европе, вплоть до Рейна, по радио регулярно сообщаются точные данные о нарастающей концентрации радиоактивных веществ, даются советы не брать в пищу свежую зелень, не пускать детей на песок и траву, не пить свежего молока, не выпускать коров на луга... И это за 1500 км от Киева, где якобы, по радио-сообщениям для заграницы, "состояние воздуха не вызывает опасений". И недаром взъярился американский профессор Гольдман, обвиняя советское правительство, что оно обращается со своими гражданами, как с "сорной травой", игнорируя опасность генетических аномалий. Ведь, по наблюдениям через американскую систему спутников, в районе Чернобыля, в 1 км от АЭС, уже после взрыва играли в футбол. И, по советским сообщениям, "работа предприятий, колхозов, совхозов и учреждений идет нормально".

Чтобы не "возбудить паники", не "терять престижа", советские власти молчали о том, что они обращались за советом и помощью к западным экспертам и учреждениям, что вызвали американского специалиста по заболеваниям костного мозга доктора Гейла, что закупили во Франции химикалии, в Англии защитные костюмы, в ФРГ телеуправляемые вездеходы. Зато "Правда" 5 мая напечатала сообщение некой американской общественной организации "Паблик ситизен" о том, что "около 20 тысяч различного рода происшествий и неполадок произошло на американских атомных электростанциях с 1979 года". При этом оставлен в стороне вопрос, были ли жертвы и выходило ли что-либо за пределы страны. Правительственное сообщение в газете о Чернобыльской АЭС ничего конкретного не приводит; так, мол, "продолжаются работы по ликвидации последствий". В то же время кандидат Политбюро Ельцин, будучи в Гамбурге на съезде западногерманской компартии, авторитетно заявляет, что авария никак не повлияет на энергетическую политику СССР и строительство новых АЭС будет продолжаться, как запланировано.

Лишь 6 мая, через 10 дней, начинают пробиваться подробности. В официальном сообщении говорится о радиационной обстановке и необходимых мероприятиях "на территориях Украины и Белоруссии", о трудоустройстве населения, "эвакуированного из 30-километровой зоны АЭС". "Правда" публикует репортаж своих спецкоров "из района Чернобыльской АЭС": в городе Припять жили и работали 25 тысяч человек, "а теперь город пуст"; после взрыва пожарники сбивали огонь "на высоте в 30 метров", сапоги у них увязали в "расплавленном от высокой температуры битуме"; из поселка АЭС и прилегающего района были эвакуированы "многие тысячи жителей". А к этому времени радиоактивное облако достигло США и Канады; Австрия, а за ней ФРГ, пресекали ввоз овощей из всех восточноевропейских стран, прочие товары подвергались контролю.

7 мая опубликовано сообщение о пресс-конференции в министерстве иностранных дел, где зам. министра А. Ковалев сосредоточился на полемике с Западом, а зам. пред. совмина Б. Щербина (председатель правительственной комиссии) впервые назвал момент "аварии", подытожил и уточнил уже

известные сведения, сообщив, среди прочего, что с диагнозом лучевой болезни госпитализировано „всего 204 человека”. „Правда”, кстати, поместила репортаж о старте „велогонки Мира”, которая началась 6 мая в Киеве и продолжалась по „утопающим в зелени” улицам города до 10 мая, когда гонщики улетели в Варшаву, на другой маршрут.

Правительственное сообщение за 7 мая говорит, что на территории „за пределами зоны, непосредственно прилегающей к станции”, уровень радиации несколько повышен по сравнению с естественным фоном, „однако он не представляет опасности для здоровья людей”. А что в зоне? „Правда” 8 мая печатает репортаж спецкоров из района АЭС: „вертолет... над реактором. И очередная порция песка, глины, свинца и бора будет брошена в его чрево, чтобы еще больше обезопасить людей от его радиоактивного яда. Нет, к сожалению, борьба с ним не закончена, она продолжается. И тысячи людей ведут ее с еще большей яростью, чем накануне”.

Очередное, четверговое, заседание Политбюро 1 мая было пропущено, из-за праздника, и оно собралось лишь 8 мая. По официальному сообщению в „Правде” (9.5), там долго обсуждали „меры по коренному повышению качества продукции”, а потом (через две недели после „аварии”) рассмотрели „сообщение правительственной комиссии о ходе работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС”. Одобрили меры по „материальному стимулированию коллективов предприятий и организаций, которые трудятся в зоне АЭС”, а также по бытовому, трудоустройству, материальному и медицинскому обеспечению „переселяемых граждан”. Затем перешли к „ряду других вопросов, связанных с дальнейшим совершенствованием хозяйственного механизма”, „с осуществлением внешнеполитического курса”...

Пресса и радио сообщают о подвигах (что бесспорно), но также о пресловутых „энтузиазме” и „сознательности” населения, что постепенно корректируется в репортажах с мест. Так, в „Правде” (9.5) спецкоры передают из Киева: „Пожалуй, вначале киевлянам не хватало полной информации о происходящих событиях, о положении в городе. И это давало основания для всевозможных слухов, которые, кстати, весьма активно распространялись разными „голосами” Запа-

да... Открываются люди по-разному. Оказались и малодушные; есть такие, кто попросту сбежал”.

Кстати, в том же репортаже имеется сцена, которая оказывается „энтузиазмом не впопад”: „В корпункт „Правды” входит женщина...

— Прошу вас мою точку зрения обязательно напечатать в газете!.. Я Полина Владимировна Кузьменко, медработник. Меня возмущает, что некоторые люди в городе распускают вздорные слухи. Мол, школы закрываются, детей увозят из города. И из-за этого у некоторых людей скучные лица, давленное настроение. У меня дочь Аленька. Учится в девятом классе. Я знаю, что экзамены в школе начинаются 25 мая. Зачем же распускать такие слухи?!... По иронии судьбы, в тот же день 9 мая, когда „Правда” напечатала „точку зрения” Полины Владимировны, киевское радио возвестило, что каниклы начнутся 10 мая.

Дезинформация, умолчания характерны для центральной и республиканской прессы. 8 мая председатель Совета министров Украины Ляшко принял в Киеве группу иностранных журналистов, сообщил разные технические детали, а также назвал число эвакуированных из района Чернобыля — 84 000 человек. В центральной прессе это опущено. (13 мая газета „Красная звезда” исчислила эвакуированных в 92 000 человек.)

В связи с тем, что в Западной Европе установили контроль товаров и транспорта из восточноевропейских стран, ТАСС 9 мая опубликовал официальное сообщение, в котором было сказано, что „советские товары и транспортные средства не представляют опасности с точки зрения радиоактивности ни для населения нашей страны, ни для граждан других государств”. Но в тот же день австрийская пресса сообщила о том, что в Румынии создана контрольная комиссия (во главе с Еленой Чаушеску, женой президента), которая вызвала на помощь западных ученых. А если ветер подул на юг, то что же тогда говорить о Киеве, в 110 км южнее Чернобыльской АЭС.

С 5 мая в СССР, по приглашению советских властей, находился генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Бликс. 8 мая его возили в Киев, потом он осмотрел АЭС с вертолета („видел дым”, — сказал он журналистам).

9 мая в Москве на проходной пресс-конференции он сказал, что удовлетворен „предварительной информацией”, полученной от советских властей (через 10-14 дней), и будет ждать „подробное и авторитетное описание аварии, ее причин и последствий... от советских специалистов после необходимого анализа”. Вообще ему обещали „оперативно информировать МАГАТЭ о радиационной ситуации” (уже начали сообщать данные о радиоактивности, погодных условиях и направлениях ветров с контрольно-измерительных станций в Ленинграде, Риге, Вильнюсе, Бресте, в Закарпатской области, в Кишиневе и в 68 км от Чернобыля). Кое-что из сказанного на пресс-конференции советская пресса умолчала: по словам Бликса, первые сведения о волне радиоактивности были получены в МАГАТЭ от шведов 28 апреля, а это опровергает советские заверения, что они информировали без промедления.

Вернувшись в Вену, Бликс признал советскую информацию недостаточной и поздней. Все же в Киеве он видел привычную жизнь города, и нет оснований говорить об опасности для здоровья людей. А журналисты сообщали в то же время о передаваемых по местному радио советах городских властей: держать окна закрытыми, не есть салата, ежедневно мыть волосы; была запрещена уличная продажа мороженого.

12 мая „Правда”, помимо краткого правительственного сообщения, где было сказано, что „на территории Украины и Белорусии уровни радиации остаются прежними”, поместила первую фотографию общего вида Чернобыльской АЭС, а также репортаж о „проверке на мужество”, в котором уже рассказывается о преступной халатности и бездушии местных руководителей-коммунистов и наложенных взысканиях, вплоть до исключения из партии и снятия с руководящих должностей. В дальнейшем волна наказаний поползет вверх, до рядов „среднего звена”.

В демократических странах, по традиции, главное лицо государства при больших катастрофах немедленно посещает район бедствия, лично знакомится с обстановкой, встречается с местными жителями. Горбачев, за первый год своего руководства немало поездивший по городам и селам страны, проводя „беседы” с местными руководителями и „рядовыми трудящимися”, не нашел времени и мужества отправиться в Чернобыль. Туда 2 мая (через неделю после

катастрофы) приехали члены Политбюро: председатель Совета министров СССР Рыжков, секретарь ЦК КПСС Лигачев и первый секретарь ЦК КП Украины Щербицкий. Они „ознакомились с обстановкой в районе атомной станции”, „побывали в населенных пунктах, где встретились с трудящимися, временно эвакуированными из района АЭС”; по словам министра Романенко, даже отведали чистой воды из Киевского водохранилища (хотя, по его же словам, купаться в открытых бассейнах было запрещено).

Горбачев выступил по центральному телевидению лишь 14 мая вечером, в конце третьей недели после „аварии” (по французским данным, к тому времени радиоактивное облако обошло земной шар и вновь появилось в Европе, уже ослабленным). Он подвел временный итог человеческим жертвам: двое погило при взрыве, 299 было госпитализировано с лучевыми поражениями, из них семь скончалось. Выразил соболезнование семьям пострадавших, благодарность занятым спасением людей и тушением пожара. Заявил, что худшее позади, но уровень радиации в районе АЭС еще высок и опасен, и дело теперь в ликвидации последствий аварии.

Американский доктор Гейл 15 мая, перед отъездом из Москвы, на пресс-конференции уточнил, что из 299 человек с радиоактивным переоблучением 35 оказались в критическом состоянии, из них 7 скончалось, 19 подверглись операции по пересадке костного мозга (для остальных она либо противопоказана, либо не имела смысла). Приходится, к сожалению, ожидать, что последуют дальнейшие смертельные исходы. Среди прочего, было сказано, что ему пришлось сразу же затребовать некоторые медикаменты из-за границы, что его желание самому съездить в Чернобыль осталось без ответа, что сильное переоблучение за пределами 30-километровой зоны он считает маловероятным, но симптомы развития лучевых заболеваний обнаруживаются порой через месяцы, а то и годы. (Вернувшись домой, Гейл высказал опасение, что угрозе такого развития подвергаются свыше 100 000 человек.) Перед самым его отлетом из Москвы 16 мая Гейл сказал журналистам, что из критически переоблученных в живых осталось 24 человека, еще 4 умерло, и общее число скончавшихся составило 13 человек.

В заявлениях ответственных лиц за первые недели после катастрофы много неясно-

стей, противоречий. По словам Щербины, из города Припять (отстроен в 1979 году, через год после пуска первого блока АЭС) эвакуация проведена во второй половине 27 апреля, а корреспондент АПН на четвертый день якобы видел, как там люди шли на работу „как обычно”. Первый секретарь Киевского обкома Ревенко сказал, что зона эвакуации расширена с 10 на 30 км через неделю после взрыва, а стало быть, целую неделю люди жили в 10-30 км от станции, под сильным облучением. Белорусское министерство здравоохранения заявляло, что в Минске не наблюдается повышенной радиоактивности, когда Совет министров СССР уже объявил, что радиационная обстановка в Белоруссии „стабилизируется с тенденцией к улучшению”, а французское посольство в Москве обнаружило на французке, приехавшей из Минска, радиоактивное вещество в дозе, превышающей официальный черновильский максимум.

*

В оценке черновильской катастрофы советские авторитеты „расходятся” довольно странным образом. Председатель Гос. комитета по использованию атомной энергии А. Петросьянц 2 мая в беседе с западными дипломатами в Москве сказал, что она — „самая крупная в истории мирного использования ядерной энергии” и может нанести „тяжелый удар по использованию ядерной энергии не только в СССР, но и во всем мире”. Академик Г. Арбатов, член ЦК КПСС, специалист в области мировой экономики и международных отношений, 4 мая в радиоинтервью по лондонской станции Би-Би-Си заявил, что „последствия аварии в Чернобыле не более серьезны, чем последствия всего лишь одного ядерного взрыва в атмосфере”; то есть что-то вроде Хиросимы. Одним словом: более или менее, но это серьезно и будет иметь последствия.

По всем данным, первопричиной катастрофы надо считать несовершенство технически отсталой конструкции АЭС, ее охлаждающей системы. К этому добавляются недостатки техники безопасности, соответствующих инструкций персоналу, несурьезные инструкции сверху (особенно перед Первомаем). Касательно безопасности, поражают спешные закупки огнегасительных химических, телеуправляемых взездеходов, даже огнезащитной одежды в зарубежных странах, когда уже шла борьба с пожаром; сюда же

относится затребование нужных медикаментов американским доктором Гейлом из США.

Широкие размеры бедствия определены позорным и преступным поведением властей — сверху донизу: замалчиванием событий, кучей информацией и прямой ложью, из-за уродливого и мелкобуржуазного страха перед „паникой”, „потерей престижа”. Только антинародная власть может так бояться своевременной и полноценной информации в критические моменты грозных событий и широких бедствий. К тому же, молчание руководителей лишь порождает разного рода слухи и толки в массах, информационный вакуум заполняется пробивающимися все законы международными средствами массовой информации, прежде всего радиовещанием, и все это лишь углубляет ров между тоталитарной властью и народом.

Объяснения умолчаниям и дозированной информации давались убогие. Леонид Кравченко из Гос. комитета по телевидению и радиовещанию сказал: „Что лучше: обо всем сообщать сразу или ждать проверки? Скороспелые сообщения ненадежны и ведут к панике!”. А если жизни человеческие под угрозой?

Еще нелепее рассуждения пресс-секретаря Министерства иностранных дел Владимира Ломейко: „Когда в семье кто-то умирает, мы не растворяем двери и не кричим: смотрите, что происходит! Существует на свете такт, но это продукт долгого развития культуры” (сказано в Нью-Йорке, в поучение американцам). А если в доме пожар, стоит ли нетактично беспокоить соседей?

Скорее всего, и трагические последствия „аварии” будут скрывать, насколько возможно: развезут пораженных по разным городам, по больницам и кладбищам.

В мировом масштабе пошли испытанным путем: наступление — лучшая оборона, а потому кинулись подсчитывать, сколько было аварий у американцев. Оказалось, 2-3 тысячи в год, то есть каждый день 5-8 аварий! Нетрудно угадать, какой значимости были эти аварии, но и о них все известно, а вот сколько и каких было у нас — самим неизвестно.

Черновильская катастрофа причинила ущерб и зарубежным странам. Но Горбачев в своем выступлении даже не выразил сожаления, где уж там ожидать извинений. Кое-кто в Европе ставит вопрос о возмещении убытков; пусть будут рады, что их еще не обложили площадной бранью.

Атомная энергия широко вошла в экономику, постепенно оттесняя нефть, уголь, лесоматериалы, использование которых вредит атмосфере, климату, растительности, животным и здоровью людей. Атомные электростанции поставляют значительную долю в общем потреблении электроэнергии в передовых индустриальных странах Европы: во Франции это 65% (часть даже продается за границу), в Бельгии 60%, в Швейцарии 34%, в ФРГ 30%. Вряд ли это обратимо; в развитии техники недостатки и пороки каждой достигнутой ступени преодолеваются дальнейшим совершенствованием этой ступени, и в данном случае атомной энергетики речь идет об усвершенствовании системы безопасности. Кроме того, уже изучаются возможности получения энергии путем синтетических реакций: не расщеплением, а слиянием атомных ядер.

В общественном плане необходима открытость, подконтрольность атомных агрегатов (может быть, их разукрупнение, отказ от

гигантомании), надзор и освещенность об их влиянии на окружающую среду, подобно метеорологическим сводкам; доступность для средств массовой информации.

В своем докладе на XXVII партсъезде Горбачев сказал: „Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении... Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой”.

Итак, участие в управлении страной немислимо без расширения гласности. Гласности должен требовать народ. Гласности должна требовать и осуществлять ее общественность, в первую очередь научно-техническая интеллигенция, которая несет ответственность за последствия научно-технического прогресса. И только гласность создаст и укрепит доверие между нашим народом и другими народами мира — основу всемирной безопасности.

Запад о Чернобыльской катастрофе

Попытаемся дать обзор того, что сообщили западные средства информации о Чернобыльской катастрофе. Эти сообщения не дают подробной картины того, что произошло, поскольку советские руководители сразу отгородили место катастрофы стеной молчания, однако они достаточно достоверны. Советская информация о катастрофе, как всегда в подобных случаях, — не информация, а признание поймавшего на месте преступления уловника, который руководится лишь одним желанием: сказать как можно меньше.

Изложенное ниже — сводка сведений, почерпнутых из газет, журналов, радио и телепередач (главным образом европейских), многократно повторявшихся разными станциями, что лишает нас возможности каждый раз указывать источник.

Как узнали о Чернобыльской катастрофе

Кому положен орден за проявленную высокую бдительность? Кто первый сообщил о грозящей людям и природе опасности? Ответ на этот вопрос звучит трагически и осуждающе: орден надо было бы дать ветру, дувшему в северозападном направлении. Если бы 25 и 26 апреля массы воздуха из Киевской области не ушли бы за кордон, а потянулись внутрь страны, у советских правителей была бы возможность молчать намного

дольше, а последствия катастрофы были бы еще более ужасными.

Первой на взрыв в Чернобыле отозвалась — утром 28 апреля — автоматическая тревожная сигнализация шведской атомной электростанции Форсмарк. Спецгруппа, ответственная за безопасность, установила, что с реактором все в порядке: счетчики Гейгера, бенешно работавшие вне здания, внутри АЭС успокоились. Вскоре выяснилось, что во всей Швеции, в Финляндии, Дании радиация превышает нормы, а проверкой направления ветра установили — радиация не „своя”, а чужая, что она — следствие катастрофы, происшедшей где-то в районе Киева.

Всеобщее возмущение

Уже 29 апреля западные радио, телевидение и печать сообщили, что атомная катастрофа в Чернобыле вызвала резкую реакцию в первую очередь во всей Скандинавии, общественность которой возмущена прежде всего тем, что советские власти в течение нескольких дней так бесцеремонно, ни с чем не считаясь, держали в тайне трагическое происшествие. Свое недовольство советским властям в первую очередь высказали шведское и дат-

ское правительства, требуя объяснения причин советского молчания. Считают поэтому, что даже лаконичное сообщение ТАСС от 28 апреля вызвано не доброй волей советских руководителей, а дипломатическим нажимом.

Люди в Киеве, столице Украины, в этот момент еще не знали, что за два дня до этого примерно в ста километрах к северу от их города вспыхнул адский атомный огонь, — говорится в гамбургском „Шпигеле“ от 5 мая 1986 г. — Они покупали на базарах, как обычно, фрукты и овощи, украшали дома и улицы для первомайского праздника. Начальник Генерального штаба американской армии Уильям Дж. Кроув докладывал конгрессменам, что он пришел в ужас, когда на основании фотографии, сделанной со спутника, было установлено, что советские власти не отменили футбольное состязание вблизи реактора, хотя с момента катастрофы прошло уже несколько часов — бегавшие за мячом футболисты даже не подозревали о грозящей опасности.

Вот так, молчанием и у себя, и вовне хотели бы обойти советские власти то, что произошло в четвертом реакторе самой крупной атомной электростанции...

Только под давлением мировой общественности и оттого, что они какое-то время считали, что без иностранной помощи не смогут погасить пожар реактора, они признались, что произошло „несчастье“, а потом даже заговорили о катастрофе.

По сообщениям шведской прессы, советские дипломаты вскоре после того, как стало известно о катастрофе в Чернобыле, явились к руководителям шведской инспекции атомной энергии с запросом: как гасить пожар на атомных реакторах?

Представитель ведомства атомной промышленности Западной Германии, выступая по телевидению, сообщил, что советское посольство в Бонне обратилось к ним за советом: как тушить горящий графит.

Как сообщила шведская пресса, население советской Прибалтики узнало о Чернобыльской катастрофе из сообщений финского телевидения, принятых в Эстонии. Сообщение это сразу облетело — через личные связи — всю Прибалтику. После этого литовцы, латыши и эстонцы стали запрашивать по телефону у своих соотечественников, проживающих в эмиграции в Швеции о том, что же произошло вблизи Киева? В особенности обеспокоены литовцы, поскольку в восточной части Литвы, недалеко от стыка границ Литвы, Латвии и Белоруссии, в гор. Игналина в прошлом году запущена атомная стан-

ция того же типа, что в Чернобыле, но больших размеров.

Целью дня и весь вечер во вторник (29 апреля) киевское радио не сказало ни слова о том, что произошло в Чернобыле, хотя Чернобыль находится от Киева всего в 100 километрах по воздушной линии, — сообщает швейцарская „Нойе шорхер цайтунг“ от 3 мая 1986 г. — Только в ночь на среду по третьей программе было передано сообщение ТАСС из Москвы. Однако третья программа предназначена только для украинцев за границей и в Украинской ССР ее не слышно, — очевидно, она передается с территории ГДР. Только лишь в среду, 30 апреля, киевское радио передало по первой программе краткую версию Москвы о происшедшем несчастье. Таким образом население Украины должно питаться главным образом иностранной информацией. Однако, как сообщают, с момента чернобыльской катастрофы усилилась работа советского радиоглушения, которое затрудняет, а то и полностью делает невозможным слушание западного радио.

Что такое РБМК?

Катастрофа в Чернобыле позволит американцам лучше оценить советский подход к контролю над ядерным вооружением, — говорится в „Вашингтон пост“. — Катастрофа атомной станции в Чернобыле — именно тот случай, когда правдивая и открытая информация была бы совершенно естественной: ведь дело идет не о военном объекте, а о гражданской атомной электростанции, где нет военных секретов. Никакого нарушения договоров тут бы не было, полная информация о катастрофе была просто необходима, она улучшила бы меры по охране здоровья общества, а также и климат международных отношений. Но Советский Союз счел нужным молчать, пока за границей не была поднята тревога в связи с радиоактивными осадками. Однако и после этого советское правительство давало такие краткие и туманные разъяснения, что они казались бы смешными, если за ними не была бы трагедия.

Утверждая, что Чернобыльский реактор — не военный объект, американская газета ошибается.

Чернобыльский „примитивный реактор“ (выражение одного атомного специалиста) устроен так, что может производить плутоний, годный для военных целей, — сообщает гамбургский „Штерн“. — Низкий уровень его безопасности является ценой его использования для военных нужд: часть топливных элементов может быть извлечена без того, чтобы прерывать работу реактора, для того, чтобы добывать из них материал для атомных бомб. Электрическая энергия в некоторой части советских реакторов — всего лишь побочный продукт.

Реактор РБМК нужен Советскому Союзу в первую очередь для того, чтобы с его помощью получать плутоний для бомб, — считает журнал „Шпигель”. Скорее всего это и было причиной того, что советские руководители предпочитают реакторы типа РБМК, а также и того, что они никогда не допускали к нему международный контроль и ни одного реактора этого типа не экспортировали.

Впрочем, как утверждают в один голос иностранные специалисты, никто бы и не допустил на Западе постройку такого, опасного для окружающих реактора. Дело в том, что существующие на Западе реакторы при аварии автоматически выключаются, в РБМК же, в случае если откажет охлаждение, модерационное действие графита увеличивается, то есть, чем слабее охлаждение, тем сильнее действует реактор, что и ведет неминуемо к катастрофе. Обо всем этом еще раз напомнило агентство Рейтер, добавив, что когда один из советских высокопоставленных атомщиков в 1983 г. посещал Западную Европу, ему было указано на опасность использования РБМК. Однако он уверял, что в СССР соблюдаются все необходимые меры предосторожности и что авария — та, которая теперь произошла — невозможна.

В парижском еженедельнике „Валёр актьюэль” говорится, что атомные реакторы черновильского типа — РБМК, единственные в своем роде. В Советском Союзе их всего 27. Работают они на слабообогатенном уране с графитным модератором, контролирующим ядерную реакцию. Если система охлаждения (водяного) выходит из строя, то ядерное топливо расплавляется, графит возгорается и вырываются в окружающую среду радиоактивные вещества. При необходимых мерах безопасности, считают авторы еженедельника, авария не столь опасна, так как радиоактивные вещества не уходят за пределы помещения реактора. В 1969 году во французском реакторе в Сен-Лорран-лез-О, похожем на черновильский, была подобная авария, но радиоактивные вещества не вырвались наружу и никто не пострадал, так как реактор этот, в отличие от черновильского, обладал системой защитных коллапов (по иронии судьбы французы называют этот тип защиты „русской куклой”, то есть „матрёшкой”. — Р е д.). Эти реакторы, говорится далее, служат для получения электроэнергии, а также для военной промышленности, которой они поставляют плутоний для

атомных бомб. Несмотря на это, даже для этих реакторов не хватает запасных частей. А поскольку в СССР все подчинено плану, советские реакторы работают на износ: их не останавливают, даже если по техническим причинам это необходимо.

Крупнейшая французская газета „Монд” напоминает, что 10 октября 1957 года в северо-восточной части Англии на военном объекте Уиндскейл, реактор которого работал подобно черновильскому, с графитным модератором и производил плутоний, произошел пожар, длившийся двое суток. Вырвавшееся наружу радиоактивное облако содержало йод-131 и поллоний-210. Тогда, в виде одной из защитных мер, было запрещено употребление молока, надоенного в радиусе 200 миль от места аварии. Считают, что излучения йода-131 вызвали 260 случаев рака щитовидной железы (из них 13 со смертельным исходом), а от излучений поллония умерло 12 человек.

Рассуждения и комментарии

Эту опасность нельзя воспринять ни руками, ни глазами, ни ушами — человек не обладает органом, способным ощутить радиоактивное излучение, — напоминает гамбургский „Шпигель”. — И поэтому нас все более и более тревожат сообщения по радио и телевидению: не пить молоко от пасущихся на лугах коров, тщательно мыть свежие овощи — сначала в Польше, затем в Баварии, потом в Гессене. Радиоактивное излучение, до 500 раз превышающее норму, было зарегистрировано в некоторых областях Польши, в особенности в восточной части Мазурского поозерья. Надо считаться с „некоторым количеством” заболеваний рака щитовидной железы, было сказано на одной из пресс-конференций. Врачи считают: в последующие 30 лет раком как следствием облучения заболеют около 10 000 поляков.

Как произошла катастрофа на черновильском реакторе, насколько велико заражение областей, задетых зараженными радиоактивностью воздушными массами, сколько людей погибло или пострадало — обо всем этом мир не знает, а если знает, то только частично, на основании западных реконструкций, — комментирует газета „Франкфуртер альгемайне”. — Советская информация сработала так, как и следовало от нее ожидать разумным людям: она вовсе не вышла из строя, а по указанию свыше сперва молчала, а затем сообщила своему собственному народу и обеспокоенному миру только то, о чем невозможно было умолчать. (...) Такое поведение тем более порочно, что население СССР, кроме специалистов, ничего не знает о риске, связанном с атомными установками, а также о том, как себя вести во

время несчастных случаев, при которых освобождаются радиоактивный материал. Была проведена эвакуация, но неизвестно, через какой срок после того, как начал плавиться и взорвался недостаточно защищенный реактор (или реакторы) и начался пожар. На размеры и интенсивность облучения, которому подвергается живущее вблизи население, именно этот срок имеет решающее влияние. Следует опасаться, что тяжеловесный, находящийся под строгим контролем тоталитарного государства аппарат и в этом случае прореагировал слишком поздно.

Причины Чернобыльской катастрофы остаются неизвестными, — считает корреспондент белградской „Политики“ после пресс-конференции 9 мая 1986 г. в Москве, на которой выступил генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Х. Бликс. — Самое интересное, пишет он, это новые данные о радиации в Чернобыле в первые часы после происшествия; она доходила до 36 миллирентгенов, в то время как нас до сих пор уверяли, что самый высокий зарегистрированный уровень не превышал 10-15 миллирентгенов. Далее нам стало известно, что эвакуация населения из наиболее опасной зоны вокруг реактора началась только 27 апреля, а не 26-го, как мы думали до сих пор. То есть через 36 часов после взрыва и пожара. И, наконец, представители этой уважаемой международной организации заявили журналистам: первое сообщение о том, что что-то произошло, они получили от шведов в понедельник 28 апреля.

Нью-Йоркский корреспондент „Политики“ сообщает:

После первоначального успокоения американская общественность снова обеспокоена Чернобыльской катастрофой, которая, возможно, еще продолжится. Ведущие атомные специалисты на основании сообщений из Чернобыля считают, что ядро реактора, хотя оно теперь и изолировано сверху, все еще раскалено и может прожечь фундамент и попасть в грунтовые воды, текущие в Припять, а из нее — в Днепр. В таком случае под ударом оказалось бы снабжение водой Киева и большей части Украины. /.../ На основании анализа сообщений из Москвы американские специалисты считают, что в Чернобыле специальные рабочие бригады пробивают туннель к основанию реактора, под которым находится (пустой теперь) резервуар для воды, чтобы заполнить его и таким образом понизить температуру расплавленного ядра реактора.

Тот факт, что ответственные за советскую атомную промышленность с пренебрежением и самоуверенностью относятся к мерам безопасности, есть прежде всего результат подавления открытого обмена мнениями в СССР, — считает „Нью-Йорк таймс“. — В этом закрытом обществе дискутировать дозволено только на верхах, а там прислушиваются лишь к своему собственному голосу. Засекреченность

— опасная болезнь, и Чернобыль — один из ее симптомов. Эта болезнь угрожает и советскому народу, и его соседям. Советские лидеры нередко говорят, что закрытость советского общества необходима для обороны против внешнего врага. Однако подлинная опасность СССР грозит не извне, а изнутри.

Москва, не сообщив сразу подробно и четко о происшедшем, показала, что она — безответственный член международного сообщества, — считает комментатор „Крисчен сайенс монитор“. — Советский Союз доказал свою безответственность как член международного сообщества и тем, что при строительстве Чернобыльского реактора не воздвиг над ним железобетонное покрытие, при наличии которого утечка радиоактивных веществ сводится до минимума. Так, например, в США 90% стоимости атомных электростанций так или иначе связано с обеспечением надежных мер безопасности... Все мы живем в одном мире, воздух и вода суть достояние всех людей, и Советский Союз не имеет права это общее достояние отравлять и вдобавок скрывать то, что мы можем и обязаны знать о Чернобыльской катастрофе.

Катастрофа в Чернобыле говорит не столько об атомной энергии, сколько о самом Советском Союзе, — пишет нью-йоркский „Уолл-стрит журнал“. — ...Утечка радиации произошла, очевидно, потому, что в чернобыльских реакторах не было защитных приспособлений. Советские руководители пытаются развивать свою промышленность ни с чем не считаясь... Вследствие этого они идут на большой риск, — причем жизнь граждан и общественное мнение не имеют в СССР той ценности, какую они имеют на Западе.

„Информационная политика“ Москвы просто не поддается описанию, — говорится в газете „Вестфелли рундschau“, выходящей в Дортмунде. — В Каринтии (Австрия) не выпускают детей на улицы, в Швеции считаются с повышением количества раковых заболеваний, в Польше выливают зараженное молоко, — а господа в Кремле играют в молчанку... Невероятный скандал, за который советское правительство несет полную ответственность.

Весь успех горбачевских заигрываний пошел на смарку за одну ночь... Ему придется начать все заново и лучше всего было бы, если бы он положил все карты на стол и принял бы помощь, которую ему предлагают из-за рубежа, — считает лондонский „Гардиен“.

Если бы Горбачев готовил специальный сценарий, чтобы подорвать к себе доверие как к надежному партнеру на переговорах о контроле над атомным вооружением, то ничего лучшего, чем поведение советской стороны во время Чернобыльской катастрофы он не мог бы изобрести, — считает комментатор „Вашингтон Пост“.

То обстоятельство, что Советскому Союзу безразлична судьба людей, еще сохраняется в памяти и тогда, когда о чернобыльской станции уже забудут, — пишет лондонский „Дейли миррор“.

То, что произошло сегодня, в 1986 году, на Чернобыльской атомной электростанции — для Москвы равносильно проигранной войне, — пишет в газете „Вельт“ К. Г. Штрем, комментарий которого носит заголовок „Горит система“. — Физические и психологические последствия этой катастрофы еще нельзя предвидеть. Во всяком случае они потрясут советскую систему до основания.

Катастрофа свидетельствует не только о безнадёжной и безответственной технической отсталости советской системы, которая разместила такую чрезвычайно опасную атомную установку в густонаселенной области, рядом с украинской столицей Киевом, явно без того, чтобы создать хотя бы минимальные условия безопасности, не думая о судьбе людей, которые должны жить в непосредственной близости этого реактора. Укоренный в марксизме-ленинизме производственный фетишизм, выполнение плана любой ценой, гигантомания, невзвешивая потери, — все это привело к тому легкомыслию, с которым были

поставлены на карту жизни или по меньшей мере здоровью десятков тысяч людей. /.../

Разве новый партийный глава Горбачев не заявлял, что он в своей работе будет руководствоваться принципом гласности, открытой дискуссии? Эта новая гласность не выдержала первого же испытания.

Все красивые слова о сосуществовании и международном сотрудничестве, о „мерах по установлению доверия“, об общей для Москвы и Запада безопасности обернулись такими же пустыми фразами, как и слова Горбачева об „общем европейском жилище“. Советская сторона легкомысленно заразила это жилище атомным облаком. /.../

... если советские руководители закрывают наглухо двери и окна и отказываются сообщать информацию при катастрофе на гражданском объекте, как можно ожидать, что они будут более открытыми в военной области? Жуткая ирония судьбы: в течение долгих лет советская пропаганда создавала призрак атомной смерти для Запада — теперь же Советский Союз сам ее вызвал своей преступной небрежностью. Не столько сам факт катастрофы производит в эти дни столь ошеломляющее впечатление, сколько поведение советских властей. Население Советского Союза, во всяком случае, узнало правду о катастрофе исключительно из передач западных радиостанций на русском языке.

Неиссякаемый источник катастроф

Александр ЮГОВ

30 апреля, на пять суток страшной атомной катастрофы, корреспондент западногерманского телевидения опрашивал на улицах Москвы прохожих: что они слышали об аварии атомного реактора в Чернобыле? Жители ФРГ, вот уже третий день напряженно ловящие каждую крупницу сообщений о катастрофе, с неммым ужасом слушали беспечные ответы москвичей: „Ничего не слышали!“, „Что-то вчера вечером сказали по телевизору...“, „Никаких подробностей не знаем“. Вот энергичный молодой мужчина уверенно „режет“ корреспонденту: „Кому положено, те знают, а если я не знаю, значит мне не положено!“...

Ну, а что бы сказал этот мужчина, если бы его сын или младший брат участвовал в футбольном матче, происходившем на стадионе Чернобыля днем 26 апреля? Снимок этого матча, сделанный со спутника, привел в шок американцев. Напомним, что выброс в атмосферу огромного количества радиоактивных изотопов начался в ночь с 25 на 26 апреля и продолжался много дней (точно неизвестно

— сколько). Что должны сказать родители детей, в чьих неокрепших костях так легко накапливается радиоактивный стронций, если им „положено“ стало узнать о катастрофе лишь 29 апреля?

Если в Финляндии или Швеции радиоактивность внезапно возросла в 6-10 раз, то какова была радиоактивность все эти дни, например, в Белоруссии? Знать об этом „не положено“. Мы можем только догадываться. И решать арифметические пропорции. Например, такие: если на измерительной станции в польском городке Миколайки, отстоящем от Чернобыля на 620 километров, нагружение воздуха радиоактивными лучами было в 500 раз больше нормального, то какой силы радиоактивное излучение должно было быть в Чернигове (80 км от Чернобыля)? в Киеве (130 км)? в Гомеле (140 км)? в Житомире (200 км)? в Бобруйске (210 км)? в Минске (330 км)?

В Швеции или ФРГ, отстоящих от Чернобыля на 1500 км, населению запрещали есть овощи с полей или пить свежее молоко.

Сколько свежего лука съели ничего не подозревающие жители Белоруссии в первые дни после катастрофы? В Югославии население призвали не ходить в лес, не вносить в квартиры верхнюю одежду и туфли. Работавшие беременные женщины должны были оставаться дома. В одной лишь провинции Воеводина 5 мая было уничтожено 100 000 литров молока. Сколько миллионов литров радиоактивного молока выпито на Украине в первую неделю после катастрофы? Вне запретной 30-километровой зоны молоко не только пили, но еще и похвалялись в газетах, что удои колхозных коров в эти дни ничуть не уменьшились!

Как Октябрьская революция 1917 года, эта атомная катастрофа страшна не числом погибших во время нее, но своими неотвратимыми последствиями. Вот расчет известного атомного эксперта профессора Шеера. В радиусе 500 км вокруг Чернобыля

„только смертельных случаев из-за рака легких увеличится в ближайшие десятилетия на 10 000 человек. К этому надо добавить другие виды рака, наследственные болезни у детей, импотенцию, а также повышенную восприимчивость к инфекционным заболеваниям из-за ослабленной радиоактивными лучами иммунной системы”.

А какими величинами измерить психологическую нагрузку? Не скажется ли накопленная радиация на маленьких детях? Каким будет ребенок, который вскоре должен родиться?.. Или партийное начальство полагает, что советскому человеку, прошедшему голод и раскулачивание, войны и лагеря, уже никакие изотопы не страшны? Что ему, живущему в условиях информационной стерильности и тотального обманывания, радиоактивное море по колено?

Вынужденные — с преступным запозданием — признать масштабы происшедшей катастрофы, советские власти пытаются утверждать, что Чернобыль — это первая авария за 30 с лишним лет атомной энергетики в стране. „В многолетней биографии советского мирного атома такой инцидент (! — А. Ю.) — первый и единственный” („Новое время”, № 19, 9 мая). Это прямая неправда. Аварии были и неоднократно. О них просто умалчивали. И в этом — тоже первооснова сегодняшней трагедии.

В 1973 году на ядерной электростанции возле города Шевченко, на Каспийском море, произошел взрыв реактора. Наверняка

даже не все специалисты по ядерной энергетике знают об этом. В 1976 и 1977 гг. были аварии на изготовленных в СССР атомных реакторах в чехословацком городе Яловске Богунице. В 1981 г. была авария на Ровенской атомной электростанции. В 1979 г. в беседе с американским конгрессменом бывший министр энергетики Непорочный признал, что на советских атомных электростанциях были аварии, поведшие к утечкам радиоактивных элементов.

Информация в экспортном исполнении: американцы об авариях на советских реакторах знать могут (ибо они все равно знают), но советские граждане о том, что творится на родных АЭС, знать не должны. Не положено. Надо будет — вам сообщат. (А когда же это — надо? Здесь вот, в буквальном смысле слова, жизненно необходимо — и то не сообщают.)

Информационная „Березка” процветала и после катастрофы. На пресс-конференции 6 мая (на десятый день после взрыва!) председатель правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета министров СССР Б. Щербина признал, что руководство недооценило масштабы радиоактивной катастрофы. В советских газетах это признание отсутствует. Щербина говорил о том, что местные власти неправильно информировали Москву — это признание отсутствует тоже. Председатель правления АПН Фалин в интервью западногерманскому журналу „Шпигель” (№ 20, 12 мая) признал, что руководство страны оказалось внутренне неподготовленным к происшедшему. Но кто же в Советском Союзе читает „Шпигель”?

19 дней молчал Горбачев, совсем недавно так красиво призывавший к гласности. Западные журналисты не случайно вспомнили почти двухнедельное исчезновение Сталина после 22 июня 1941 года. 14 мая Горбачев выступил по телевидению. Он предложил созвать международную конференцию по мирному использованию атомной энергии, на которой можно было бы договориться о единых нормах в строительстве и использовании АЭС, а также о контроле за соблюдением этих норм. Что ж, это уже неплохо. На встрече в Токио с 4 по 6 мая западные главы правительств тоже предложили международный контроль за атомными реакторами. Интересно, что советская пресса, не ожидавшая согласия Горбачева, привычно встретила предложение „семерки” в штыки. Вот что писал,

например, корреспондент „Нового времени” в Токио Ю. Тавровский:

„В нем (в заявлении „семерки” о ядерной энергии. — А. Ю.) излагаются требования к суверенным государствам, выходящие за рамки всех ныне действующих международных соглашений в данной области и представляющие по сути своей открытое вмешательство во внутренние дела других стран”.

После выступления Горбачева эксплуатация ядерной энергии перестает быть сугубо внутренним делом... Надолго ли?

Однако в своем получасовом монологе Горбачев так ничего и не сказал о том, когда руководители страны узнали о катастрофе в Чернобыле и почему они так долго о ней не сообщали. В интервью „Шпигелю” Фалин вынужден был признать, что информацию о взрыве реактора Горбачев имел уже в субботу, 26 апреля. Правда, она, мол, была неполной и неточной. А детальную информацию он получил лишь перед заседанием Политбюро в понедельник 28 апреля. Но какие тут нужны детали? Разве уже телефонный звонок — взорвался атомный реактор! — не достаточен, чтобы известить всех, для кого это вопрос жизни и смерти, а „братские страны” и просто соседи; а в первую очередь, конечно, свое собственное население?

В том же интервью Фалин признал, что одна из соседних стран была своевременно извещена об опасности еще в субботу 26 апреля. Он так и не назвал эту страну по имени, но и без того ясно, что речь идет о Польше. Еще 27 апреля стало известно, что одно „высокопоставленное лицо” в Варшаве интересовалось, какое количество настоек Йода есть в польских аптеках. Затем эту настойку в организованном порядке раздавали детям. Кстати, западная пресса отметила гораздо большую, в сравнении с другими соседями, включая сам Советский Союз, подготовленность польских властей в проведении защитных и профилактических мероприятий.

Но из этого факта следует, что кремлевская верхушка отлично ведала, что она творит своим умолчанием. И дело не в том, что местные власти, мол, не дали достаточно полной информации. Просто в Кремле рассчитывали, что выброс радиоактивности удастся быстро прекратить, а резонанс от уже происшедшей катастрофы преуменьшить. Сделать, как они это умеют, бывшее небывшим. Правители КПСС опять показа-

ли, что их вшивый престиж им дороже человеческой жизни. Дороже и принципов „социалистического интернационализма”.

Ничего нового в этом нет. Умолчание, активное сокрытие правды всегда было иммунной защитой номенклатуры. Началось это буквально на второй день после Октябрьского переворота, когда ленинскими декретами были закрыты независимые газеты. „Мы не желаем кончать самоубийством”, — отвечал Ленин на предложения своих же соратников восстановить свободную прессу. На всем протяжении советской власти заткание рта свободному слову организационно лишь оттачивалось. Тотальная цензура, списки запрещенных тем, спецдопускá, „первые” отделы, подписки о неразглашении...

Благодаря столь надежной технике удавалось скрывать самые страшные катастрофы. Особенно успешно замалчивались катастрофы в глубинке, далеко от внешних границ. Лишь через много лет стало известно о Кыштымской радиоактивной трагедии конца 50-х гг. — атомном взрыве в Челябинской области¹, о взрыве в начале 60-х годов на Свердловском заводе по производству ядерного оружия³. Не из официальных источников узнал мир о пожаре на Белоярской атомной электростанции в конце 1978 г.⁴, о бактериологической катастрофе в Свердловске в 1979 г.⁵, о взрыве ракетного арсенала в Североморске в 1983 г.⁶. Пытались замолчать (пока не просочилось за рубеж) страшную экологическую катастрофу на Днестре в 1983 г.⁷. Железобетонным молчанием окружено то, что происходит на урановых рудниках стран⁸, а это не назывешь иначе, как каждодневной катастрофой. Частые аварии самолетов, поездов, атомных подводных лодок замалчиваются всегда, если в числе погибших нет иностранцев.

Что это? Паническая „боязнь паники”, как признал пресс-атташе правительства Ярузельского Урбан? Но это только часть правды. В конце концов, паника и возникает от слухов, от отсутствия четкого оповещения людей, от пропасти между пропагандой и реальностью. Боязнь ответственности? Но верховные власти всегда ведь находят местных козлов отпущения. Как нашли их и на этот раз.

Полная и всенародная гласность обязана перейти в открытое обсуждение проблемы, в бесцензурные дискуссии, в объективный социально-экономический анализ, в кон-

структивные предложения, альтернативно противостоящие практике реального социализма. И все это, непрерывно углубляясь, неизбежно разест фундамент марксистско-ленинской доктрины. Может ли правящая номенклатура допустить такую угрозу идеологической основе своего властвования?

Уже анализ первых катастроф на атомных электростанциях показал бы советским людям, что интенсификация атомной энергетики в стране идет за счет недопустимо высокого риска, риска на всех технологических уровнях.

В промышленно развитых странах мира давно отказались от графитовых реакторов. Графитовая масса способна накапливать тепло и самовоспламеняться, тушить же пожар толщи графита необычайно трудно. Почему же советское руководство пошло на массовое строительство таких графитовых реакторов? Потому что они, во-первых, дешевле, а, во-вторых, позволяют извлекать плутоний для атомных зарядов ракет. Даже ГДР, не производящая ракетного вооружения, от такой конструкции реакторов отказалась.

Если бы принципиальная конструкция атомных реакторов открыто и без давления сверху обсуждалась специалистами, могли бы советские реакторы быть без наружного железобетонного колпака? Да, такие колпаки в 3-4 раза увеличивают стоимость строительства АЭС. Но зато они тысячекратно уменьшают опасность утечки радиоактивности.

И Фалин, и секретарь Московского горкома КПСС Ельцин, присутствовавший в начале мая на съезде компартии ФРГ в Гамбурге, дали понять немецким журналистам, что причина катастрофы в Чернобыле — „человеческий фактор”. Винават оператор. Но тогда где гарантия, что ошибка уставшего или пьяного оператора вновь не поведет к мировой катастрофе? Надежность атомного реактора не имеет права зависеть от ошибки человека. Так, атомные станции ФРГ снабжены четырехкратной системой аварийного охлаждения, автоматически отключающие реактор при его неисправности.

Еще в 1975 году академик Капица предостерегал от постройки атомных станций вблизи крупных городов. Его поддержали многие ученые. Тем не менее, атомные станции построены и строятся именно вблизи крупных промышленных центров — Ленинграда, Киева, Ростова, Харькова, Минска,

Одессы, Волгограда и др. Так ведь дешевле: и с рабочей силой, и с дорогами, и с транспортом, и с линиями высоковольтных передач. Парадоксально, но атомные электростанции во Франции и даже в ФРГ расположены дальше от крупных городов, чем атомные станции Советского Союза.

Если сравнительно-критический анализ идет дальше, то неизбежно возникают новые и новые вопросы. Почему, собственно, мы вообще привязаны к атомной колеснице? Ну, промышленно-развитые страны Запада — это понятно, у них нет другого выхода. Но мы-то, с нашими колоссальными запасами энергоносителей — нефти, газа, угля, гидроэнергии! Почему мы должны строить атомные электростанции, да еще такие ненадежные, а нефть и газ продавать на сторону? Чтобы покупать продовольствие? А почему нужно его покупать? Почему Россия, поставлявшая зерно Европе до 1917 года, сейчас в огромном количестве это зерно, а также другое продовольствие покупает? Чтобы закупать на Западе машины и технологические установки? А на что ушло одиннадцать пятилеток, полных народного пота и лишений? Почему после более чем полувека напряженной индустриализации мы ведем себя как слаборазвитая страна, торгующая лишь сырьем да еще вооружением для других слаборазвитых агрессоров?

Интенсивно строим атомные электростанции, „числом поболее, ценою подешевле”. Интенсивно их эксплуатируем. Так интенсивно, что даже графитовые стержни меняем на ходу, по-стахановски, не останавливая атомный реактор. Иностранцы в ужас приходят. Ну и пусть приходят. „У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока!”. Пока не пришлось к некоторым из них — специалистам по пересадке костного мозга — за помощью обращаться...

Ну, хорошо, продаем избытки энергоносителей. Но ведь львиную долю потребляем сами. Всю гидроэнергию, 95% угля, 80% природного газа, 75% нефти. В пересчете на душу населения это намного больше, чем потребляет любая высокоразвитая страна Запада, живущая за счет экспорта машин и промышленных установок. Куда же все это идет, если в результате всего не хватает? А суть-то в скромной цифре: для производства условной единицы продукции Советский Союз потребляет в 2,1-2,2 раза больше энер-

гии, чем, например, те же Франция или ФРГ. Более чем в 2 раза!

Нет, это не конец анализа. Тут еще много бы надо выяснять: что это за „условные единицы“, да как они используются, да во что они трансформируются и какой от них конечный прок советскому человеку. Но в отношении энергии уже ясно: так никаких энергоносителей не хватит! Вот и приходится судорожно строить атомные станции, побыстрее да подешевле. Скоро возле каждого крупного города страны будет по своей АЭС. Только можно сразу сказать: при такой рачительности и бесхозяйственности напрасными окажутся все жертвы, настоящие и будущие, все лишения, все героические трудовые подвиги во славу и во имя. Как напрасными оказались жертвы вот уже трех поколений советских людей.

Так, может быть, самое дешевое, самое, в конечном счете, надежное и безопасное — это вообще прикрыть социалистическую лавочку? Вышедший из-под контроля атомный реактор „хороня.“ под толщей песка, бора, свинца. Систему, вышедшую из-под контроля своих возглавителей и идеологов, похоронить, конечно, поспешнее. Но пока это не будет сделано, катастрофы, национальные и общемировые, будут продолжаться.

Они будут не только продолжаться, но и учащаться. Экономика страны перенапряжена. Устарело и устало все — оборудование, технология, „человеческий фактор“. В то же время горбачевское руководство кровно нуждается в успехах, причем в успехах видимых — в более высоких „процентах выполнения“, в более интенсивных темпах роста. В рамках данной системы этого нельзя добиться ничем иным, кроме еще более требовательного „Давай, давай! Нечего рассуждать! Государственный план — закон!“

„Взрывные“ катастрофы, наподобие чернобыльской, — это, по сути дела, видимый прорыв давно идущей социально-экономической болезни. Реагировать на „взрыв“ — поздно, надо реагировать на саму болезнь, желательно в ее начальном проявлении. У системы реального социализма нет необходимого „механизма реагирования“. Наоборот, здесь все руководители, от малых до самых высоких, заинтересованы, чтобы затолкать болезнь вглубь, чтобы не выносить сора из избы, чтобы создать видимость полного благополучия. В таких условиях „взрывы“ неминуемы.

Система реального социализма не обладает необходимым „блокировочным механизмом“, предупреждающим или, по крайней мере, уменьшающим вероятность возникновения катастроф, — даже если речь идет только о видимых, „взрывных“ катастрофах. В условиях социально-экономического плюрализма промышленной экспансии отдельных предприятий противостоят муниципальные и общегосударственные законы, защищающие интересы всех остальных, всего общества в целом. Если же это противостояние не срывается, то вступает в дело „третейский судья“ — свободные и независимые средства массовой информации.

Система реального социализма обладает лишь одним отлично действующим „механизмом“ — механизмом умолчания и засекречивания. Но в умолчании уже заложено зерно будущей катастрофы — в той же или в иных областях человеческой деятельности.

Международный контроль за работой атомных электростанций (если о таковом все же договорится), может быть, несколько успокоит мир, взволнованный Чернобылем. Но он не может предотвратить все остальные разнообразные катастрофы, потрясающие Россию. Эти катастрофы — видимые и невидимые, „взрывные“ и медленно накапливающиеся — будут продолжаться и учащаться, пока существует порочная система, непрерывно их создающая.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. О Кыштымской радиоактивной катастрофе „Посев“ писал несколько раз. Наиболее подробно см. „Посев“ № 8/1983.

3. „Посев“ №5/1983.

4. „Посев“ №1/1980.

5. „Посев“ №№ 1/1980, 4/1980.

6. „Посев“ № 7/1984.

7. „Посев“ № 1/1984.

8. „Посев“ №№ 12/1981, 5/1983.

Борис Комаров

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРИРОДЫ

Крупный советский специалист по вопросам экологии показывает на основании впервые обобщенного материала, что положение на этом фронте в СССР не лучше, чем на Западе. Начиная с „байкальской трагедии“ — грозящей гибели „священного моря“, — автор говорит о еще худшем положении на берегах Азовского моря, рек Немана, Волги, Иртыша.

1981, 2-е изд., карм. форм., 208 с.

18 нм

Хроника

● 8 января в Москве состоялся суд над писателем Феликсом Световым. ТАСС сообщил, что судебное заседание было открытым, на нем присутствовали дочь с мужем, сестра, многие друзья и знакомые писателя. В сообщении было также указано, что Феликс Светов, христианин, был, за публикацию своих литературных произведений за рубежом, признан виновным в заведомо ложных измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй... Ф.Светова обвиняли в связи с НТС и публикации своих произведений в журнале „Посев” и „Грани”. В газете „Русская Мысль” от 10. 1. 86 напечатана статья главного редактора „Грани” Георгия Владимова (статья была написана до суда) в которой русский писатель писал о русском писателе: „Я помню Феликса сразу после ареста Зои — на старой их даче в Ильинской, куда мы с женой приехали, еще не распознали на песке следы чекистских опермашин, и может быть, оттого все случившееся казалось ему еще обратимым, он спрашивал настойчиво, что можно сделать, чтоб Зою вернули домой, ведь это уже так долго тянется, третий день! И нелегко было внушить ему, что если захлопнулась клетка, это надолго, не на три хлопнула клетка, это надолго, не на три дня. С его наивностью, с его детскостью сердца он просто не мог допустить, чтобы Зоя была в чем-то виновна. В его глазах то, что она делала для России, та огромная работа, которую она выполняла почти одна, была подвигом, а не виною. Думаю, он и теперь не понимает, в чем его собственная вина, и следователям не удалось ему объяснить. Признаться, я тоже не понимаю. И кто здравый это поймет?” После ареста в защиту Светова выступил ряд известных писателей в Советском Союзе, включая Евгения Евтушенко. Далее „Кестон-колледж” ссылается на полученную им информацию из страны, согласно которой Светов был приговорен к трем годам ссылки, в то время как ТАСС сообщал о „временной высылке” из Москвы. По последним сведениям, полученным из страны, Светов доставлен к месту ссылки в пос. Усть-Кокса Горно-Алтайской обл. Этап к месту ссылки продолжался более месяца. Зоя Крахмальникова,

приговоренная к 5 годам ссылки, отбывает ее в пос. Усть-Кан Горно-Алтайской обл., в 130 км от места ссылки мужа. Супругам предоставлено свидание сроком на 5 дней. Они ходатайствуют, чтобы власти разрешили им поселиться в ссылке вместе.

● Советские власти решили отпустить на Запад для лечения Елену Георгиевну Боннэр-Сахарову. 2 декабря 1985 г. в аэропорту „Шереметьево” ее провожала горстка друзей и толпа западных журналистов. Но среди провожающих не было ее мужа — Андрея Дмитриевича Сахарова. Такого „гуманного жеста” — разрешить ему проводить жену — советские власти себе позволить не могли. Елена Георгиевна летела в Рим с короткой остановкой в Милане, где ее ждали сын и зять. Вместе с А. Семеновым и Е. Янкевичем Е. Боннэр прилетела в Рим. Чтобы она вовремя могла прилететь в столицу Италии, была отменена назначенная на 2 декабря национальная забастовка. Вот хороший пример для советских властей — солидарность людей доброй воли. В Риме ее встретили представители министерства иностранных дел Италии и новая толпа журналистов. Все средства массовой информации выслали своих представителей, чтобы увидеть эту отважную женщину.

И в Москве, и на пути следования Е. Боннэр мягко объясняла журналистам, что она еще в Москве была вынуждена взять на себя обязательство не давать интервью западным корреспондентам. Таково условие ее возвращения к мужу. А. Д. Сахаров остался заложником в Горьком.

На протяжении всего пребывания Е. Боннэр в Италии она получала от населения страны не меньше знаков внимания, чем глава правительства иной страны. Состоялась встреча Боннэр с премьер-министром Италии Кракиси. В посольстве США ее принял посол, передавший письмо от госсекретаря США Дж. Шульца.

● В СССР — около 3 000 000 заключенных, т. е. один заключенный на 80–90 жителей. В Швеции, например, заключенных 4 000 человек — на 8 000 000 населения, т. е. один заключенный на 2 000 жителей.

● На Западе в марте 1986 г. был показан очередной телевизионный фильм о „жизни Сахарова в Горьком“, заснятый и подброшенный КГБ. Фильм начинается с показа „картинок русской зимы в Горьком“. Зритель видит Сахарова в разных жизненных ситуациях. Многие кадры сняты несколькими скрытыми кинокамерами одновременно. Вот лауреат Нобелевской премии мира вошел в телефонную кабину горьковского почтамта, слышится его голос, обращенный к жене. Не оставляет сомнения, что приведенный телефонный разговор состоит из лоскутков, из отдельных кусков, снятых на пленку в разное время. Но в первую очередь обращает на себя внимание правовой аспект изображенных событий: согласно ст. 56 действующей советской конституции, „личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом“. „Товарищи из КГБ“ еще раз доказали миру, что законы пишутся не для них. Есть в фильме сцены, где Сахаров разговаривает с каким-то „человеком за кадром“. Речь идет о январских предложениях Горбачева. Сахаров говорит: „Очень хорошие предложения“. „Человек за кадром“ спрашивает: „А почему же американцы на них не отвечают?“, — и Сахаров говорит ему, что дело упирается в доверие, а доверия нет между СССР и США. Сахаров не произносит обвинительных речей, он констатирует факт и, возможно, объясняет своему собеседнику, чем вызвано отсутствие доверия, но об этом уже зритель не узнаёт: в фильме разговор обрывается. Но и тот кусочек, который слышен, подтверждает, что Сахаров остается верен себе и своим идеям.

● В Литве была вскрыта подпольная типография, печатающая католическую религиозную литературу. Суд над этой группой печатников проходил в январе 1986 г. в Вильнюсе. Организовал типографию художник Станислав Мураускас после своего возвращения из сибирской ссылки. Он был приговорен к трем годам заключения, а его помощник Донатас Ионулис — к двум годам. Другие участники группы были осуждены условно — Зигмантас Мураускас и Алфонас Вайчекаускас к двум годам, а Стасис Миткус — к одному году. Типография работала семь лет и вскрыта была случайно. 60 католических священников были вызваны свидетелями на суд; явилось только двое. Настоятель одной

из церквей в Вильнюсе открыто выступил с заявлением, что устройством неофициальной типографии не может рассматриваться как преступление. „Советская культура“ посвятила 21 января этому делу статью.

● Владимир Пореш, участник православного семинара в Ленинграде и издатель христианского журнала „Община“, был арестован в 1979 г. и по ст. 70 приговорен к 5 годам лагеря строгого режима и 3 годам ссылки. За честное поведение и защиту других заключенных он был „наказан“ и переведен в Чистопольскую тюрьму, где в 1984 г. он был вновь взят под стражу и по ст. 188-3 приговорен в октябре 1984 г. к добавочным 3 годам лагерного заключения. Дальнейший срок он отбывал в лагере ВД-30/12, пос. Абагур-Лесной, г. Новокузнецк Кемеровской обл. Недавно пришло сообщение, что 20 февраля 1986 г. он неожиданно был освобожден и возвратился в Ленинград. Пока неизвестно, снята ли с него судимость. По некоторым сведениям, решение о его освобождении было принято на самом высоком уровне.

● Шестилетний срок заключения для Александра Огородникова истек осенью прошлого года, затем он должен был бы отбыть еще пятилетнюю ссылку. Но перед освобождением из лагеря Огородников был вновь арестован. Ему была предъявлена ст. 188-3 УК РСФСР, введенная в действие в октябре 1983 г. (злостное неповиновение администрации исправительно-трудового учреждения). Максимальный срок наказания по этой статье — 5 лет лишения свободы.

● Известно, что президент Рейган во время Женевской встречи получил от Горбачева обещание освободить Анатолия Щаранского, осужденного за „шпионаж“, на деле — за правозащитную деятельность, в основном, за право советских евреев на эмиграцию. 11 февраля 1986 года, после 9 лет, проведенных в тюрьмах и лагерях, А. Щаранский был освобожден, официально — передан Западу в рамках уже традиционного обмена шпионами. Однако американцы настояли на том, чтобы он перешел нейтральную полосу (мост между Западным Берлином и ГДР) отдельно от группы разведчиков.

● Поступили неподтвержденные сведения о судьбе солдата Советской армии Александра Суханова (р. 1966), проникшего в амери-

канское посольство в Кабуле и покинувшего его (4. 11. 85) после того, как посольство получило заверения советского посла, что Суханов не будет репрессирован. По поступившим данным, он был вскоре после выхода из посольства приговорен к смертной казни и расстрелян.

● Состоялось воссоединение семьи Андрея Тарковского. 19 января 15-летний сын известного кинорежиссера, попросившего два с половиной года назад политического убежища на Западе, прибыл со своей 85-летней бабушкой во Францию. Для того, чтобы сын мог приехать к отцу, потребовалась помощь правительств Исландии, Италии, Франции и Швеции.

● Компетентные органы продолжают управляться с инвалидами, отстаивающим свои права. В открытом письме Горбачеву член ИГ инвалидов Ю. Киселев перечисляет несколько случаев. Как гебисты избили инвалида I группы (без ног) Рыбкина, а затем пригрозили убить. Инвалида войны учителя Сегеду избивали много раз в разных СПБ, чтобы в конце концов забыть насмерть в Днепропетровской. Смертный приговор ему вынес „врач“ Буткевич. Сегеда осмелился требовать человеческого к себе отношения и прекращения краж посылок. Инвалида Тетерина неоднократно избивал сам директор Воронежского дома инвалидов. Инвалида II группы Прокопчука за требование возместить ему ущерб за травмы и за желание выехать из СССР гебисты избили в здании Московской милиции. В конце своего письма Киселев пишет: „Трудно искоренить привычку! В сталинское лихолетье инвалидов добивали в концлагерях, которые функционируют и поныне, правда, не в таких уже масштабах. Эти лагеря завуалированно названы санитарными зонами, эски называют их голодными зонами. Как правило, к таким лагерям примыкает солидное кладбище. Несчастные узники содержатся в ужасных условиях. Их там с удовольствием обкрадывает и добивает бесконтрольная администрация...“

● Поступили сообщения о появлении первого документа, подписанного от имени Эстонской Хельсинкской группы. Ранее о существовании такой группы известно не было. В документе содержится требование запрета ядерного оружия, вывода иностранных войск с чужих территорий и освобождения политзаключенных.

● Летом 1985 г. в г. Сочи был вновь арестован бывший политзаключенный инженер-энергетик Михаил Жихарев (1927 г. р.). Впервые он был арестован в 1974 г. и обвинен по ст. 190/1 УК РСФСР — фактически за создание книги „Большая афера“, посвященной вопиющим фактам злоупотреблений и коррупции со стороны кубанских властей. Жихарев был признан невменяемым, направлен на принудительное лечение в спецпсихбольницу и освобожден в конце 1984 г. Вторичный арест связан с той же книгой: вероятно, Жихарев давал читать „Большую аферу“ знакомым. Он вновь был обвинен по ст. 190/1 УК РСФСР и отправлен в Армавирскую крайпсихбольницу. Стало известно, что во время следствия сотрудники милиции и госбезопасности избивали Жихарева, требуя от него отречения от своей книги, но Жихарев не уступил давлению. Он признан невменяемым и отправлен в Черняховскую СПБ.

● 8 августа 1985 г. в лагере (г. Кустанай Казахской ССР) был вновь арестован известный оппозиционер, правозащитник Владимир Альбрехт. Ему предъявили обвинение в злостном хулиганстве (ст. 200 ч. 2 УК Каз. ССР). Согласно сфальсифицированному органами госбезопасности обвинению, Альбрехт, якобы, избил другого заключенного. В спешном порядке „дело“ было расследовано, уже 20 сентября В. Альбрехт был приговорен к 3,5 годам лагерей строгого режима. Владимир Янович Альбрехт, 1933 г. рождения, математик, был впервые арестован в 1983 г., срок наказания — 3 года лагерей. Он был обвинен по ст. 190-1 УК РСФСР. Ему вменялось в вину написание книг „Как быть свидетелем“, „Как вести себя на обыске“, а также чтение лекций на юридическую тему. Работа Альбрехта „Как вести себя на обыске“ (опубликована в 1977 г. в 27-м выпуске самиздатского сборника „Вольное слово“, издаваемом издательством „Посев“) помогла многим правозащитникам в период следствия и в суде в их борьбе с карательным аппаратом советского тоталитарного режима. Повторный арест Альбрехта еще одно свидетельство уголовной политики советских властей, взявших за правило репрессировать неугодных им людей в момент окончания срока наказания по предыдущему делу. Жена правозащитника — С. Исхакова живет в Москве, 125499, Кронштадтский бульвар, 30, корп. 2, кв. 431.

● 10 декабря 1985 года у памятника Пушкину в Москве группа людей попытала

лась провести традиционную демонстрацию протеста, которая выражается обычно в том, что в 19 часов демонстранты обнажают голы и проводят пять минут в молчании — в знак траура по отсутствующим в стране свободам и в знак солидарности с жертвами преследований за свободомыслие. 12 человек, подошедших к памятнику, были схвачены, а одного человека, сказавшего, что он хочет прочесть стихи, гебешники повалили и избили. Стало известно, что памятник Пушкину не был 10 декабря единственным местом, где люди пытались провести демонстрацию. Трое советских граждан немецкого происхождения подошли к посольству ФРГ — их милиция арестовала как раз в тот момент, когда они собирались развернуть плакат с требованием свободы выезда.

● История Нобелевских премий знает два случая, когда ее лауреаты устаивались дополнительного приза — подсвечника, вручаемого Эйгиллом Нансенем, внуком Фритюфа Нансена, знаменитого исследователя Арктики. Эти два случая: Андрей Сахаров (от его имени в 1975 г. премию получала его жена) и Лех Валенса (которого также представляла жена). В 1985 г. Нобелевскую премию мира дали Евгению Чазову, советскому сопредседателю международной организации „Врачи мира за предотвращение ядерной войны”, тому самому Чазову, которому поручили в 1973 году руководить травлей академика Сахарова. Возмущенная решением Нобелевского комитета группа норвежских общественных деятелей решила учредить альтернативную премию мира и дать ее советскому политзаключенному врачу-психиатру Анатолию Корягину. И ему был присужден символический подсвечник. Об Анатолии Корягине „Посев” писал неоднократно. С декабря 1979 года по февраль 1981 он был консультантом Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Корягин был приговорен к 12 годам лагерей строгого режима и ссылки. На суде Анатолий Корягин сказал, что, независимо от срока, который ему дадут, он никогда не смирится с существующим в стране положением, когда психически здоровых людей заключают в психбольницы за попытку самостоятельно мыслить. В 1983 году Американская ассоциация содействия развитию науки присудила Корягину премию за деятельность в защиту прав человека. Затем Анатолий Коря-

гин был избран почетным членом Всемирной психиатрической ассоциации.

● 4 декабря 1985 года истек второй лагерный срок Валерия Федоровича Абрамкина. Валерий Абрамкин был арестован в Москве в декабре 1979 года за участие в редакции самиздатского журнала „Поиски”, в котором были представлены люди разных направлений — от немарксистского социализма до демократического национализма. Абрамкин уже, из заключения писал: „... Разнородность совсем не предполагает чужеродности, догматической нетерпимости. Существовать мы можем в условиях данной социальной реальности лишь при условии координации своих действий, братской взаимопомощи, а развиваться — при условии плодотворного сотрудничества порой совершенно полярных по своим концепциям течений... Как ни разнятся наши надежды на будущее России, у нас одна земля, один народ, одна беда, одна боль. Время ли сейчас заранее определять исключительность той или иной идеи в судьбе или истории нашей страны, когда под угрозой само существование, будущее России, без которой не будет ни судьбы, ни истории?...” Еще в второй срок не был позади, как третий лагерный срок начал становиться для Абрамкина реальностью, как и медленная гибель. Жена Абрамкина Екатерина Гайдамачук написала генсеку КПСС: „Если мой муж так сильно провинился перед кем-то, пускай ему выносят смертный приговор. Умертвление же по частям души и тела человека, растянутое на годы, вовсе непереносимо”.

● Старейший политкаторжанин нашего времени Данила Лаврентьевич Шумук отбывает в настоящее время пятилетнюю ссылку. Позади — 37 лет тюрем и лагерей. Он прошел почти буквально все: был в нацистской „яме смерти” и коммунистической камере смертников. В своей книге воспоминаний, вышедшей в 1983 году в США под названием „Пережитое и передуманное”, Шумук пишет: „... Я исходил много ложных дорог, наделал кучу ошибок, но всякий раз находил в себе силы признать их и поступать в соответствии со своими убеждениями и совестью. Коммунисты обвиняли меня в одном, националисты в другом, на самом же деле единственное, к чему я когда-либо стремился, — это поиск правды”.

● В начале 1985 г. в Ленинграде был арестован Геннадий Петров, 1950 г. рождения. Его обвинили в распространении книг издательства „Посев” и других свободных русских издательств, находящихся на Западе. Обвинение — ст. 190-1 УК РСФСР. Кроме того, Петрову инкриминировали ст. ст. 76-1 и 88 УК РСФСР: „передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну” и „нарушение правил о валютных операциях”. Дело Петрова рассматривалось в Ленинградском городском суде. Приговор неизвестен.

● В пермском лагере ВС-389/37 находится Анатолий Петрович Чурганов. Он — пенсионер, ветеран войны. Его обвинили в составлении жалоб, заявлений и писем, разоблачающих известных коррупционеров — бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова и бывшего министра внутренних дел страны Шелокова. Как только Чурганов дал интервью на этот счет американскому журналисту, он был арестован и осужден по ст. 70 УК РСФСР. Данное дело — еще одно доказательство отсутствия гласности в Советском Союзе...

● Максим Иванов осужден на 12 лет лагерей строгого режима по ст. ст. 64 и 213-2 УК РСФСР. Он отбывает наказание в пермском лагере ВС-389/35. В 1983 г. Иванов и его 17-летний сообщник пытались угнать самолет и улететь на Запад. Имитируя оружие с помощью зажигалки и магнитофона, они захватили самолет. Однако самолет был посажен на военном аэродроме под Ленинградом, захватчики самолета капитулировали, но тем не менее по ним была открыта стрельба: 17-летний сообщник Иванова был убит, а М. Иванов ранен в спину...

● 20 сентября 1985 г. организация Международная Амнистия обратилась к Генеральному прокурору СССР Рекункову с просьбой расследовать и опубликовать полный отчет о недавних смертях в советских лагерях ряда политических заключенных. В письме Рекункову приводятся имена 4-х политзаключенных, смерть которых последовала одна за другой в течение последних 16-ти месяцев. Это 47-летний украинский поэт Василий Стус, 57-летний Олекса Тихий, 50-летний Юрий Литвин и 37-летний Валерий Марченко. Все они были узниками пермского лагеря ВС-389/36-1.

● Согласно расчетам выходящего в США журнала „Раша” (выпуск первый), в СССР ежегодно приводится в исполнение около 890 смертных приговоров, а число осужденных к высшей мере — расстрелу — доходит до 2600 человек. Для сравнения укажем, что в США в течение года казнят столько людей, сколько в СССР подвергают смерти за 2—4 дня.

● Пермские политические лагеря подведомственны Скальнинскому УКГБ (пос. Скальный Чусовского р-на Пермской обл.). Начальником Скальнинского УКГБ является Афанасов Трофим Трофимович, а его заместителем — Бортниклов. В лагере ВС-389/35 уполномоченным КГБ является Захаров, в лагере ВС-389/36 — Василенко, а в лагере ВС-389/37 — Ченцов. Родина должна знать имена своих палачей.

● Владимир Клебанов, горный мастер из Макеевки, основатель первого независимого профсоюза в советском государстве, находится в заключении в психиатрической тюрьме в Ташкенте. За свою деятельность в защиту прав рабочих он был арестован в 1978 г. и объявлен „невменяемым”. Судом был приговорен к принудительному „лечению”. До мая 1982 г. находился в Днепропетровской СПБ (известной своим жестоким режимом), а затем был переведен в обычную психбольницу в г. Макеевка. Очевидно, чекистам в белых халатах за эти годы не удалось сломить Клебанова, так как 25 апреля 1983 г. он был вновь заключен в спецбольницу тюремного типа, сперва в Днепропетровске, затем в Донецке, а 20 сентября 1983 г. направлен в Ташкент. Продолжается крестный путь героя рабочего движения Владимира Клебанова. Документы и сообщения о деятельности профсоюза, созданного Клебановым, были опубликованы в „Вольном слове”, вып. 30, 1978 г., документальной серии издательства „Посев”.

● Александр Васильевич Чукаев, 1959 г. рождения, был арестован 26 февраля 1985 г. Чукаев — член подпольной социал-демократической группы. С 25 по 27 сентября 1985 г. в Московском городском суде проходил его процесс. Чукаев был приговорен по ст. 70 УК РСФСР к 5 годам лагеря строгого режима и 5 годам ссылки. На процесс не были допущены ни жена, ни друзья подсудимого.

● В Москве 4 года назад арестовали группу молодых людей по обвинению в издании самиздатских журналов „Левый поворот” и „Варианты”. Поскольку эти люди придерживались социалистических взглядов, то в оппозиционных кругах их дело стали называть „делом социалистов”. Большинство людей, замешанных в „деле социалистов” — дети высокопоставленных родителей. Благодаря этому обстоятельству, а также тому, что они вели себя на следствии уступчиво, давали развернутые показания, а затем покаялись и обещали впредь ничего предосудительного не делать, а о ходе следствия никому не рассказывать, их (почти всех) через год помиловали. Кроме троих. Рывкину Михаилу Германовичу дали 7 лет лагерей и 5 лет ссылки; Шилкову Андрею Юрьевичу — 3 года лагерей и 3 года ссылки. Сколько дали Игорю Кандрашову, неизвестно. Возможно, что им не простили попытки изготовить печатный станок.

● Александр Шатравка отбывает срок в одном из уголовных лагерей Казахстана (ур. УГ-157/2-8). В январе 1986 г. сотрудники КГБ предложили ему выступить по телевидению и публично „покаяться”, в противном случае — ему дадут третий срок. Шатравка ответил, что взгляды его не изменились и он готов отстаивать свои убеждения, чем бы ему это ни грозило. При этом он выразил полную готовность выступить по телевидению, предупредив, однако, власти, что его выступление не будет носить „покаянного” характера.

● Десять лет назад, в 1976 г., фонд имени Герцена в Амстердаме издал книгу „Ташкентский процесс” — документы о преследованиях крымских татар, стремящихся вернуться на свою родину в Крым. Борьба этого народа и его преследования продолжают-ся. В Крыму их не берут на работу, не регистрируют браки, если один из супругов прописан за пределами Крыма. Насильно выселяют обосновавшиеся в Крыму семьи. После выселения крымских татар из Крыма были уничтожены, и теперь не восстановлены, мусульманские кладбища. Это лишает вернувшихся возможности хоронить умерших в соответствии с требованиями их веры — ислама. Крымские татары были в 1944 г. объявлены Сталиным изменниками родины и весь народ был насильственно выслан в Среднюю Азию и на Урал. На этапах и в ссылке погибло 46,2% этого народа.

● Депутаты в Верховный Совет СССР „назначаются” по списку ЦК КПСС. К примеру, в Совет Национальностей дагестанцы „выдвинули” первого секретаря правления Союза композиторов СССР Тихона Хренникова. Сергей Михалков четвертый раз подряд проходит по разрядке Чечено-Ингушской АССР. Видимо, там особенно ценят сатирический киножурнал „Фитиль”, поэтому-то сделали москвича Михалкова почетным горцем. Столь же трудно понять на первый взгляд, почему армянин Лев Кулиджанов, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР, представляет Литву. А Армению — управделами Совета министров СССР Михаил Смирдяков. И так далее...

● 11 декабря 1985 г. в Москве начал работу 6-й съезд Союза писателей РСФСР. В зале присутствовали не только писатели, но и правящее Политбюро в полном составе. С докладом „Задачи партии — задачи литературы” выступил С. Михалков. Речи функционеров-писателей всегда поражают своим низкопоклонством перед партийной верхушкой. Но и на этом фоне выступление Михалкова прозвучало как гимн лейб-подхалима, беспребранно цитировавшего фрагменты речей Горбачева. Он желал продемонстрировать членам Политбюро, что российские писатели — верные помощники партии. „Все лучшее, — сказал оратор, — что было создано советскими писателями, было связано с нуждами и требованиями партии...” Однако считать, что Михалков выразил мнение большинства русских писателей, безусловно, нельзя. Выступая в тот же день по всесоюзному радио, один из делегатов съезда — писатель Валентин Григорьевич Распутин сказал, что он обеспокоен разрушением среды обитания, варварским отношением к русской земле и, в частности, безобразным отношением к старинным русским городам: Томску, Тобольску, Иркутску.

● В январе 1986 г. исполнилось 145 лет со дня рождения известного русского историка В. О. Ключевского. Еще в пятидесятых годах было издано 8-томное собрание сочинений Ключевского. Поэтому отыскать и прочесть его труды довольно трудно. Власти не переиздают произведения Ключевского потому, что этот историк классической школы придерживался мнения, что русское государство было общенациональной силой. Согласно же марксистско-ленинской доктрине государство всегда являлось орудием интересов имущих классов.

Валерий Сендеров

Прошло четыре года с ареста Валерия Сендера — 17 июня 1982 г. Его арестовали в Москве и 28 февраля 1983 г. присудили по ст. 70 УК РСФСР к 7 годам заключения и 5 годам ссылки. Первые годы заключения он находился в Пермском лагере ВС-389/35, теперь сидит в Чистопольской тюрьме. Преследования в лагере были непрерывные: заключали в ШИЗО и ПКТ. Он лишен свидания.

Сендеров, 1945 г. р., — талантливый математик (перечень его научных работ см. „Посев” № 10, 1982 г.), увлекался философией (написал работу „Философия Ницше”); его духовный мир определяется верой в Бога, любовью к человеку и болью за родину. Вера и любовь его были действенными. Друзья о нем сказали: „Он всегда помогал жить не только словом, но даже уже самим фактом своего существования”. Возмущенный дискриминацией евреев при поступлении в вузы, написал вместе с Б. Каневским работу „Интеллектуальный геноцид”, переправленную впоследствии на Запад и известную, в частности, американским математикам.

Он действительно отрицал существующий у нас режим как духовно ему неприемлемый. Был активным деятелем СМОТ, входил в его Совет представителей, участвовал в создании Бюллетеня СМОТ. На суде объявил себя членом НТС. Виновым себя не признал. Услышав приговор, перекрестился и сказал: „Спасибо Тебе, Боже”.

Сендеров знал, что будет арестован. Просил своих друзей, сразу после ареста, передать для публикации свое заявление „Моя позиция” (см. „Посев” № 7, 1982 г.).

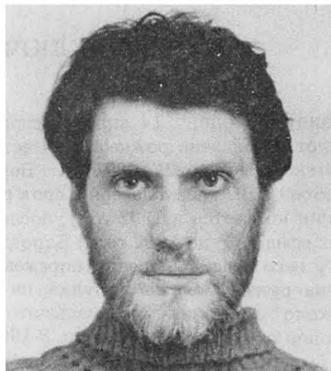
Мать Сендера, Зинаида Леонидовна, живет в Москве (Уланский пер., д. 14, кв. 54).

Помогите Сендеру

Уже почти три года находится в заключении мой крестный отец — Валерий Анатольевич Сендеров (арестован 17. 06. 82 г. и осужден на 7 лет лагерей плюс 5 лет ссылки по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР).

За все это время лишь один раз ему было предоставлено свидание с матерью. Уже полтора года от него нет писем. Насколько нам известно, почти все это время он провел в ПКТ.

Администрация лагеря утверждала, что свиданий не будет и в 1985 г., т. к. Валерий

Сендеров — единственный з/к в учреждении ВС-389/35, который ежедневно и постоянно нарушает режим. В чем же состоит это ежедневное нарушение режима?

Сразу по прибытии Валерия Сендера в учр. ВС-389/35 (июнь 1983) у него была изъята Библия; по словам зам. нач. колонии по режимно-оперативной работе Букнина, „Библия является предметом религиозного культа”, а чтение Библии — занятие вредное, мешающее де исправлению и перевоспитанию.

Валерий Сендеров отказывался выходить на работу, пока ему не возвратят Библию, что служило причиной сильнейших репрессий. Тем самым „ежедневное нарушение” состояло в том, что Валерию необходимо ежедневное чтение Библии и он ежедневно этого добивался.

В апреле стало известно, что Сендеров отправлен на неопределенный срок в исполнительную тюрьму г. Чистополя. Библию Валерию при этом, естественно, не отдали.

„... 60 лет в нашей стране попирается Вера...” — писал Сендеров в своем предарестном заявлении, которое суд признал клеветническим. Сендеру вменялась в вину „антисоветская пропаганда”, конечно же, а не его вера в Христа, однако без преувеличения можно сказать, что сейчас он является мучеником за веру.

Я прошу всех, кому дорого имя Христова, молитвами и делами помочь Валерию Сендеру.

Татьяна ПЛЕТНЕВА

Москва, апрель 1985 г.

Политзаключенный Леонид Бородин

Леониду Бородину 14 апреля исполняется 48 лет. Свой день рождения он встретит в пермском лагере ВС-389/36-1: Бородин приговорен к 10 годам лагеря и срок его заключения кончается в 1992 году, после чего следует ссылка — до 1997 года! Бородин болен — у него ослабело зрение, поражены суставы на руках, болезнь желудка, он потерял около 20% своего нормального веса.

Бородин отбывает второй срок. В 1967 году он был приговорен к 6 годам лагерного заключения за участие во Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа (ВСХСОН). После освобождения сотрудничал в журнале „Вече” (редактор В. Осипов), издавал журнал „Московский сборник”, писал статьи (его статья „О русской интеллигенции” опубликована в „Гранях” № 96), стихи („Стихи, написанные в тюрьме, где их пишут многие” помещены в „Гранях” № 105), прозу (повесть „Третья правда” напечатана в „Гранях” № 119 и отдельной книгой в изд. „Посев”, „Гологор” в „Гранях” № 124). Его произведения пере-

ведены на многие европейские языки, в том числе на французский и английский. Уже после его ареста (13 мая 1982 г.) „Грани” (№№ 131 и 132) публикуют роман „Расставание”, по мнению Г. Владимова — наиболее зрелое и значительное произведение Бородина.

Те, кому сегодня принадлежит власть в нашей стране, Бородина вообще не упоминают, стараются делать вид, что он вообще не существует — так же, как они, за редчайшими исключениями, молчат о всех, подобных Бородину людям.

Захватившие власть в нашей стране, совершившие для сохранения этой власти миллионы убийств, содержащие народ в нищете и темноте, возглавители угрожающей всему миру „сверхдержавы” — они боятся небольшой группы людей, не имеющих никакой „реальной” силы, но зато обладающих силой иной — духовной и моральной. Людей, которых назовут спасителями чести и совести нашей страны и нашего народа.

Из письма Л. Бородина к матери

„... Кстати, ты пишешь, что папа собрался ехать и просить свидания. Несчастные вы мои оптимисты! Никакого-то у вас представления нет о нашей системе! Оптимизм, как известно, есть отсутствие информации. Я вам дам ее однажды и навсегда. Запомните, в нашей системе есть всемогущий, всеильный, неутомимый бог, именуемый *инструкцией*. В нашей же системе существуют верующие в этого бога, его жрецы. Вера и поклонение их этому богу, то бишь инструкции, фанатична до беспредельности. Нравственность или безнравственность, мораль или аморализм, добро и зло — все это отсутствует у этих людей, все это заменено инструкцией. Все, что по инструкции положено — есть нравственно, морально и добро. Все, что не положено, — зло. И нет такой силы, которая бы пробила эту несокрушимую стену инструкционизма. Я не осуждаю этих людей. Они несчастны, несчастны вдвойне от того, что не сознают своей уродливо-

сти. Вот тебе конкретный пример. Есть у нас такой Юра Галансков. У него язва в очень острой форме. Письлок ему, разумеется, не дают. Нам по норме положено 2 400 калорий. При массовом питании обычно часть продуктов не доходит до потребителя. Так что мы получаем, возможно, где-то около 2 100 калорий. А это официальное состояние голодания. Эти калории, в виде капусты, рыбы и черного кислого хлеба, отнюдь не благотворны даже для здорового желудка. А язва? Но нам разрешают еще в месяц покупать продукты в ларьке на 5 рублей. Жир, белый хлеб, курице, конфеты. Ни овощей, ни фруктов, ни мяса. У курищих половина этого уходит на курице. Но все же эти 5 рублей кое-какая поддержка для организма. Вот теперь представь себе, этого Юрия надзиратель Кишка, именуемый здесь начальником отряда, за то, что у него на кровати были какие-то неположенные предметы, лишает права пользоваться ларь-

Россия, прости...

Л. Бородин

Россия, прости, что злоба
Дышала с моей строки.
И ты ведь, и я, мы оба
К друг другу подчас строги.
Нынче с душою иною,
Нынче с поклоном я.
То, что считал виною, —
То лишь беда твоя.
Наобещала эра
Благостей миру всему,
Тогда уступила вера
Доверию твоему.
Диких клинков блистание,
Радуга злых дорог.
Было тебе испытание,
Будет тебе урок.
Но в тьму завела дорога
Слепые твои мечты.
И все же, уйдя от Бога,
Безбожной не стала ты.
Аршинами боль не мерила,
Лживой ханжой не была.
Ты так же, ты чисто верила
В нечистые их дела.
И оттого над порогом
Меча я не подниму
Я знаю:

*Россия с Богом,
Хотя и спиной к Нему!*

ком. Ведь ужасно подумать, до какого садизма должен дойти человек, чтобы, видя страдания другого, еще усиливать их умышленно, сознательно. Это какое-то получеловеческое, полуживотное состояние. И вот к этому-то человеку папа хочет ехать и просить свидания. Да лучше мне вас не видеть весь этот срок, чем допустить, чтобы папа или ты о чем-то просили этого человека или были бы чем-то обязаны. Сегодня по инструкции нас можно только лишить ларька и сажать в карцер. Сегодня установка на гуманность. Завтра придет другая установка, и этот человек выведет нас в соседний лесок, расстреляет и добросовестно проделает контрольные выстрелы в затылок.

Страшен не столько порядок, который для нас установлен. Страшны те, кто его поддерживают, соблюдают. И страшны они именно своей добросовестностью, своей слепой преданностью инструкции. Еще пример. К одному из наших приехала мать на трехчасовое свидание. Всю дорогу она мечтала о том, что увидит сына, угостит его булочкой, напоит чаем. И вот произносится это бессмысленное слово: „Не положено!“ И старушка недоумевающе прячет в суму булочку, которую не положено. Она не понимает, не понимает этого и тот, что произносит само слово, не понимает и сын, которому эта булочка в горло не лезет, но ради матери... Нет, дорогие мои предки! Запомните навсегда. Если я когда-нибудь буду чего-либо лишен, не смейте даже думать о просьбах, хлопотах. Все это существует в художественной литературе про проклятые старые времена. С одной стороны — бессмысленно, с другой — уничительно...

Октябрь 1969 г.

БОРОДИН Леонид

Расставание (роман)

1984, мягкий переплет, 216 с.

25 нм

Герой романа влюбился в дочь священника, живущего в глубинке в Сибири и собирается на ней жениться. Общение со священником и его дочерью углубило его и открыло перед ним новые аспекты жизни. Он хочет начать новую, новую жизнь и возвращается в Москву с намерением распутать отношения с близкой ему женщиной и с друзьями. К тому же ему надо зарабатывать на устройство своей новой жизни. Он получает выгодную „халтуру“ — написать биографию ветерана войны по его рассказу. Незаметно герой втягивается в жизнь московских диссидентов, с которыми тесно связаны его мать и сестра Люся, и довольно резко судит эту среду.

Нужны талант и знания, чтобы написать такой роман и иметь право судить о явлениях, в котором сам был участником.

Дьякон Владимир Русак

22 апреля 1986 г. в Москве был арестован дьякон Русской Православной Церкви Владимир Русак. По каким-то причинам КГБ решил произвести арест вне дома. Дьякона выманили телефонным звонком на фиктивную встречу, с которой он не вернулся. Ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР об антисоветской агитации и пропаганде.

Дьякон Владимир Русак окончил Московскую духовную академию и до 1980 г. работал в редакции „Журнала Московской патриархии“. За это время он написал книгу „Свидетельство обвинения“ — историю Русской Православной Церкви после революции 1917 г. Архиепископ Питирим, главный редактор ЖМП и духовный отец о. Владимира, узнав от него о существовании книги, потребовал ее уничтожения. Получив отказ, уволил его из редакции. Позднее рукопись книги попала на Запад. Отрывки из нее были опубликованы в журнале „Вера во втором мире“, выходящем на немецком языке в Швейцарии. Надо надеяться, что полный текст „Свидетельства“ этого отважного клирика также увидит свет.

После увольнения из редакции о. Владимир служил в одном из подмосковных храмов, а затем был переведен в Белорусскую епархию, в Казанский храм города Витебска. Епархию тогда уже возглавлял митр. Филарет, нынешний руководитель Отдела внешних церковных сношений. 28 марта 1982 г. о. Владимир произнес в Казанском храме проповедь, после которой он был запрещен в служении. В июле 1983 г. он направил письмо о тяжелом положении Церкви к делегатам Генеральной ассамблеи Всемирного Совета Церквей, заседавшей в г. Ванкувер, Канада (см. „Посев“ № 1, 1984 г.).

Запрещенный в служении, о. Владимир сперва находился в ссылке в монастыре, а позднее переехал в Москву, где он, вплоть до ареста, работал чернорабочим.

Арест дьякона Владимира Русака — лишь новое свидетельство нескончаемого и явного преследования верующих и Церкви, которое власть цинично прикрывает формулой — „нарушение советских законов“. К сожалению, высшее церковное руководство, под давлением и шантажом власти, поддерживает эту губительную для Церкви ложь.

Ниже мы публикуем отрывок из проповеди о. Владимира Русака, произнесенной в Казанском храме:

„Революция и наша нынешняя власть подняли с задворок тот самый меч, который много веков назад святой Константин Великий выбросил за ненадобностью после первых трех веков гонений. Революция подыала его, очистила, наострила и со всей силой вновь направила против Церкви.

И вновь полилась кровь мучеников. Тысячи их: архиереев, священников, мирян, русских, белорусов, украинцев, других национальностей, наших отцов и дедов. Чтобы не утомлять вас, приведу лишь несколько приблизительных цифр.

За время от революции до войны, т. е. за каких-то 20 лет, в нашей стране были уничтожены около 300 архиереев: митрополитов, архиепископов, епископов. Почти 200 из них пропали без вести. Вы можете представить, чтобы наш любимый митрополит Филарет, например, взял и пропал сегодня без вести? А ведь пропали архиерей и даже более высокого ранга.

Перед войной во всей Русской Православной Церкви было только 4 правящих епископа, включая и будущего патриарха Сергия.

От 100 тысяч священнослужителей, которые совершали службу в более чем 80 тысячах храмов нашей Церкви, перед войной осталась горстка запуганных и уstraшенных.

Были разрушены десятки тысяч храмов. Большинство сохранившихся было закрыто.

В 1933 году начиналась вторая пятилетка. Ее официально объявили безбожной. В программе СВБ — была тогда такая организация: Союз воинствующих безбожников — предусматривалось к концу этой пятилетки закрыть в нашей стране последний храм и добиться того, чтобы слово „Бог“ было вычеркнуто из нашего языка. Многие из вас ведь прекрасно помнят это время.

Наша Церковь украсилась и укрепилась десятками тысяч мучеников. Им нет памятников, к подножью которых мы могли бы положить цветы, вместе с чувством нашего сострадания. У многих из них нет даже могил: кто — на дне реки, кто — в шахте, кто — сожжен.

Но они сделали свое дело своей мученической кончиной. Они показали нам, каким должен быть христианин в наших условиях. Своей духовной силой, кроме того, они овежили и укрепили церковный организм и показали ограниченность сил безбожия.

Как христиане, и мы не можем миновать чаши, которая уготована нам как детям Божиим. Мы не можем сбросить со своих плеч крест, который взяли вместе с именем Христа...

Без связи с нашими предками нет нас самих. Наши отцы и деды — наши корни, которые питают нас живительными соками души. Может быть так, что именно жертвенным подвигом наших новых рус-

ских мучеников мы спасаемся от гнева Божия. Ведь существует же мнение, что один праведник спасает своих потомков до седьмого колена.

А мы, мало того, что кощунственно забыли их кровь и страдания, но преступно обоглажи их подвиг. Вместо того, чтобы прямо указать на виновников их мученичества, мы казуистически возлагаем вину на них же самих: мол, они сами виновны в том, что заняли нелояльную позицию по отношению к власти. А какую же, простите, нормальный церковный человек должен занимать позицию по отношению к безбожной, и даже больше того, — антихристианской, власти?

Наши новые мученики своей кончиной показали, какой должна быть вера наша. Мы обязаны подражать вере их, но, во-первых, — хотя бы помнить их.

И если, уходя из храма, вы, в свете безмерных страданий Спасителя Христа, вспомните, пусть безымянно, о крови наших новых мучеников, которые отдали жизни за то, чтобы не бесплодны были страдания Христа, то не зря они страдали, и я с радостью буду считать, что не зря утомлял вас своими словами”.

Сергей Ходорович

Мы уже сообщали о том, что Сергей Ходорович, находясь в заключении в лагере УП-288/15 в г. Норильске, был взят под стражу. На основании ст. 188/3 („злостное неповиновение администрации”) городской суд приговорил его к новому сроку: 3 года лагеря строгого режима. В каком лагере будет содержаться Ходорович, — пока неизвестно. Жену Ходоровича на суд не пустили, а Московская коллегия адвокатов запретила московскому адвокату выехать в Норильск для защиты подсудимого. Ходорович — распорядитель Русского общественного фонда помощи политзаключенным, основанного Александром Солженицыным. За эту деятельность он был арестован в 1983 г. Ниже мы публикуем второе заявление Натальи Солженицыной о судьбе Сергея Ходоровича (первое см. „Посев” № 5, 1986 г.).

Заявление

7 апреля 1986 года кончался трехлетний срок заключения Сергея Ходоровича, распорядителя благотворительного Русского общественного фонда помощи семьям политзаключенных, который он отбывал в лагере строгого режима в Норильске, за Полярным кругом. Но Сергей не был выпущен на сво-

боду, а тут же в лагере приговорен к повторным трем годам по ходатайству лагерной администрации (ст. 188/3). Эта новая статья, введенная Андроповым, дает возможность властям продлевать срок заключения сколько угодно раз, то есть практически превращает заключение в пожизненное.

Норильск — самый северный город СССР (69 параллель) и самый холодный город на планете. Там, как говорят в России, „12 месяцев зима, остальное — лето”. Мороз -50°C постоянно сопровождается страшными ветрами, доходящими до 122 км в час. Бывает невозможно дышать даже здоровякам, а у Ходоровича — лишь одно легкое после перенесенной в юности операции. У него большое сердце и гастрит. Во время следствия в 1983 году его несколько месяцев систематически избивали в московской тюрьме, требуя ложных показаний. Ему сломали ребра, отбили внутренности, все тело было черно от побоев. В Норильске в 1985 году пытка повторилась: его избивали, требуя, вероятно, „покаяния”. Не добились.

Жене Сергея не разрешают увидеть его уже больше двух лет. Сейчас ее не пустили даже на новый „суд”. Его письма домой то и дело конфискуют. Его сыну было 10 лет, когда у него отняли отца, и никто не может обещать, что отец когда-нибудь вернется домой.

Пусть трагическая судьба Сергея Ходоровича хотя бы поможет свободному миру взглянуть эту дикую реальность: Советский Союз — страна, где нет ни одной независимой благотворительной организации, а тех, кто осмеливается помогать несчастным, — самих швыряют в тюрьму.

Наталья Солженицына

Президент Русского общественного фонда

Кавендиш, Вермонт, 19 мая 1986

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, неустаревшие статьи из трех текущих номеров ежемесичного „Посева”. Фотография на обложке. Вдвое меньший формат (15х21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убористый шрифт.

Квартальный „Посев” предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находящихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства „Посев” к А. А. Кандаурову.

Продолжается лагерная Голгофа 32-летней поэтессы. Ирина Ратушинская не только приговорена к семи годам заключения в лагерях строгого режима, но подвергается там бесчеловечно жестоким преследованиям. Заключенная в женском лагере в Барашево (Мордовия), она с 1983 г. не имела свидания со своим мужем Игорем Герашенко.

7 августа 1985 г. Ирине Ратушинской дали 7 суток ШИЗО и повезли в лагерь в пос. Явас, поскольку в Барашево нет изолятора. По дороге машину так сильно трянуло, что она ударилась головой о решетку и потеряла сознание. В Явасе врач определил сотрясение мозга и назначил лечение. Несмотря на это, надзирательницы Рьжова, Акимкина, Голубева избили Ратушинскую до потери сознания, сорвали с нее одежду и в одном нижнем белье бросили у дверей камеры. В камеру ее занесли соузницы. 14 августа Ратушинскую вернули в Барашево. Лагерные врачи В. А. Волкова и невропатолог подтвердили диагноз — сотрясение мозга, и Волкова выписала освобождение от физической работы. 21 августа лагерное начальство дало Ирине 5 месяцев ПКТ за „симуляцию” сотрясения мозга, а фактически в отместку за то, что Ратушинская хотела подать в суд на надзирательниц, избивших ее в Явасе.

30 октября Ирина Ратушинская объявила голодовку с требованием прекратить постоянные издевательства, в которых особенно отличались капитан Учайкин, майор Рьжова, прапорщик Акимкина, а также — отапливать камеру. После 13 дней голодовки издевательства прекратились, камеру начали отапливать. Голодовка была снята.

После сотрясения мозга у Ратушинской частые потери сознания, хронический остеомиелит, большое внутриглазное давление, изменение глазного дна, стенокардия, повышенное давление, воспаление придатков. Освобождения от работ она не получает, даже при температуре 39,5°. Начальник медслужбы ЖХ-385 майор Самойленко заявил, что лечить Ратушинскую в лагерных условиях нет возможности — в лагерной больнице нет нужных медикаментов и оборудования. Родственникам же не разрешается передавать лекарства.

Ирина Ратушинская была арестована в сентябре 1982 г. Впереди еще три с половиной года лагеря строгого режима и пять лет ссылки. Выдержит ли их Ирина Ратушинская?

Дорогие братья и сестры во Христе и идущие к Нему!

Не участвуйте во зле, отрешившись от суеты, посмотрите на себя, ваши добрые сердца и руки жаждут достойного дела и не находят его.

Раньше Россия славилась традиционной благотворительностью, Церковь, проповедуя любовь, призывала к добродетели. Потом многие потеряли Бога, и их учат жестокости, презрению к слабым и больным.

Все шире и глубже разverzается пропасть между „царскими хоромами” и больничными ячейками и хижинами простого люда. Хуже всех — отверженным больным сиротам и убогим одиноким престарелым и инвалидам. Большинство самых зависимых от общества инвалидов движения фактически оказались пожизненными узниками своих квартир. Из убогих жилищ, заброшенных в глухих местах, домов инвалидов их выносят только в могилы. Их пособия и пенсии более чем в 10 раз меньше таких же пенсий развитых стран. У них нет средств на самое необходимое — спецтранспорт, спецремонт, бензин, еду, лекарства, одежду, книги, часто за хлебом некому сходить. Очень немногие имеют спецтранспорт и возможность работать, большинство пожизненно скованы болезнью и лишены самого необходимого ради передвижения. Нуждающиеся обездоленные живут в каждом большом городском доме, в каждом селе, и ваш долг — помогать им. Для них каждое доброе лицо и слово — праздник. Не бойтесь начального недоверия, их судьба и одиночество отучили от бескорыстной доброты.

Разрушая храмы веры, запретили и церковную благотворительность, но вам творить добро никто не запретит. Христос учил, что вера без дел мертва, и никогда не обходился убогих и больных. Пусть ваши добрые дела и пожертвования постепенно пробудят в людях любовь к ближним, радость к жизни. Ответственность за слабых, прежние объединяющие святые традиции благотворительности поведут их к общему нравственно-духовному выздоровлению, светлой любви и миру. Приводите людей ко Христу! Пусть они больше знают о Нем!

*Инициативная группа защиты
прав инвалидов в СССР*

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕРУЮЩИМ ВО ХРИСТА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ближится светлый праздник 1000-летия Крещения Руси.

На Благовещенье обратился я к Патриарху Пимену с просьбой объявить молитвенный Тысячеднев по заключенным за веру и к коммунистическому руководителю М. С. Горбачеву с предложением амнистировать преследуемых верующих: ответов не было. Письмо, отправленное в ЮНЕСКО, с тем чтобы назвать год 1988 годом Русской Церкви, вряд ли попало по назначению.

Ныне обращаюсь к вам, главы православных церквей и общин, ибо вам теперь многое дано и как никому понятны наши чувства и чаяния, да укрепит вас Господь в канун Вселенского собора.

Обращаюсь особо к Вам, Ваше Святейшество Иоанн-Павел II, ибо Вы не только Папа, но и славянин, протянувший нам руку. Именем покровителя Руси святого Николая Мирликийского, чьи мощи покоятся в Италии, а день их перенесения отмечаем Русской Церковью, прошу помощи, ибо от всех нас зависит, с чем придут наши дети к 2054 году, 1000-летию Раскола.

Обращаюсь к вам, главы протестантских церквей и общин, ибо Церковь — одна, и наш праздник — ваш, да будет среди вас Дух Святой.

Обращаюсь к вам, главы церквей и общин, исповедующих Никейский Символ Веры, да сохранит вас Господь.

Обращаюсь к вам, главы религиозных обществ, „да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела...” (Матф. 5:16).

Обращаюсь ко всем, почитающим Христа, помочь молитвой терпящим за веру и делом возвысить душу, да удержим чашу сияю.

Обращаюсь ко всем людям живой совести.

40-летний путь Своего народа в пустыне Христос, Господь наш, по Крещении Своём ознаменовал 40-дневным постом и тем нам заповедал. 5 ноября 1985 г. преклоним колени перед подвигом гонимых и вознесем Христу молитвы о них — начнем Тысячеднев, да напугтствует нас икона Казанской Божьей Матери.

Вспомним, откуда вышли и куда идем, что для нас Церковь Иоаннова, любимого ученика Христова, и что нам величайшее событие России, создавшее русскую — то есть

и украинскую и белорусскую — общность таковой, какой она была столь недавно. Истинно, отечество нам — Царство Божие и „нет различия между Иудеем и Эллином” (Рим. 10:12), и то истинно, что материнское молоко, нас вскормившее, — русская культура, сотворенная православием. Не утратим же памяти и самосознания. Если не ступим ни шага, если не молвим ни аза во спасение отторгнутых и защиту своей веры против рассеиваемого по свету зла, с чем явимся в радостные дни 1000-летия Крещения Руси?

Должно требовать

— от правительства СССР а м н и с т и и о с у ж д е н н ы м в е р у ю щ и м (исключая изуверов);

— от иерархов Церкви объявления молитвенного Тысячеднева во имя единения с заключенной паствой и друг с другом.

Мир вам, с вами Господь наш Иисус Христос.

Аминь.

Николай Б р е н н и к о в (Серебрянников)
Томск, 2. 8. 1985 г.

О себе: родился в 1954 г., в 1973—1974 гг. отбывал принудительное за дезертирство и попытку перехода границы, историк русской религиозной философии XIX в.

ЮНЕСКО, Франция, Париж
пл. Фонтенуа, 7.

Господа,

Ближится великий праздник не только для страны, распростертой на шестой части света, но и для Болгарии, Югославии, Греции, Кипра, Ливана, Румынии, для 150 миллионов православных христиан всего мира — 1000-летие Крещения Руси, приходящееся на 1988 год.

Некогда, в преддверии раскола, жестоко затем дробившего Западную Церковь, Дух Божий снизошел на Русь, и русский поместный праздник — праздник всех Церквей, ибо Церковь едина.

Хорошо, если ЮНЕСКО покажет непредвзятость в проведении даты столь счастливой в истории русской культуры и объявит 1988 год как год Русской Церкви и.

Николай Б р е н н и к о в (Серебрянников)
7 апреля 1985

Двадцать второе января

Выступление Георгия Владимова по радио „Свобода”

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров, на пороге 7-летия своего заключения в Горьком, становится персоной почти мифической, наподобие Железной маски, загадочного узника Бастилии. Но про того хоть было известно — арестован по приказу короля, личности, бесспорно, существовавшей. О Сахарове — тоже было объявлено: по Указу Президиума Верховного Совета, но существует ли этот Президиум на самом деле? Я в этом никогда не был уверен. Лишенный советского гражданства именно этим высоким органом власти, коллегияльным президентом, я до конца дней моих обречен терзаться вопросом — неужто всерьез: 15 мужиков собрались, посоветались, решили? Нам приходится ловить случайные крохи информации — будто бы удаления Сахарова из Москвы, под строжайший надзор милиции, потребовали военные, то есть маршалы и генералы, планировавшие оказание братской помощи Афганистану, но это когда еще мы сможем проверить...

Может статься, сама причина — забыта или уже не ясна, или утерян листок с подписями голосовавших. Оттого и слышится этот невнятный лепет — будто освобождение Сахарова означало бы „распространение ядерного оружия”. То есть, как можно понять, в придачу к тем мегатоннам, которых уже хватает пятьдесят восемь раз испепелить нашу планету.

Но вот, в начале 83-го, чудом проникло на Запад открытое письмо Сахарова ученому коллеге, американскому физику Сиднею Дреллу, названное „Опасность термоядерной войны”. И немедля четверо советских коллег, тоже академиков, выступили в „Известиях” с обвинением автора в „нравственном падении”, в „ненависти к собственной стране и народу”, расценили его письмо как „человеконенавистническое”, „призывающее к войне против собственной страны”. Это уже — существенно. Слышится, по крайней мере, хоть какой-то состав преступления.

Правда, читающему само письмо никак не покажется, чтоб Сахаров призывал к войне; все наоборот, он от нее предостерегает, ищет, как ее избежать; термоядерная война представляется ему „коллективным само-

убийством”, которого не избежит никто, в том числе и страна-агрессор. Но, и в самом деле, то, к чему он призывает Запад, звучит, на слух советского человека, как бы даже кощунственно, чудовишно. Разоружиться? Ни в коем случае, это было бы гибелью цивилизации. Напротив — довооружиться, восстановить равновесие боевых потенциалов — как в ядерном, так и в обычном оружии, — то равновесие, которое было утеряно в сладостном шуме разрядки или „детанта”. И только в этом случае переговоры о разоружении могут быть успешными. Да вот и подлинные слова Сахарова: „Запад на этих переговорах должен иметь, что отдавать”. И еще: „Если для изменения положения надо затратить несколько миллиардов долларов на ракеты „МХ”, может, придется Западу это сделать...”

Может ли такое, хотя и горестно, произнести патриот, интеллигент, противник войны, убийства? Всякий ли сможет — не знаю. Сахаров — смог. Потому что должен был. Ведь не Гитлеру он это говорит, и пора бы уже понять, что нет сейчас на Земле ни „наших”, ни „ваших”, но все мы на ней — возможные будущие погорельцы. Потому что и впрямь, говоря словами Нобелевской лекции Сахарова, „начиная со второй половины XX-го века, человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории”.

Насчет особой ответственности наших правителей он знает, как никто другой. Наглядный урок ее понимания преподал ему сам Никита Хрущев, сказавший со всей большевистской прямотой: „Ваше дело, физиков, создать бомбу, а наше дело, политиков, как ею распорядиться”. И распорядился — послать ракеты на Кубу. Поэтому и говорит Сахаров с полным, запредельным знанием, с фактами и цифрами в руках, со смелостью последнего отчаяния, отлично сознавая, что за такие речи, может быть, не сносить ему головы.

Кто установит, прислушался ли Запад к его призывам или сам пришел к тем же выводам, но вот три года прошло, устанавливаются в Европе крылатые ракеты и „пер-

шинги”, замаячила перспектива сознания космической обороны, грозящей свести на нет все преимуществы Варшавского блока, — и что же? Послышалось в ответ удвоенное, утроенное бряцание оружием? Нет, посыпались новые „мирные инициативы”, которыми так умеем мы забрасывать непримиримого идейного врага, и наши лидеры опять поспешили в Женеву (едва не сказал — в Каносу), из которой так недавно ушли, хлопнув дверью. Само собою теперь разумеется — и принято, что равновесие просто необходимо обеим сторонам. Тут-то она и забрезжила, последняя надежда выжить.

В чем же был виноват Сахаров? А в том, что был — прав. За удовольствие оказаться умнее и дальновиднее своих правителей приходится платить. Сахаров за это и платит — пока что 6-летней своей несвободой. Ближе к тому, что заплатит и жизнью.

Заплатил же некогда другой провидец, военный ученый, генерал Александр Свечин, за наше же ослепление собственной мощью, заведомой непобедимостью молодого „атакующего класса”. В 30-е годы так легко сочинялись — и пелись — пленительные доктрины, что будущую войну поведем мы на территории агрессора, „быстрым ударом и малой кровью”, „своей земли вершка не отдадим”. И только упрямый Свечин мрачно твердил, чтобы не тешили себя иллюзиями, война предстоит затяжная и многокровая, поначалу — на своей территории, и нужно готовиться к длительной и глубокой обороне. За подобную ересь неподатливого генерала отправили в ГУЛаг, где он и скончался. А в 41-ом увидели мы оккупантов у ворот Москвы, а в 42-ом — на Кавказе и у Волги, и никакая правота умершего не помогла его воскресить. Да и кто о нем тогда вспомнил?

Извечная природа всякого неприятного для нас предвидения: вначале за него клеймят и казнят, затем — помалкивают, наконец — объявляют идеи провидца само собою разумеющимися и даже банальными. Похоже, судьба академика Сахарова вступила во второй этап: о нем самом предпочитают скрывать, зато идеями его — торгуют направо. Когда „энергичный реформатор” Горбачев сам призывает к равенству вооружений, к паритету, к одновременному „замораживанию” и даже — наконец-то! — к обоюдному контролю, — ведь это чистой воды плагиат, все заимствовано у Сахарова, который это высказывал, предлагал, внушал еще в те годы, когда Михаил Сергееч только еще

окидывал честолюбивым взором ступеньки иерархической лестницы, только-только подумывал: „я б в генсеки пошел, пусть меня научат...”

А необходимость реформ, гласности, неукоснительного исполнения законов, свободы хозяйственной инициативы, честного признания наших слабостей и ошибок — не от Сахарова? не из его ли книг, статей и писем? Вот только проблему прав человека, открытости общества и прочих этих мерихлюндий никак не перенять Горбачеву, но ведь она — не отдельная в системе сахаровского глобального мышления, она входит органично, необходимейшей частью, в его концепцию спасения мира. Настанет время признать и ее.

Есть основания думать, что и решение проблемы Афганистана придется заимствовать у того же Сахарова. Ведь он не только первым нарушил позорное наше „единодушие”, не только — в числе 8-и смельчаков — подписал обращение Московской „Хельсинкской” группы, знаменитый документ 119, призывающий мировую общественность сделать все возможное, чтобы остановить советскую интервенцию, но он еще и разработал поэтапно, как выйти из этой авантюры, и даже — без „потери лица”. Яснее, надежнее, бескровнее, поди, затеявшие авантюру не придумают.

Похоже, идеи и предложения Сахарова пробивают себе дорогу к человечеству, хотя бы к той его части, от которой что-то зависит. Остается в беспресветном пока тупике его собственная человеческая участь. Чем, в сущности, он защищен, Андрей Дмитриевич Сахаров, от произвола государственной громады? Мы думали — всемирной известностью. Принято считать: писателя защищают его книги, полководца — его победы, ученого — его открытия. Мы увидели воочию, какая это чепуха! Ни Трижды-Геройское звание, ни Ленинская премия (а Нобелевская — та вообще не в счет) не помешали с ним поступить, как с любым из нас. Да хуже, чем с любым: какому ссыльному запрещены переписка, телефонный разговор, приезды к нему родных и друзей? Да и по сроку это не ссылка — сталинская „вечная” отменена, а новый закон не предусматривает больше 5-и лет. Предлагают слово „депортация”. Но к чему играть в слова, назовем происходящее подлинным именем — медленное убийство. Убийство тела, мозга, души. И

защищен-то он только тем, чего нельзя у человека отнять — мужеством.

Это немало — если знать Сахарова. А я имел счастье знать его достаточно хорошо, чтобы судить не только об его интеллигентности, необычайной его мягкости и деликатности. Да он и доказал свое мужество этими 6-ю годами, доказал свою стойкость, непреклонность, неискоренимость самостоятельного мышления. Подвергаясь бесконечным унижениям, издевательствам, угрозам, рукоприкладству врачей, жестокостям насильственного кормления при голодовках, он остался самим собою, оправдав вполне гордые, но казавшиеся неисполнимыми слова Ремарка: „Пока человек не сдастся, он — сильнее своей судьбы”.

Ко всеобщему удивлению, ему удастся и побеждать. Нисколько не умаляя усилий государственных и политических деятелей, всякого рода гуманитариев, добивавшихся, чтобы жену Сахарова, Елену Георгиевну Боннэр, выпустили полечить сердце в американской клинике, я все же не могу не сказать, что чашу весов в ее пользу перевесили не столько их протесты, просьбы и хлопоты,

сколько 207 дней его голодовки. 207 дней, с двухнедельным перерывом!

Я думаю, он превзошел своим мужеством все человеческие пределы. Но никому не дано одолеть пределы физических сил, предательство организма. Он истощен голодовками и болезнями, измучен страхом за жену, истерзан „мильоном терзаний”, которыми так умеет окружить любящая наша родина-мать своего непокорного сына.

Человек, столько сделавший для всех нас, вправе надеяться на нашу солидарность. Мы же — не вправе от нее уклониться. Ни по лености, ни из страха, ни из желания задобрить могучую и опасную сверхдержаву. Может быть, не ради себя, но ради будущего, ради наших потомков. И не в том дело, что покроем себя перед ними позором, это мы как-нибудь переживем. Но если умрет в несвободе Андрей Дмитриевич Сахаров, это будет означать нечто большее, чем просто уход из жизни одинокого измученного человека. Это вот что будет означать: если сегодня мир не сумеет или не захочет спасти своего великого гражданина, завтра — он не спасет себя.

Ленинградская СПБ

Приводим сведения о Ленинградской психиатрической больнице специального типа (СПБ). (195108, г. Ленинград, ул. Арсенальная 9, учр. УС-20/ст.5.) С двух сторон СПБ граничит с территорией завода „Красный выборжец”. Начальник больницы — подполковник Владимир Алексеевич Острецов (1935 г. р.). Зам. начальника больницы по лечебной части (главврач) — майор Виктор Петрович Стяжкин. Охрана больницы организована в 5 смен. Начальник службы охраны и начальник 1-й смены — капитан Владимир Егорович Чернявский, начальник 2-й смены — ст. лейтенант Павел Петрович Полторацкий, начальник 3-й смены — ст. лейтенант Михаил Дмитриевич Мишарин, начальник 4-й смены — ст. лейтенант Липин, начальник 5-й смены — Палисадин. Зам. начальника по боевой и политической подготовке (замполит) — лейтенант Гасанов. Зам. начальника по режиму — майор Козлов. Начальник отдела кадров — Мария Михайловна Бровкина, начальник спецчасти — Извицкая. В Ленинградской СПБ 12 отделений, 1-е отделение — экспертное. В отделениях интенсивной терапии (6, 7, 8) по 160—170 человек.

Ежегодный бюджет Ленинградской СПБ примерно в 5 млн. руб. Больные работают в швейной мастерской, в картонажном цехе, а также в новом цехе Ленинградского оптико-механического объединения, где изготавливаются фугляры для киноаппаратуры. Большим зарплата не выплачивается, они получают лишь вознаграждение — 6 руб. в месяц...

Фамилии врачей и персонала засекречены. Приводим некоторые имена. Начальник 2-го отделения — Вероника Лепешинская, начальник 6-го отделения — Владимир Петрович Горенков, начальник 7-го отделения — Олег Михайлович Советов, начальник 8-го отделения — Владимир Александрович Постников, начальник 10-го отделения — Сергей Сергеевич Шалик, начальник 12-го отделения — Георгий Федосеевич Мациоха. В числе рядовых врачей — Нелли Константиновна Жунко, Галина Алексеевна Якупова, Александр Геннадьевич Голубев. Всего в СПБ работает около 600 человек, в том числе 60 врачей, 150 человек охраны, остальные — медсестры.

Экономические новости

◆ Некоторые советские специалисты утверждают, что в сталелитейной промышленности СССР „не все обстоит благополучно“. Выясняется, что если бы способ непрерывной разливки стали, изобретенный в СССР, использовался в таких масштабах, как в Японии, то на производство проката расходовали бы на 25 миллионов тонн стали меньше (а это 15% всей выплавляемой в СССР стали). А если бы не „производили“ на заводах еще 8 миллионов тонн стружки, то страна сэкономила бы еще 5% всей выплавки. А если не зарывать в землю брак, если выработать экономичные сорта проката, если просто не сжигать такую массу металла при выплавке, то СССР не терял бы больше, чем выплавляют такие страны, как ФРГ или Япония.

◆ Станочный парк СССР по количеству равен станочному парку США (они имеют, приблизительно, по 2 миллиона станков), но в СССР работает только половина станков. Половина леса, который изготавливается в СССР, теряется, а из оставшейся половины изготавливается в 3 раза меньше продукции, чем в США, в 5 раз меньше, чем в ФРГ и в 8 раз меньше, чем в Швеции.

◆ Согласно государственным планам развития, к концу 12-й пятилетки, в 1990 году, добыча нефти в стране должна составить 630—640 миллионов тонн. Эти цифры уже были запланированы на 1985 год, однако реальная добыча нефти в последнем году 11-й пятилетки была меньше 600 млн. тонн. Наиболее высокий уровень, достигнутый советской нефтедобычей, приходился на 1983 год и составлял 616 млн. тонн. Последние два года добыча нефти в стране постоянно сокращалась.

Падение нефтедобычи, в сочетании с существенным падением мировых цен на нефть, ставит под угрозу поступления твердой валюты. В 1985 году советский экспорт в страны Общего Рынка упал более чем на 18% по сравнению с предыдущим годом. Основная причина — сокращение продажи в эти страны советской нефти.

◆ Минимум материальной обеспеченности человека в СССР определяется в настоящее время суммой в 75 рублей в месяц. Так как

средняя пенсия составляет сейчас немногим более 60 рублей в месяц, то это означает, что большинство советских пенсионеров живет ниже уровня бедности. К этой категории также относятся матери-одиночки (их больше 8 миллионов), колхозники (при анализе их материального положения не должна учитываться та часть доходов, которую они получают с приусадебных участков, поскольку они на них работают после того, как отработали рабочий день в колхозе), больные и инвалиды. В общем 40% советского населения или приблизительно 110 миллионов человек живут ниже того уровня, который на советском официальном языке называется уровнем минимальной материальной обеспеченности. В США ниже уровня бедности живет 14,5% населения, или 34 миллиона человек, каждый из которых получает немногим более 300 долларов в месяц. Учитывая реальную покупательную способность рубля и доллара, это равно приблизительно 100 рублям в месяц на человека.

◆ Экспорт газа дает СССР 20% всех валютных поступлений. На эти средства и с помощью западных фирм советское руководство намерено, в частности, построить металлургические заводы в Орле, Волжске и Запорожье. Другими словами, советское руководство продолжает выплавку стали во все больших объемах — но ее все равно продолжает не хватать. Причина следующая: в то время как СССР упрямо увеличивал количество выплавляемой стали, на Западе основное внимание уделяли качеству: выплавке легированных сталей, разработке наиболее экономичных профилей, замене черных металлов цветными и пластмассой. Результат: США, Япония, ФРГ снижают производство стали.

◆ В СССР по закону максимальная норма жилплощади на одного человека — 12 м². В США еще в 1976 году на каждого человека приходилось реальной жилплощади 44 м². В СССР четырехкомнатная квартира стоит в месяц 30—35 рублей, в США — более 500 долларов, т. е. приблизительно в 20 раз дороже. Но в США зарплата рабочего составляет немногим более 2 000 долларов в месяц, а в СССР в настоящее время — что-то около 180 рублей, т. е. тоже приблизительно в 20 раз меньше.

◆ Показателем, измеряющим экономическую мощь, является валовой национальный продукт, т. е. совокупность всех товаров и услуг, производимых страной. В 1980 году ВВП стран НАТО был равен 5 триллионам 100 миллиардам долларов. Из них 2 триллиона 400 миллиардов долларов приходились на США. ВВП стран Варшавского договора составил в том же 1980 году 1 триллион 800 миллиардов долларов, из которых 1 триллион 200 миллиардов приходился на СССР. Таким образом ВВП стран НАТО был в 1980 году в 3 раза больше, чем ВВП стран Варшавского договора. Точно такая же пропорция была в 1971 году. Это означает, что за 10 лет странам Варшавского договора, прежде всего СССР, не удалось хоть как-то сократить разрыв. К этому можно добавить, что в 1980 году ВВП Японии составил немногим более 80% ВВП СССР.

◆ С 1949 года посевные площади США сократились с 315 миллионов акров до 228 миллионов и все же урожаи всех сельскохозяйственных культур постоянно возрастают, опережая спрос как внутри страны, так и за ее пределами. К 2000 году, чтобы удовлетворить спрос на зерно, США потребуются половина площади, отводимой в настоящее время под пшеницу и другие злаки. Только за последние 5 лет производство пшеницы на Западе возросло на 14%. Излишки производимого сахара равны 40% потребности Запада в этом продукте. В странах Общего рынка запасы мяса на складах достигли почти миллиона тонн. Даже такая „развивающаяся страна”, как Бразилия, увеличила за последние 15 лет объем своего сельскохозяйственного производства на 40%. А в прошлом году сбор зерна в СССР не превысил 170 миллионов тонн, что на 26% ниже рекордного урожая 1978 года. Производство же мяса в 1982 году было на 6% ниже, чем в 1978 году, сахара — на 33%. Исключением является хлопок, но им сыт не будешь.

◆ Хрущевский призыв „Догнать и перегнать Америку!” в некоторых областях начинается успешно осуществляться. Так, в 1984 году Советский Союз вышел на первое место по поставкам оружия в развивающиеся страны: он продал им оружия на 10,5 миллиарда долларов, опередив тем самым Соединенные Штаты более чем на 3 миллиарда долларов.

◆ Согласно данным ФАО („Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН”), советская помощь голодающим странам Африки в 1985 году составила 7 500 тонн зерна. Для сравнения, Швеция поставила более чем двадцати африканским странам, страдающим от голода, 25 000 тонн зерна, страны Европейского Сообщества — 1 780 000 тонн, Соединенные Штаты — 3 000 075 тонн. Даже КНР отравила в Африку 155 000 тонн зерна и риса.

◆ „Литгазета” от 11. 9. 85 пишет: „Только в Соединенных Штатах 33,7 миллионов живущих ниже официального уровня бедности...” Что такое „уровень бедности” по-американски и по-советски? Речь идет об американской семье из 4-х человек, которая вынуждена расходовать более трети своего дохода на пищевые продукты. Об этом советская пресса умалчивает, так как большинство советских семей расходует на питание от 50 до 70 процентов своего заработка. А согласно советской статистике, средняя зарплата рабочих и служащих составляет брутто 189 руб. в месяц. Если учесть, что в советской семье обычно работают двое, то месячный доход составляет 378 руб. По данным „Вашингтон Пост” от 11. 6. 85 г. ниже „уровня бедности” живет американская семья, месячный доход которой составляет 905,17 долларов. В перерасчете по официальному советскому обменному курсу это соответствует 757 руб. Сколько же советских граждан живут ниже этого уровня? Исходя из советской статистики, почти все советское население. Следовательно, при среднем доходе в 2205 долларов (1843 руб.) американская семья имеет в 5 раз больше денег, чем семья советская. Самые обыкновенные продукты — картофель, лук, рис, молоко, масло, маргарин, мясо и яйца, сахар и чай — стоят в СССР дороже, чем в западных странах. Какао стоит в 2, а кофе — в 4 с половиной раза дороже. Бедность советского населения имеет еще одно дополнительное измерение. За свои скудные деньги советские граждане могут купить нужные товары лишь после долгого стояния в очереди. Согласно данным института социологов, советские люди проводят в очередях 65 миллиардов часов в год, причем 80% этого времени уходит на покупку необходимых пищевых продуктов. Самые обычные вещи — дефицит в советской торговой сети: гвозди, иглы, крючки, стержни для авторучек, эмалированная посуда, обувь...

Положение в стране и задачи НТС

Резолюция Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов

С выдвижением Горбачева на должность генсека, во всем партийном аппарате проводятся многочисленные персональные изменения. Сняты не сменявшиеся десятилетиями вожди, заменяются наиболее скомпрометировавшие себя коррупцией, разворовыванием народного добра, злоупотреблением властью партаппаратчики. Но на их место приходят люди из той же самой партии, руководство которой довело нашу страну до ее нынешнего состояния.

Кризис народного хозяйства, растущее отставание от научно-технической революции в демократических странах, разрушение среды обитания, падение рождаемости, увеличение смертности и опасность вырождения, как следствия поощрявшегося алкоголизма, возмутительное состояние снабжения и обслуживания населения, здравоохранения и социального обеспечения, падение уровня духовной и быговой культуры — таковы итоги.

Во внешней политике — ненужная для наших народных интересов, дорого стоящая народу экспансия в Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, Южной Азии; шестилетняя война в Афганистане, несущая гибель и моральное растление солдатам, пятнающая нас позором военных преступлений; авантюрная и провокационная политика в отношении США, приведшая к усилению их военной мощи, за которой нам, при всем напряжении сил, не утнаться.

Горбачев говорит о язвах, разъедающих наше народное хозяйство, о необходимости быстрых и решительных изменений, призывает на высокие ноты: „Времени у нас в обрез! Надо немедленно действовать!“ Горбачев признает, что страна находится в состоянии тяжелого кризиса. Но, выявляя следствия болезни, он не говорит о самой болезни. Поэтому и рецепты лечения касаются ее симптомов, а не причин.

Между тем в обществе возникли надежды, что власть наконец начнет проводить меры, улучшающие положение. Надежды эти — не следствие выступлений Горбачева или проводимой им чистки. Наоборот: Горбачев пытается оседлать стремления к радикальным переменам, которые прочно укоренились в народе за брежневский период. Но для радикальных перемен нужны радикальные реформы, революционные по существу, ло-

мающие систему бесконтрольной и безответственной власти.

Правящий класс — сплетение партаппарата и КГБ — прикрывающийся миллионами бесправных членов компартии, объединен одной „идеей“: сохранить систему, обещивающую ему бесконтрольную власть. Власть не как средство служения народу, а как источник привилегий. Не удивительно, что эта „идея“ порождает коррупцию, взяточничество, разложение. Репрессии против „зарвавшихся“ — даже если их насчитывать тысячами — ничего не изменят. Поэтому „радикальный“ тон горбачевских выступлений не приведет к радикальным реформам.

Между тем реформы стране необходимы. Народ задыхается в системе „реального социализма“. Стремления к радикальным реформам — сознательно или бессознательно — господствующая идея в обществе. Эти стремления, сталкиваясь с костенеющей системой, образуют взрывчатую смесь. Это и беспоконт прежде всего новое возглавление КПСС.

Однако и в правящем слое есть люди, остро ощущающие необходимость перемен. Одни — из страха перед обвалом режима, за которым последует потеря положения, привилегий, а может быть и жизни: лучше чем-то поступиться и что-то сохранить, чем потерять все. Другие — тревожась за страну, за Родину, желая охрaнить ее от военной катастрофы, кровавых потрясений, вывести из нынешнего тупика к человеческой жизни. Для нашей страны это — конструктивные силы, часть сил нашего общества, борющихся за радикальные перемены. Их близость к рычагам власти открывает дополнительные возможности в борьбе.

Конструктивные силы в правящем слое особенно остро ощущают опасность коммунистической внешней политики. Они лучше других осведомлены о нашем военно-техническом отставании от Запада, о бесперспективности авантюры в Африке и Центральной Америке, об афганской войне. Они боятся, что при такой политике любой неосторожный шаг может привести к военной катастрофе.

Конструктивные силы во всех слоях нашего общества, радикальные реформисты, се-

годня еще политически разрознены, мало организованы. Поэтому они не могут ни приписать власть к радикальным реформам, ни тем более провести эти реформы своими силами. Только новая власть может выполнить эту задачу.

Первый шаг к ее выполнению — видение будущего. Радикальные реформы, необходимые для страны, должны быть оформлены как конкретные предложения важнейших шагов по нормализации жизни. Но это не должны быть планы на далекое будущее и не выработка „частичных требований”, в ожидании, что они будут удовлетворены властью. Власть дальше подачек не пойдет. Нашей же стране нужны не подачки, а в корне иная политика, при которой государство не командует обществом, а подчинено его интересам.

Вне зависимости от сроков их реализации, конкретно изложенные радикальные реформы воздействуют на умонастроение общества, мобилизуя его. При нынешнем положении в стране они актуальны повседневно, указывают пути выхода из тупика, подчеркивают бессилие власти эти реформы провести, ее тупую волю. Они стимулируют сознание необходимости устранить эту власть, ликвидировать коммунистический тоталитарный режим.

Для проведения радикальных реформ необходима политическая сила, противопоставляющая себя ныне существующей власти. Такая сила не может родиться из неосмысленного недовольства или платонических пожеланий. Необходимо создать психологический климат и политический плацдарм для новой власти.

Поэтому конструктивные силы нашей страны, заняв четкую позицию радикального реформизма, должны проводить политическую конфронтацию с властью, показывая ее ошибочные или преступные действия, предлагая конструктивные решения, обращенные к народу и понятные ему. Это необходимо для разрушения идейной, экономической и политической монополии власти.

Только при этих условиях может произойти политическое объединение сил, отстаивающих национально-государственные интересы нашей страны и видящих в радикальных реформах наиболее верный путь к ее обновлению. Такая политическая сила необходима для создания организационного стержня будущей государственной власти.

Для нашего народа, для нашей страны наступил переломный момент, который определит не только ее будущее, но быть ей или не быть.

Исходя из изложенной оценки положения, рассматривая себя как одну из конструктивных сил, максимально используя свой политический опыт и достоящую степень организованности, НТС определяет сегодня свои важнейшие задачи так:

содействовать, в сотрудничестве со всеми, кто стремится к радикальным реформам, становлению политической силы, реально противостоящей власти;

использовать возможности своей зарубежной базы для разработки радикальных реформ, одновременно поддерживая и стимулируя работу, которую ведут конструктивные силы в стране;

постоянно вести политическую конфронтацию с властью, выдвигая конструктивные предложения, обращенные к нашему народу.

15 февраля 1986 года

Съезд Совета НТС

11-15 февраля 1986 года происходил очередной съезд Совета НТС. Совет прослушал, обсудил и принял отчетные доклады Председателя НТС (Е. Р. Романова) и Исполнительного бюро (И. Брюно) за 1984-1985 годы, а также выслушал и принял к сведению информационное сообщение о деятельности Высшего суда совести и чести (Я. А. Трушновича) за тот же период.

За прошедшие Политической комиссии Совета (А. Н. Артемов) сообщил, что работу по пересмотру Программы НТС намечено закончить в 1986 году. Председатель Стратегической комиссии (В. Д. Поремский) ознакомил с тезисами своей работы по стратегии, подготавливаемой к изданию.

Советом, после дискуссии и работы редакционной комиссии, была принята резолюция „Положение в стране и задачи НТС”.

Произведены выборы центральных органов Союза. Председателем НТС избран Е. Р. Романов, председателем Исполнительного бюро — Ю. Б. Брюно, председателем Высшего суда совести и чести — Я. А. Трушнович. Продлены полномочия председателей комиссий: Политической (А. Н. Артемов) и Стратегической (В. Д. Поремский).

На основании поступивших рекомендаций были произведены выборы Руководящего круга НТС на 1986-1987 годы.

Совет принял отчет Финансово-экономического сектора за 1985 год, утвердил план обложений групп НТС на 1986 год и поручил принять меры к повышению взносов в Кассу социальной помощи.

Погружаясь в трясину

В. РЫБАКОВ

Эту войну уже давно привыкли называть Афганской. Из месяца в месяц, из года в год она занимает в умах советских людей все больше места, и все меньше — в умах населения остальных стран. Для афганцев война уже стала привычным кошмаром. Средства массовой информации Запада привычно восхваляют мужество афганцев, в тоталитарных странах (кроме Китая) так же привычно называют афганцев „душманамии“, „бандитами“. А между тем война, живя своей особой страшной жизнью, по-прежнему остается для большинства человечества далекой и чужой. До сих пор многие касающиеся ее вопросы остаются или вовсе без ответа, или на них даются противоречивые ответы. Среди важнейших вопросов:

1) Почему советское руководство решило овладеть Афганистаном?

2) Почему Запад не оказывает афганцам эффективной помощи?

На Западе на первый вопрос чаще всего отвечают, что завоевание Афганистана есть „еще один шаг коммунистического руководства СССР на пути к завоеванию мира“ или „очередной исторический рывок России к Индийскому океану“. Эти объяснения не выдерживают даже поверхностной критики.

Стремление СССР как сверхдержавы к мировой гегемонии всегда наталкивалось на сопротивление высокоразвитых стран во главе со сверхдержавой США. Более того, демократия и либеральная экономика представляют (своей все растущей конкурентоспособностью) смертельную угрозу для тоталитаризма и его всеохватывающей системы централизованного распределения. Спасение коммунистической номенклатуры, а следовательно, ее гегемонии, заключается в ослаблении и расколе Запада. Всяческая помощь — в зависимости от конъюнктуры — местным просоветским силам в той или иной развивающейся стране всегда была неотъемлемой частью коммунистической стратегии. Но советское руководство эту стратегию осуществляет главным образом для политического и экономического ослабления Запада. Если дестабилизация развивающейся страны этому не способствует, средства, идущие на дестабилизацию, даются советским руковод-

ством минимальные. А Афганская война политически и экономически ослабляет не Запад, а сам СССР. Политически потому, что многие антизападно (в частности, антиамерикански) настроенные страны, принадлежащие к так называемому Третьему миру, стали после вторжения в Афганистан более антисоветскими и, следовательно, менее антизападными; в особенности многие мусульманские страны. Экономически потому, что война стоит дорого. Выручка же от грабежа афганских недр ничтожна по сравнению с миллиардными суммами, уходящими на содержание воюющих армий, своей и кармалевской (КГБ), на военное и гражданское строительство, на подготовку афганских просоветских кадров и т. д. Кроме того, что Афганская война в некоторой степени осложнила получение Советским Союзом нужной ему западной технологии. Западные правительства воспользовались этой войной, чтобы заставить предприятия своих стран лучше контролировать экспорт своей продукции, имеющей стратегическое значение.

Что же касается утверждений об исторической и геополитической преемственности СССР от дореволюционной России, то они лишены всяких оснований, хотя бы потому, что сегодня выход в Индийский океан России не был бы необходим — тем более такой ценой. Технические достижения XX века лишили порты бывшего торгового и военного значения. Ушли в историю времена, когда для активного торгового или военного присутствия в тех или иных морях необходимы были береговые сухопутные базы. Конечно, и сегодня такие базы облегчают решение задач торгового и военного присутствия, но они перестали быть причиной конфликтов. Достаточно ознакомиться с характеристиками средних и крупных единиц торговых и военных флотов. Так нужно ли в век авианосцев завоевывать Афганистан, а затем Пакистан, чтобы создать военно-морскую базу в Карачи?

Да и сама по себе колонизация этих стран лишена интереса. Во всем мире процесс деколонизации происходил не столько в силу существования освободительных движений,

сколько в силу принятия высокоразвитыми странами тезиса об экономической невыгодности колоний: с утверждением идеала общества потребления высокоразвитым странам стали нужны не контролируемые ими территории, из которых можно было бы выкачивать дешевые сырье и рабсилу, а обширные рынки сбыта, в частности, превращение колониализуемых в потребителей. Конечно, СССР экономически и политически скорее слаборазвитая страна (несмотря на ее официальный статус сверхдержавы), все еще стремящаяся к экономическому количественному росту и к контролю новых территорий, но все же трудно себе представить, что именно это стремление к территориальному расширению было причиной вторжения в нищий Афганистан.

Вероятнее всего, основной причиной вторжения была верность советского руководства одному из важнейших для него принципов, обеспечивающих Советскому Союзу статус центра международного коммунистического движения, а заодно (что не менее важно) безопасность части его границ: ни одна страна, граничащая с СССР и ставшая его сателлитом, не должна „вернуться на капиталистический путь развития”. Отступление от этого принципа может вызвать цепную реакцию со всеми ее политическими, военными и идеологическими последствиями, гибельными для всей коммунистической системы. Согласно этому принципу лучше потерять десять Ангол или Мозамбиков, чем одну Польшу или Чехословакию. Афганистан, став просоветским, должен им остаться. Любой ценой! В данном случае, с точки зрения власти, цена не так уж велика.

*

На второй вопрос (почему Запад мало помогает?) на Западе предпочитают чаще всего не отвечать, вернее, стараются этот вопрос вообще не задавать. Действительно, не так легко объяснить, почему, восхищаясь сопротивлением афганцев, западные страны мало помогают им. Причин множество. И стоит перечислить хотя бы несколько.

1) Западные правительства, не подписав с нейтральным Афганистаном договоров о взаимопомощи, не сочли нужным после вторжения встать на его защиту — главным образом из-за того, что Афганистан не имеет оборонно-стратегического значения.

2) Афганцы, будучи мусульманами, отказываются принять на вооружение выработанные Западом философские, политические и экономические доктрины. Они просят помощи, но отказываются „оформлять” с помощью Запада свое политическое будущее. На Западе же не видят достаточно уважительных причин помогать тем, кого нельзя контролировать сейчас и тем более, в будущем. В особенности ценой обострения отношений с СССР. Кроме того, и сам мусульманский мир не видит крупной выгоды в спасении афганцев от советской оккупации. Увы, подобная близорукость свойственна всем режимам, не обладающим политикой дальнего прицела.

3) Средства массовой информации Запада не мобилизуют общественное мнение на борьбу за независимый Афганистан. Во-первых, потому, что получение информации на месте требует много времени, а следовательно, и денег. Во-вторых, западные политические партии не видят возможности использовать Афганскую войну для своей внутривнутриполитической борьбы. Для большинства населения Запада эта война слишком далека от его непосредственных интересов. Кроме того, мусульмане (будь они шииты или сунниты) после шиитской революции в Иране не вызывают на Западе симпатий. Для среднего европейского и тем более американского обывателя мусульманин представляется зачастую чем-то вроде палестинского или иранского террориста.

4) На Западе большинство левых избирателей в большей или меньшей мере принимает советский тезис о необходимости освободить Афганистан от „феодализма” и, хотя и порицает советское вторжение, не чувствует себя вправе активно выступать на стороне афганцев, поскольку это значило бы, с его точки зрения, выступать за реставрацию „феодализма”.

Афганистан действительно одна из самых бедных и отсталых в мире аграрных стран. В 1978 году в нем насчитывалось всего 35 000 фабричных рабочих, половина новорожденных не доживала до 5 лет, а средняя продолжительность жизни не превышала 35 лет. До советского вторжения в стране орошалось лишь 15% потенциально плодородной земли. В Афганистане так называемый богатый крестьянин обладал десятком гектаров орошаемой площади, средний — 2-3 гектарами, бедный — одним гектаром.

Обладателей одного гектара или вообще безземельных было меньше 25% сельского населения. Земельная собственность, достигающая 100 гектаров, была редкостью. То есть ни о каком феодализме не могло быть и речи. И если в чем действительно нуждался Афганистан, так это, прежде всего, в оросительных системах, и уж никак не в социализме советского типа.

Равнодушие, с которым население Афганистана встретило в 1978 году коммунистический переворот, воспринимается левыми как одобрение. На деле же центральный государственный аппарат так мало вмешивался в деятельность живших обособленно кишлаков, что Кабул с его правительством был для населения попросту абстракцией. Поэтому сопротивление началось только тогда, когда присланные уже коммунистическим центром чиновники стали нарушать общественно-экономический уклад и, по сути дела, не улучшать, а скорее разрушать существовавшую веками оросительную систему.

Запад на седьмом году войны

Шестая годовщина вторжения была поводом для выступления ряда политических деятелей Запада. Президент Рейган, в частности, сказал, что Запад не должен забывать об афганском сопротивлении. То, что происходит на этой далекой земле, — сказал он, — жизненно важно для нашей страны и для всего мира. Европейское экономическое сообщество потребовало „справедливого и устойчивого урегулирования” афганской проблемы и призвало советское руководство вывести свои войска из Афганистана. Премьер-министр Великобритании Тэтчер предложила советскому руководству вывести войска и наделить Афганистан статусом нейтральной страны. Французское МИД заявило: „Отважное сопротивление афганского народа и практически единодушная солидарность с ним со всей очевидностью показывают, как бесплодно всякое решение, основанное на силе и на отрицании законных чаяний афганского народа”. МИД ФРГ призвал советское руководство прекратить „преступные нарушения прав человека” в Афганистане.

Пакистанский парламент объявил СССР „величайшим агрессором века”.

Подобных заявлений было множество, но практически кроме США афганскому со-

противлению существенно на Западе не помогает никто. Американская же помощь так мала, что позволяет афганцам лишь поддерживать свою вооруженную борьбу на весьма низком уровне. Да и о каком политическом урегулировании может идти речь, если до сих пор в ООН сидит представитель Бабрака Кармаля, а не афганского движения сопротивления. Но стоит ли этому удивляться, если от Камбоджи в ООН — представитель красных кхмеров, уничтоживших треть населения своей страны!

Были ли выход?

Критиковать Запад легко, это давно уже стало модой. Чуть что не так — виноват Запад. Однако нельзя впадать из одной крайности в другую. Что собственно мог сделать Запад, чтобы действительно помочь разрозненному, не подготовленному к ведению современной войны, к активной пропагандной, политической и дипломатической деятельности афганскому сопротивлению окрестить и изгнать со своей территории Советскую армию?

В самом начале войны вопрос этот был поставлен так, что ответ на него мог быть только отрицательным. Действительно, Запад, считая советское руководство и советского солдата в одинаковой степени врагами афганского народа, не мог с первого же дня войны не обречь афганцев на поражение даже в том случае, если бы война продлилась двадцать лет.

Ошибка Запада (если это ошибка, а не принципиальная точка зрения) основывалась на том постулате, что советский солдат — враг афганского народа, а не его — вместе с населением СССР — потенциальный союзник. Отказавшись от этого постулата, Запад мог бы легко найти решение: развернуть широчайшую пропагандную кампанию против войны, предназначенную как для населения СССР, так и для солдат и офицеров 40-й армии, оперирующей в Афганистане.

Острием этой антивоенной пропаганды должно было бы быть спасение всех без исключения советских военнослужащих, попавших к афганцам в плен или дезертировавших. С последующим предоставлением им выбора: остаться на Западе или вернуться в СССР. Для этого необходимо было бы, кроме неослабевающей разъяснительной работы среди афганцев, давать им крупные

выкупы за каждого пленного и сурово наказывать за их убийство. Пленных и перебежчиков следовало бы вывозить из Афганистана в специально приготовленные для них на нейтральной территории беженские лагеря. Можно быть уверенным, что уже к концу 1983 года у Афганской войны было бы совсем иное лицо, и страх советского руководства перед собственным населением и собственной армией мог бы многое изменить. Ведь население СССР увидело бы, что „враждебный” Запад спасает их сыновей, в то время как советское руководство их губит. Солдаты стали бы отказываться в массовом порядке от палаческой службы в Афганистане, у них появилось бы то, о чем мечтает сознательно или подсознательно почти каждый советский человек: альтернатива.

После шести лет войны подобную операцию проводить (если бы появилось желание), пожалуй, уже поздно — слишком ожесточились обе воюющие стороны. К тому же афганцы все меньше верят Западу. У одних все сильнее разгораются религиозный фанатизм и жажда кровной мести, в которых черпаются духовные силы для борьбы с бесконечно превосходящим их мощью врагом, у других — угасает вера в победу, и все сильнее начинает замечаться стремление к компромиссу как единственному возможному выходу из положения.

Успехи Советской армии

В „Посеве” не раз писалось, как советское командование, убедившись в непригодности армии к борьбе с широким партизанским движением в горных условиях, стало всячески применять опыт, приобретенный американцами во время войны во Вьетнаме. Главным образом развернутое использование разведки в сочетании с введением большого количества вертолетов и приданных им мобильных групп, десантных и штурмовых. Общая же стратегия, как только стало ясно, что война будет затяжной, была выработана следующая: с помощью тотального террора отрезать основные горные массивы от густонаселенных долин и обеспечить безопасность основных дорог. Для выполнения этих задач было уничтожено около миллиона афганцев.

В настоящее время внешне слепая мясорубка в сочетании с новой тактикой начинает приносить свои плоды. Широкие и длин-

ные полосы выжженной земли (на которой уничтожены населенные пункты, ирригационные системы, отравлены колодцы, родники) становятся все шире и длиннее. Спускаясь с гор и вступая на эти полосы, афганские партизаны, во-первых, не могут раствориться среди населения, добыть нужную информацию, продовольствие, питьевую воду, а, во-вторых, обладая ничтожным количеством противоздушных ракет, они легко становятся жертвами советских вертолетов и самолетов, патрулирующих над ними в сущности мертвыми зонами. Одновременно советские войска усиливают свое проникновение в горы, в основном вдоль пакистанской границы. В выполнении этой задачи им все деятельнее помогает ХАД (афганский КГБ), численность которого как будто уже доведена до 60 000 человек. В настоящее время не только афганцы устраивают засады советским войскам, но и сами афганцы все чаще попадают в засады. Пример: хадовец посылает информацию, что на таком-то участке предвидится передвижение того или иного партизанского отряда. На место срочно посылаются вертолеты с группой десанта или частью специального назначения, или же со штурмовой группой. Обладая мощью огня, значительно превосходящей огневую мощь афганцев, эти группы сравнительно легко уничтожают попавший в засаду партизанский отряд, в особенности, если в бою участвуют вертолеты.

Афганцам стало чрезвычайно трудно нападать и на колонны,двигающиеся по основным дорогам страны. Как уже говорилось, вдоль дорог были полностью уничтожены, часто вместе с жителями, все населенные пункты. Вместо них вдоль дорог теперь выстроены укрепленные пункты (часто с вертолетными площадками). Если раньше, после нападения афганцев на советскую колонну, советским ВВС нужно было потратить много времени, чтобы прибыть на место и отогнать партизан, которые успевали обыскать колонну и набрать трофейное оружие, боеприпасы, технику, то ныне подвергнувшаяся нападению колонна посылает сигнал тревоги ближайшему укрепленному пункту и броневертолет оказывается на месте нападения часто до того, как партизанам удастся разгромить колонну. В таких случаях они несут большие потери и поспешно отступают.

Так же проводится операция по уничтожению в горах партизанских штабов. Ходят пока не подтвержденные слухи о существо-

вании в Советской армии офицерских групп специального назначения. Однако в общем операции в горных условиях остаются для советских войск невыгодными. Партизаны продолжают наносить врагу большие потери в живой силе и технике. Огонь вертолетов прикрывают на себя специальные пулеметные и зенитные подразделения партизан, в то время как десант окружается и уничтожается.

Успехи афганцев

Успехом нужно считать прежде всего тот факт, что афганцы продолжают по всей стране наносить удары советским, кармалевским войскам и ХАДу. И если советские войска воюют и уничтожают население более умело, чем три года назад, то партизаны также накопили огромный опыт войны — хотя бы потому, что многие из них воюют уже шесть лет. Советский же солдат после двух лет службы, в сущности, только получил необходимый минимальный опыт, демобилизуется. Ясно, что как индивидуальный боец афганец стал несравненно более профессионален не только в сравнении с советским солдатом, но и с советским офицером. А в партизанской войне индивидуальные боевые качества играют огромную роль. Кроме того, афганец защищает свою родину, веру, мстит за родных.

За годы войны афганский боец научился владеть многими видами современной боевой техники, партизанские офицеры, как и подпольщики, стали превосходными специалистами. Далее, у партизан в беженских лагерях есть неиссякаемый запас живой силы — афганские дети, которые воспитываются только на одном: на ненависти к завоевателю.

Слабые стороны партизанского движения — ничтожное количество получаемого им современного вооружения, политическая разнородность и недостаточное понимание силы пропаганды.

Население Афганистана

Если военная стратегия советского командования заключается в проведении тотального террора, то стратегия советской гражданской администрации базируется на политике кнута и пряника. Населению контролируемых территорий возвращена религиозная

свобода, которая, разумеется, исключает проповедь священной войны против завоевателя и вообще любую критику СССР. Возвращен также ряд экономических свобод, среди которых — довольно широкое право на частную собственность. Эти меры способствуют внедрению в афганский рынок большого количества советских товаров (отбираемых у советского населения).

В то же время афганцам дана полная свобода жить не по-мусульмански, а по-советски. Из СССР ввозятся в огромном количестве спиртные напитки, ширпотреб, в городах строятся клубы, танцплощадки, рестораны, кинотеатры и т. д. Во главе мероприятий по привлечению населения, в особенности молодежи, ставятся возвращенные после окончания учебы в СССР афганские (по сути уже советские) чиновники. Эта политика имеет некоторый успех в городах, но в общем закон крови слишком силен, чтобы афганское большинство примирилось и приняло чужеземные порядки, быт, культуру.

Возможно, эта политика рассчитана на победу только через одно или два десятилетия. Так „Правда” от 21 декабря 1985 г. пишет:

„Чтобы снять накопившиеся предрассудки, развеевть заблуждения, потребуется время. Надо создать атмосферу позитивного диалога между общественными и политическими силами, в том числе и теми, которые пока придерживаются враждебных революций позиций, во имя национального возрождения Афганистана...”

Такой подход предусматривает укрепление традиций самоуправления через советы старейших или джирги, активное привлечение к решению экономических и политических задач национального капитала, частных предпринимателей...”

Сегодня же — и во всяком случае до конца века — громадное большинство афганского населения поддерживает и будет поддерживать все акции, направленные против советского завоевателя.

Население СССР

О настроениях советского населения можно судить по эволюции советской пропаганды о войне. Если в ее первые годы средства массовой информации описывали войну как „мирную братскую помощь” или как вооруженную, но не очень опасную охрану „завоеваний афганской коммунистической революции”, то в течение последнего года все чаще появляются статьи о „героических подвигах”, о новых „героях Советского Союза”, о „тя-

желом боевом труде воинов-интернационалистов". Телевидение показывает бои, подбитые танки, короче — показывает 1% правды о войне, и вместе с тем продолжает тупо утверждать, что войны — нет. Совершенно ясно, что советское руководство поставлено в трудное положение: политически оно не может назвать войну войной, но неофициальная информация, охватывающая с каждым годом все новые миллионы советских граждан, становится слишком опасной, чтобы не стараться ее нейтрализовать информацией официальной. Что вряд ли способствует уменьшению страха родителей за судьбы своих сыновей. Для этого нужно было бы раскрыть хотя бы 50% правды о войне и убедить население, что потери, которые несут в Афганистане советские войска, минимальны, ничтожны. Но подобная пропагандная кампания предполагает официальное признание существования Афганской войны, на что советское руководство пойти не может, а следовательно, не может и уменьшить недоверие населения к официальной информации о войне, заглушить волны слухов о ней. Тем временем страх за родных приобретает все более устойчивые формы и превращается в еще один фактор (пусть незначительный) отказа от лояльности к системе. Соединившись с другими факторами — обострение продовольственного вопроса, снижение уровня жизни, — он может в критический для власти момент стать большой дестабилизирующей силой.

Письмо академика А. Д. Сахарова

Андрей Дмитриевич Сахаров был одним из первых, кто через полгода после советского вторжения, предложил план политического урегулирования афганского конфликта. Сахаров изложил его в открытом письме Брежневу в июле 1980 года:

„1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104-х ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице его постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармалы до проведения выборов передает свои полномочия Временному Совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармалы.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармалы и партизаны принимают участие в них на общих основаниях. ...”

Афганская хроника

● Французский профессор Бенигсен считает, что война в Афганистане подрывает устойчивость советской власти в Средней Азии. В одной из своих работ он писал, что с 1970 г. Брежнев старался установить с исламом сотрудничество, основанное на взаимных обязательствах. Со стороны властей: 1) Заметное ослабление пропаганды, направленной против ислама. 2) Открытие новых мечетей. 3) Разрешение публиковать религиозные тексты. Со стороны мусульман: 1) Участие „официального духовенства” в проведении исламской политики советского правительства. 2) Посещение исламских стран советскими муфтиями, ставшими авторитетными послами советского правительства. 3) Организация международных исламских конференций. В течение 10 лет эта политика была довольно успешной и позволяла СССР выгладеть, кроме прочего, и „мусульманской державой”. Война в Афганистане сделала на нет это „сотрудничество”.

- Западные военные специалисты отмечают, что советские руководители сочили опыт, приобретенный советской армией во время шестилетней войны в Афганистане, столь ценным, что включили вытекающие из него новые тактические концепции в войсковые учения, проходящие в центральной Европе. Это можно легко зафиксировать, наблюдая, например, за маневрами советских войск, расквартированных в ГДР. Аналогичным образом афганский опыт стал передаваться советским советникам, руководящим правительственными войсками в Анголе. Ангольская армия уже изменила тактику войны с освободительными силами: перед наступлением стали забрасываться в тыл противника части спецназначения.
- Стало известно, что в декабре 1985 года в городе Кандахаре за отказ воевать вместе с солдатами афганских правительственных войск было расстреляно 20 советских военнослужащих. Советские солдаты опасались, что во время боя афганские солдаты, прежде чем перейти к партизанам, начнут стрелять им в спину. Вероятно, были расстреляны лишь те, кого командование сочло „зачинщиками”. Опасения военнослужащих 40-й армии обоснованы: очень много советских солдат погибло от руки кармалевских „союзников”.
- Передачи зарубежных радиостанций, в том числе и радио „Свободный Афганистан” слушают в советской Средней Азии. Кроме того, с 1982 г. афганские партизаны стали использовать такие формы пропаганды, как брошюры на русском и узбекском языках, которые они забрасывают на территорию СССР. Советская пресса уже не раз сообщала, что на территорию Туркмении и Таджикистана проникают „пропагандисты и диверсанты”.
- В Кабуле арестованы пять генералов афганской кармалевской армии. При аресте, который произошел в Министерстве обороны, генералам было предъявлено обвинение в передаче партизанам данных о передвижении советских войск. Как сообщают аккредитованные в Исламабаде западные дипломаты, отныне данные о готовящихся перемещениях Советской армии будут передаваться афганцам не раньше, чем за четыре часа до начала той или иной операции против партизан.
- Президент Пакистана генерал Зия-уль-Хак считает, что за годы войны советско-кармалевские войска потеряли не менее 60—70 тысяч человек только убитыми.
- Согласно свидетельствам афганских партизан и афганских беженцев советскими войсками были применены отравляющие газы во всех кишлаках долины Кухисафи: Деванхел, Джурвати, Карахел, Али-Хваджа, Ахмадхел.
- По данным Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), в марте 1985 года на территории Пакистана проживало 2,3 миллиона афганских беженцев. Находились они в 306 специальных лагерях, в том числе: 74% — в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), 20% — в Белуджистане и 4% — в Пенджабе. Эти цифры, как подчеркивает отчет УВКБ, являются результатом расследования, произведенного правительством Пакистана в 1984 году. В Иране (по данным иранского правительства) в 12 провинциях страны в том же году проживало примерно 1,8 миллиона афганских беженцев. Половина из них поселилась в пограничных с Афганистаном районах Хорасана, Систана и Белуджистана.
- Афганские партизаны отличаются стойкостью в бою. Эту стойкость партизанский командир Абдул Вахед объясняет так: „Если партизан убивает враг — это его победа. Если партизан получает ранение — это тоже его победа. Если партизан погибает в бою — то и это тоже его победа. Он становится героем и мучеником. Мы ведем священную войну”.
- В горах Хаваджа-Раваш, в районе Кабульского международного аэропорта, расположено небольшое плато площадью около 10 кв. км. Не так давно советские и афганские геологи обнаружили здесь месторождение урана. Из всей округи немедленно были удалены не только афганское население, но и афганские специалисты. Район этот был объявлен закрытым. СССР вывозит из Афганистана, помимо урана, хром, свинец, цинк, молибден, олово, золото, барий, целестин, плавиковый шпат, асбест, слюду, турмалин, лазурит и т. д. Афганская война, однако, стоит населению СССР, не говоря о человеческих жизнях, гораздо дороже, чем может дать грабеж недр афганской земли.

Террор и его вдохновители

Я. ТРУШНОВИЧ

Американская средиземноморская эскадра в конце марта демонстративно провела маневры в заливе Сидра (Большой Сирт). Правительство США хотело подчеркнуть, что эти воды, за исключением 12-мильной береговой полосы, — международные. Дело в том, что незадолго до этого Каддафи объявил Большой Сирт собственностью Ливии и пригрозил, что всякий, кто пересечет его границу, „линию смерти“, как он выразился, будет разгромлен (линия эта, прямая между Триполи и Бенгази, проходит местами в 81 миле от африканского берега). После такого заявления он должен был или „потерять лицо“, или напасть на американцев, что он и сделал. Американцы, очевидно, на это и рассчитывали — не понеся никаких потерь, они потопили несколько ливийских боевых судов и разгромили советские ракетные установки, с которых ливийцы вели огонь. Весь западный мир облетели слова американского летчика, который, поражая ракетой ливийский ракетный катер, выкрикнул: „Это вам за Наташу, гады!“ Эти слова раскрывают истинную причину конфликта: незадолго до того арабские террористы, ворвавшись почти одновременно в аэропорты Вены и Рима, убили целый ряд пассажиров. Среди убитых была тринадцатилетняя американская девочка с русским именем. (За последние пять лет террористы убили 7260 человек, из которых 10% американцы.)

Вскоре после этого в Западном Берлине, в ночном баре, завсегдатаями которого были американцы, произошел взрыв — погибли американские солдаты и турецкая женщина, около двухсот человек было ранено. Американская разведка установила, что приказ провести эту террористическую акцию — а затем поздравление с успешным ее выполнением — поступили из ливийского представительства в ГДР.

В ответ на это ранним утром 15 апреля американские самолеты поразили ракетами с лазерным прицелом несколько объектов в Ливии, в которых, по официальному заявлению правительства США, размещались центры международного терроризма.

Мы знаем, что террористы действуют на Западе уже не одно десятилетие, и знаем также, что по человеческому свойству привыкать ко всему, что долго длится, многие к террору стали относиться как к чему-то, хотя и весьма неприятному, но неизбежному. Хуже того, многие пришли к убеждению, — и убеждают в этом других, — что никаких серьезных и активных мер против террористов предпринимать ни в коем случае нельзя, „а то будет еще хуже“... Тут проявляется другое свойство обывателя, страх любых резких перемен.

Но террор не ниспослан нам свыше, как нечто неустрашимое, и его присутствие вовсе не неизбежно. Потревожив еще одно свойство людей — нежелание охватить взглядом даже небольшой отрезок исторических событий, стоит вспомнить, „откуда пошла ешь“ нынешняя террористическая деятельность. И почему именно американцев террористы ненавидят в первую очередь, почему Каддафи еще в 1969 году в одном интервью сказал: „У нас взрыв ненависти к Америке, Америке ненавидят все!“ Где научился такой ненависти этот сын простого бедуина, для которого „Хижина дяди Тома“ — вершина литературы?

Разжигание ненависти против американцев совпадает с периодом деколонизации, в которой Соединенные Штаты сыграли немалую роль, с точки зрения многих жителей колоний — весьма положительную. Руководители США настоятельно советовали всем обладателям колоний как можно скорее дать самостоятельность неграм и арабам и готовы были оказывать им всяческую помощь (ЮНПРА, например, кормившая вторую эмиграцию в бесчисленных беженских лагерях, по сей день, в иной форме, содержит палестинских беженцев, из лагерей которых вышло немало террористов, — а существует эта система на американские средства).

Энергично вмешались в дела освобождающихся народов и коммунисты — так же, как вмешались они и в дела России: с обманными лозунгами, невыполнимыми посулами, с марксистской лжерелигией, ловко и дичинно

используя слабости и отрицательные качества человека. Но имея тщательно разработанный стратегический план, зная точно, чего они хотят. И обманывая и обыгрывая американцев. Коммунистов интересовал не скрип телега, подвозящих хлеб голодающему человечеству, их интересовала власть. По анекдоту, весьма похожему на правду, хлеб подвозили американцы, а члены местной компартии, пробравшись в порт, писали на этом хлебе „Привет от трудящихся СССР!”

Тот, кто стремится обманым путем взять в свои руки власть, должен указать тем, кого он намерен захватить, на их „злейшего врага”, который якобы готовит им всяческие каверзы, иначе люди быстро поймут, „кто есть кто”. У нас натравливали на „буржуев”, „помещиков”, „попов”, „кулаков”. Здесь — на „колониалистов”, „капиталистов”, „империалистов” и в первую очередь на американца, якобы мечтающего о власти и намеревающегося прибрать к рукам весь мир.

Советские руководители, не жалевшие средств на материальное оснащение, главным образом оружием, своей зоны влияния, не жалели также средств и на „лицу духовную”: тысячи проповедников ненависти выпустили созданные ими школы, училища и университеты, тысячи тонн агитационной литературы распространено во всем мире, миллионы часов пропагандной брани на всех языках мира выкрикнуто в эфир...

А когда насаженная и раздуваемая Советским Союзом ненависть окрепла и наступило время приступать к „революционным” действиям, террористы получили и инструкторов, и щедрую материальную поддержку, и многое другое — кто непосредственно из центра, кто через посредников и всевозможных заместителей.

Эта родословная терроризма никогда не была тайной, во всяком случае для политиков и других осведомленных людей. Более того, террористов опасались преследовать в полную силу именно потому, что знали: где-то за ними, пусть не тут же, а за двумя поворотами, стоят советские лидеры. И были уверены: если советских руководителей чересчур беспокоить, они могут осерчать, надевать много неприятностей и даже начать мировую войну, — ведь Советский Союз мощная держава, обладающая ядерным оружием. В сверхмощь Советского Союза верили также многие американские политики и реша-

лись на резкие шаги только в самых редких случаях, например, когда Хрущев решил установить на Кубе свои стратегические ракеты.

Многое говорит за то, что период веры в советскую мощь и связанной с нею чрезвычайной осторожности окончился, — во всяком случае для Соединенных Штатов. Моментом, когда американцы, отбросив сомнения, перешли к активным действиям, была, надо думать, высадка в Гренаде, островном государстве в Карибском море, где с помощью кубинцев была восстановлена диктатура и началась отстройка военной базы для СССР. Недавно, в годовщину освобождения, президент Рейган нанес Гренаде официальный визит, — вероятно, для того, чтобы показать: высадка не была операцией местного значения, а переломным пунктом в политике США. Недавние события в Средиземном море это подтверждают.

Руководители демократической страны, а в особенности Соединенных Штатов, никогда не хотят, и не могут, сделать из одного шага, который мог бы подвергнуть риску страну. И если они теперь не считают опасными шаги, которые раньше казались им опасными, и делают их достаточно демонстративно, это значит, что что-то произошло и американцы об этом не просто догадываются, а обладают точными и проверенными знаниями.

О том, что что-то произошло, говорит и поведение советских руководителей, а в особенности Горбачева, в последних обращениях которого к Рейгану явно сквозит растерянность.

Надо думать, что сегодня советские руководители вспоминают конец тридцатых годов, когда их предшественники уверили всех, что советская армия — самая сильная в мире, разъясняли народу, что жить впроголодь приходится потому, что мы должны создать самое совершенное в мире оружие, — в то время как страна была фактически небоеспособной. Нечто похожее, надо думать, происходит и сегодня: американская техника настолько ушла вперед, а советская настолько устарела, что снова можно поставить вопрос об обороноспособности Советского Союза. (Есть и свежий пример: во время недавних операций в Средиземном море ракеты советского производства взрывались в воздухе или падали в море, ничего не поражив, а МиГи-25 не смогли никого перехва-

тить — американцы потеряли всего один самолет.)

Но, скажут, хотя советская пропаганда все время твердит об американской агрессивности, на самом-то деле американцы на нас все не думают нападать. Да и советские лидеры никогда нападать не собирались — во всяком случае на США. Это верно, но тем не менее, военная мощь советскому руководству необходима, и еще более ему необходимо, чтобы в этой его мощи были уверены и свои, и чужие, чтобы возникал страх. Без этого вся коммунистическая стратегия вскоре уподобится проколотой шине, Советский Союз постепенно перестанет быть пугалом для чужих, а затем и для своих.

Кризис ЮНЕСКО

Первого января 1986 г. Великобритания вышла из ЮНЕСКО, а год тому назад ЮНЕСКО покинули США.

Что происходит? Ведь созданная сразу после войны — в 1945 г. в Лондоне — Организация по вопросам образования, науки и культуры поставила перед собой благородные и высокие, даже слишком высокие цели. Что, впрочем, понятно: чем кровопролитнее война, тем после нее упорнее твердят о „вечном мире“, о том, что теперь-то уж все пойдет иначе. Первый генеральный директор ЮНЕСКО Дж. Хаксли мечтал о создании мировой культуры, универсальной научной философии; президент Трумэн считал, что богатые страны должны с помощью ЮНЕСКО передавать бедным странам элементы прогресса — свои промышленные возможности, научно-технические идеи и иные преимущества. Президент говорил о семье народов, о том, что все имеют право на счастливую жизнь. Словом, учреждение было создано как будто весьма почтенное.

Вначале в ЮНЕСКО состояло 30 государств, и ее годовой бюджет составлял 7 млн. долларов. Сегодня в этой организации более ста шестидесяти государств, и бюджет в позапрошлом году (перед уходом США) равнялся 374,41 млн. долларов. СССР долго не входил в ЮНЕСКО: как создание паразитарное, питающееся чужими соками, он присматривался, будет ли тут пожива для дела мирового коммунизма? К 1954 г. советские руководители решили, что пожива будет: к тому времени в ЮНЕСКО вошло много новообразованных государств, бывших коло-

Сегодня советские руководители вслух заговорили о катастрофическом положении советской экономики. Но вскоре, может быть, станет известно и то, что они пытаются держать в строжайшем секрете: что коммунистическая система не сумела создать не только здоровую экономику, но и то, без чего она не может существовать, — военную мощь.

Поняли ли те, чьи террористические операции поощрял и поддерживал Советский Союз, что он уже не сможет служить им надежной опорой? Более того, что в новой обстановке они могут стать для него обузой и что он может начать сбрасывать их как лишний и вредный балласт?

ний, например, которые решили строить у себя социализм и руководители которых были уверены, что создавать мировую культуру и универсальную научную философию не надо, поскольку они уже давно существуют — марксистские. Остается лишь их умело и энергично распространять, чтобы „счастье“ разлилось повсюду.

И вправду, разливать „счастье“ оказалось не так сложно. Устав ЮНЕСКО весьма демократичен, каждая страна имеет там один голос. И голос представителя государства-лиги, вождя которого бросает провинившихся министров на съедение крокодилам, весит в ЮНЕСКО столько же, сколько голос представителя США, Великобритании или Франции. Исключение представляет лишь Советский Союз, который (прямо из серии „Нарочно не придумаешь“!) имеет там 3 голоса, поскольку в ЮНЕСКО состоят еще Украина и Белоруссия (так же, как состоят они и в ООН). Вот так создаются псевдodemократические механизмы, с помощью которых режимы, держащие своих подданных в рабстве, подрывают и разрушают демократию. Причем создаются без труда, с помощью самих демократических государств и на их средства.

Сегодня в ЮНЕСКО „неприсоединившиеся“, „народные демократы“ и „социалисты“ составляют большинство и простым, демократическим поднятием рук „переголосовывают“ настоящих демократов. Этим большинством и были проведены постановления о праздновании 50-летия Октябрьского переворота, 150-летие появления на свет Осно-

положника, то есть Маркса, 100-летие рождения Ленина, 50-летие образования СССР и иных „радостных” событий. Но это лишь иллюстрация настроений в ЮНЕСКО, лишь приправа к гораздо более острым кушаньям. Так Организация по вопросам образования, политики и культуры начала гравить Израиль, а заодно поддерживать и выдвигать Арафата. В последние годы она пытается наложить руку на свободу информации, то есть ввести цензуру. (Почему бы информации во всем мире не быть такой же „передовой”, как советская?) Не нравится большинству членов ЮНЕСКО и отсталое рыночное хозяйство, они хотели бы повсюду видеть хозяйство передовое, плановое. И это, конечно, далеко не полный список их стремлений и пожеланий, подсказываемых опытным суфлером.

В общем, как сказал представитель госдепартамента перед уходом США, деятельность тех, от кого зависит принятие решений в ЮНЕСКО, — „направлена против сил свободы, в первую очередь, против США”. Эту деятельность, к тому же, сами США до позапрошлого года и финансировали — во всяком случае, на 25%, покрывая четверть бюджета ЮНЕСКО. И это — не единственный случай. А Шевченко в книге „Разрыв с Москвой” описывает, как советские разведчики и гебисты орудуют в США фактически на американские средства, выделяемые для ООН.

На нынешнего генерального директора ЮНЕСКО М'Боу, сенегалезца, советские руководители до сих пор не могли пожаловаться: он во всем вел себя „как надо” и даже принимал снова на работу советских служащих ЮНЕСКО, высланных из США за шпионаж.

После ухода США, а теперь Великобритании в ЮНЕСКО назревает кризис — и моральный, и финансовый. Ведь решения ЮНЕСКО до сих пор исходили от организации в целом, в том числе и от США и Великобритании, что увеличивало вес этих решений. Советский Союз и его дружина понимают, что доверие к их речам в мире давно пошло на убыль, и поэтому им приходится добывать моральную поддержку на стороне, рядиться в чужие перья, вешать свой флаг рядом с чужими. Недавняя история с Нобелевской премией мира (ее получили советский и американский врач, Чазов и Лаун) — яркий тому пример. То, что среди этих флагов не будет больше американского и британского, — для ЮНЕСКО плохо. Плохо и то, что бюджет уменьшился

на 30% (столько вносили англичане и американцы вместе). Многим, кто привык урывать бакинши, идеи, проповедуемые ЮНЕСКО, могут теперь разонравиться. Тем более что те 6,4 млн. фунтов, которые вносили англичане в эту организацию, они намерены и далее использовать для помощи нуждающимся странам, — но уже по своему выбору.

На конференции ЮНЕСКО, которая состоялась несколько месяцев тому назад в Софии, М'Боу пытался уговорить англичан, обещал провести реформы. Уговорить не удалось. И, надо предполагать, что в „изменившейся исторической обстановке” одиозная фигура М'Боу стала для Советского Союза невыгодной: если М'Боу пытался соблазнить англичан реформами, то советские представители пытались соблазнить их головой М'Боу, намекая, что при выборах нового генерального директора ЮНЕСКО в 1987 г. не будут настаивать на его кандидатуре.

Прямой бунт против М'Боу произошел в распухшем и забюрократченном центре ЮНЕСКО в Париже. Служащие понимают, что при новом бюджете придется проводить сокращение кадров. И, зная вождистские замашки своего директора, не без основания опасаются, что это будет не сокращение, а „чистка от нежелательных элементов”.

Несколько забавно, что уговаривали англичан не только М'Боу и представители социалистического лагеря, но и представители западных стран, в особенности французы. Западная Германия и некоторые другие страны огорчены уходом британцев. Огорчены и в самой Великобритании — не только оппозиция, но даже сам министр иностранных дел. И если бы не твердость М. Тэтчер, была бы Великобритания и сегодня в ЮНЕСКО, вносила бы туда 6,4 млн. фунтов в год и поддерживала бы ее авторитет своим присутствием.

Остающиеся в ЮНЕСКО говорят, что они будут проводить реформы, что надо изменить образ организации. Но почему спохватились только сегодня? О чем размышляли десятки лет? И возможна ли вообще плодотворная работа в обществе, где рука об руку трудились бы дарящий и ворующий, созидющий и разрушитель? „Когда один строит, а другой разрушает, то что они получат для себя, кроме утомления?” — сказано в Библии (Сирах., 34:23). Причем сказано довольно мягко. В наши времена такое сотрудничество для строящего грозит не утомлением, а гораздо большими неприятностями.

Зарубежная хроника

- Генеральная ассамблея ООН, после десятилетнего сопротивления социалистических стран, единогласно приняла резолюцию, осуждающую любые формы терроризма, „убивающего или калечащего невинных людей, попирающего основные права и достоинство человека”. Все государства призываются не практиковать, не поддерживать, не терпеть террористическую деятельность. Правительства должны обмениваться информацией о терроризме, карать или выдавать террористов на суд в соответствующие страны. В преамбуле признается легальной борьба национально-освободительных движений, но „в соответствии с целями и принципами Хартии ООН”.
- Комиссия ООН по правам человека опубликовала в Женеве материалы о применении пыток в различных странах. В первом ряду стран, где наиболее широко применяются физические и психические пытки, названы Чили, Южная Африка, СССР, Иран, Афганистан, Уганда, Индонезия. Комиссия призвала все государства ратифицировать Конвенцию ООН против пыток, ввести наказания за применение пыток и запретить законом учитывать в судах свидетельские показания, добытые пытками.
- Генеральная ассамблея ООН приняла ряд резолюций, осуждающих нарушения прав человека в разных странах. Впервые, в отдельных резолюциях, перечислены преступления в Иране и в Афганистане. Указано, что „афганские власти, поддерживаемые иностранными войсками, с исключительной жестокостью и нисколько не считаясь с правами человека, обращаются с политическими противниками”. Упомянуты массовые лишения свободы, убийства и пытки.
- Американский сенатор-демократ Мойнихен (бывший представитель США в ООН) потребовал от правительства принять меры против советской электронной системы подслушивания телефонных разговоров официальных служб США, которая построена в зданиях советского посольства и советской делегации при ООН. По его словам, советские власти информируют об американских антитеррористических мерах те государства, которые поддерживают международный терроризм.
- Недавно лондонский журнал „Джейнс дефенс уикли”, посвященный вопросам обороны и обычно хорошо осведомленный, сообщил о новой форме советской поддержки „борцов за мир”. Среди пацифисток, обложивших ракетную базу около Гринэм-Коммон, оказалось несколько советских агентов — из частей специального назначения Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР. Обнаружилось это после того, как одна из советских агенток перебежала к англичанам.
- 30 сентября минувшего года в Бейруте ливанские сунниты захватили четырех советских дипломатов и потребовали, чтобы СССР заставил Сирию снять осаду ливанского города Триполи, где укрепились их единомышленники; в качестве давления, один дипломат 2 октября был убит (см. „Посев” № 11, 1985, с. 47). Но 30 октября террористы отпустили остальных дипломатов, не добившись успеха.
11 декабря парижская газета „Либерасьон” опубликовала статью, в которой сказано, что советские гебисты похитили около десяти активистов различных ливанских группировок, одного из них сразу убили и предупредили, что все будут „ликвидированы”, если захваченные советские дипломаты не выйдут на свободу. Такой язык для террористов понятен и убедителен.
- По данным министерства внутренних дел ФРГ, власти ГДР, демонтировав, под давлением мировой общественности, самострельные аппараты у пограничных проволочных заграждений, перестроили и укрепили проволочные заборы, поставив их на бетонные плиты, увеличив их высоту до трех метров и снабдив их усовершенствованной сигнальной системой. Число сторожевых собак возросло до 1400.
- По данным шведского Научно-исследовательского института проблем обороны, в 1985 году было проведено 31 ядерное испытание, против 56 в 1984 году. СССР до моратория (29. 7) провел 8 взрывов (в 1984 году 27), США 15 (1984 — 16), Франция 8 (1984 — 7), Англия и Китай в этом году испытаний не проводили.
- На Филиппинах президентские выборы (7. 2) изобиловали ненормальностями, подтасовками, фальсификацией, и оба блока, правительственный и оппозиционный, сочли себя победителями. Массовые волнения поставили страну на грань гражданской войны, и президент Фердинанд Маркос, кандидат правительственного блока, покинул страну (25. 2). В должность президента вступила Коразон Акино, вдова убитого ранее известного политического деятеля, кандидат оппозиции.
- Верховный комиссариат ООН по делам беженцев опубликовал данные по Вьетнаму: в 1985 году около 25 т. ч. покинули страну легально (в 1984 таких насчитывали 29 т. ч.), нелегально бежавших исчислили в 21 000, но это только по официальным сведениям из приютивших беженцев близлежащих стран (не учтены многие „лодочки”, возвращенные или погибшие).

- В США начата серия ядерных испытаний, которая, по заявлению американского правительства, должна выравнять образовавшееся отставание в этой области. На первое испытание (23.3) советскому правительству было предложено прислать наблюдателей, но оно отказалось.
- К началу 1986 года численность населения Китая достигла 1046 млн. человек, по данным Гос. комитета планового деторождения КНР. За последние 5 лет население страны ежегодно увеличивалось на 1,1%. Несмотря на строгие требования политики „один ребенок в семье”, вряд ли удастся осуществить поставленную цель: обеспечить, чтобы к 2000 году население Китая не превышало 1200 млн. человек.
- Пекинская пресса сообщила данные о росте урожая в КНР. За 13 лет 1959–1971 сбор зерновых вырос с 200 млн. т до 250, на 50 млн. т. После отказа от „культурной революции” с ее „перегибами” те же 50 до 300 млн. т получили за 7 лет 1972–1978. После объявления реформ, с передачей земли в частное пользование крестьянам, 50 млн т до 350 получены за 4 года 1979–1982. Наконец, в 1984 году собрали 400 млн т, увеличив урожай на 50 млн. т за два года.
- Согласно новым постановлениям правительства КНР, прибывающие в Китай иностранные туристы могут сразу же беспрепятственно получить въездную визу на месте, по прибытии в гавани или аэропорты крупных городов. Людям из деловых кругов, вкладывающим свой капитал или участвующим в развитии экономических объектов, даются бессрочные визы. Для туристов открыты 244 города (включая тибетскую столицу Лхассу).
- В Пекине от 200 до 300 студентов из провинции Синцзян (граничащей с Казахстаном) провели демонстрацию против испытаний атомного оружия на их территории.
- 21 мая академику Сахарову исполнилось 65 лет: свой день рождения он отметил в горьковской ссылке. Во многих странах Запада день рождения академика А. Д. Сахарова стал поводом для организации очередной кампании в его защиту. Например, 221 представитель шведской общественности (члены парламента и Академии наук Швеции) обратились к Горбачеву с призывом освободить Сахарова и прекратить гонения на него. Конгресс США официально отметил день рождения правозащитника на заседании обеих палат, а президент Рейган объявил 21 мая всеамериканским Днем Андрея Сахарова.
- Европейский парламент в Страсбурге учредил премию имени академика А. Д. Сахарова, которая будет присуждаться ежегодно за заслуги в области защиты прав человека.
- 16 марта в Швейцарии был проведен всенародный референдум по вопросу о вступлении страны в ООН, куда она не входила, оберегая свой традиционный нейтралитет. Несмотря на то, что большинство политических партий высказалось за вступление и пресса клонила к тому же, граждане сенсационным большинством в 76% голосов высказались против вступления. Судя по письмам читателей в прессе, наиболее веским аргументом отказа была „плохая репутация” ООН у населения семивековой демократии. Аморальное поведение оппортунистического большинства „мирового форума”, систематическое попрание им собственной Хартии, предвзятая однобокость решений, — все это легло на левую чашу весов у независимых и беспристрастных судей, составляющих основу швейцарской государственности.
- В Риме закончился судебный процесс по делу о покушении на Папу (13.5.81), длившийся с мая прошлого года. Обвинявшиеся в соучастии болгарские граждане Антонов, Васильев и Айвазов оправданы „за недостаточностью улик”. Стрелявший в Папу турок Али Агджа осужден ранее на пожизненное заключение.
- 9-14 апреля состоялся съезд Итальянской компартии, на котором были приняты документы, свидетельствующие о дальнейших сдвигах в сторону отказа от ленинских принципов централизма и от идеологического догматизма. Алессандро Натта переизбран генсеком партии.
- На филологических факультетах ливийских вузов прекращено преподавание английского и французского языков. Учебники и хрестоматии сожжены. Впредь лингвистическое обучение будет ограничено и строго контролируемо.
- Изданный на немецком языке, в порядке пропагандного эксперимента, „рядовой номер” газеты „Правда” (см. „Посев” № 5, с. 29) оказался и последним. За две недели удалось продать в ФРГ лишь около трети тиража, и издательство, взявшее было подряд, отказалось от дальнейшей публикации „за отсутствием достаточного интереса”.
- Дочь Сталина Светлана Аллилуева, осень 1984 года уехавшая со своей (тогда 13-летней) дочерью Ольгой Питерс из США в СССР, прожив там полтора года, в апреле снова вернулась в США, оставив, по дороге, Ольгу на учебу в Англии. „Покинув Америку, скоро научаешься ценить ее”, — заявила она. Эти переезды туда-сюда не составили для нее ни материальных, ни юридических трудностей.

Какой страх сильнее

В. РЫБАКОВ

О Горбачеве на Западе продолжают ходить слухи, что он „умен“, „энергичен“, „понимает Запад“ и вообще „современный мир и его проблемы“. При активной помощи КГБ в средства массовой информации Запада вливается поток информации о Горбачеве как о „новаторе“, „реформаторе“, которому пока мешают старцы-консерваторы из Политбюро, ЦК и т. д. Что касается внешней политики, Горбачева стараются представить „реалистом“, т. е. человеком, которому чужд фанатизм и исходящие из него опасности для „мирного сосуществования“.

Верит ли этим слухам большинство политических деятелей Запада? Вряд ли. Они достаточно знают сущность тоталитарной системы и стоящих во главе ее коммунистических чиновников, чтобы поверить в выдвигание ими на высший пост в партийном государстве либерально настроенного человека. Но тем не менее политические лидеры Запада внешне не отрицают этой возможности. Причин этому, вероятно, несколько.

Основная причина: политическая мысль Запада, отвергая идеологическую борьбу, подчиняется тезису, что плохой мир лучше хорошей войны. Играя этим тезисом, можно прийти к выводу, что политика „открытых дверей“ по отношению к советскому руководству неизбежно приведет к внутренним глубоким и благоприятным для Запада переменам в тоталитарной системе (хотя бы потому, мол, что экспортируемые Западом рыночные отношения не могут со временем не изменить несостоятельную коммунистическую систему распределения). Но можно также заключить, что „мирное сосуществование“, являясь войной лишь экономической и идеологической между „капитализмом и коммунизмом“, приведет — в силу растущей отсталости (как экономической, так и идеологической) коммунизма — к крушению тоталитарного режима без необходимости разрешить конфликт между системами очередной мировой войной. Кроме того, мир между державами, в особенности сверхдержавами, возможен, с западной точки зрения, только если поддерживается постоянный диалог. Его отсутствие осознается как преддверие войны. Чем шире диалог, —

вне зависимости от его содержания (он может быть совсем пустым или же важным, но заранее обреченным на безрезультатность), — тем больше шансов сохранить мир, шаткое равновесие; экономическое сотрудничество, также вне зависимости от результатов, считается тоже обязательным.

Стоит ли поэтому удивляться, что каждый новый генсек встречается большинством лидеров Запада с радостью и надеждой; выражение этих чувств дорого политическим деятелям не стоит, а последующее очередное разочарование политически тоже выгодно: оно доказывает добрую волю разочаровавшегося.

Что касается большинства населения СССР, то оно, — не связанное дипломатическими и политическими обязательствами, — о Горбачеве откровенно плохого мнения. Если и произошли в стране перемены, то только в худшую сторону. Борьба с алкоголизмом привела к росту цен на спиртное и к большей трате времени на его покупку. Борьба с коррупцией способствовала росту страха среди чиновников всех секторов и привела не к уменьшению коррупции, а опять же к росту расценки в этой „области“ (пропорционально опасности). Борьба с падением дисциплины привела к снижению заработной платы, поскольку резко сократилась выдача прогрессивок, премий, квартальных и т. д. Все прочее осталось как будто по-прежнему. В сущности Горбачев пока что лишь ударил советского гражданина „по карману“ и снизил этим уровень — и так низкий — его жизни.

Однако же возникшие после смерти Брежнева надежды на проведение в СССР экономических реформ приумножились после назначения Горбачева генсеком и продолжают, как это ни парадоксально, шуметь в народной толще. Вновь взбучились, приутихшие при Черненко, слухи о внедрении у нас „венгерского социализма“, о тщательном изучении „где-то наверху югославского экономического механизма“, об объявлении в скором будущем нового эпа. Шептали даже, что „Михаил Сергеевич затребовал из архивов все данные о стольпинской реформе“ (!).

Мнение, что Горбачев, будучи сравнительно молодым чиновником, не познавшим всей тяжести сталинских времен, способен, окружив себя спецами и единомышленниками, провести реформы — находит довольно широкий отклик. В особенности среди западных специалистов и советской интеллигенции. Многие все яснее познают безумие (потому что сами сравнительно молодые и не познали сталинского террора) тупого вращения тоталитарной машины. Вновь и вновь приводят они яркие, быющие в цель цифры. Начиная обычно с сельского хозяйства, — так как любое государство, чтобы стать высокоразвитым, сначала решает вопрос о количестве выпускаемых страной жизненно необходимых изделий (прежде всего сельскохозяйственных). Затем, чтобы стать конкурентоспособным, переходит к вопросу о наилучшем качестве при наименьшей цене. СССР не решил и первого вопроса.

Эти цифры действительно нужно повторять неустанно, ибо они не хуже, чем свидетельства о жестокости системы, указывают на ее несостоятельность. В СССР 230 млн. гектаров орошаемой сельскохозяйственной площади. В США — 130 млн. В сельском хозяйстве СССР работает 27 млн. человек. В США — 3,5 млн. Суммарная мощность тракторов в СССР — 220 млн. лошадиных сил, в США — 275 млн. (не намного больше). зерноуборочных комбайнов в СССР 800 000, в США — 670 000. Кроме того, ныне СССР обогнал США по производству минеральных удобрений.

Результат же: советское сельское хозяйство постоянно страдает недопроизводством, а США вновь столкнулись со сложнейшей проблемой перепроизводства. Например, США экспортируют до 35% своей кукурузы и до 70% пшеницы. Чтобы не допустить резкого снижения цен (поскольку предложение резко превышает спрос) и, следовательно, не допустить массового разорения фермеров, правительство США вынуждено искусственно обеспечивать фермерам стабильные цены, т. е. скупать продукцию по заранее установленным завышенным ценам; взамен фермеры обязуются сокращать производство. Эти субсидии доходят до 17 млрд. долл. в год. В СССР, наоборот, государство принуждает колхозы сдавать продукцию по чрезвычайно заниженным ценам и призывает к ее увеличению. При этом советское государство вынуждено ежегодно закупать в тех же США, Аргентине и других странах до

50 млн. т зерновых. И, несмотря на все, советское население живет под постоянной угрозой голода, в некоторых областях — голода.

Сельскохозяйственная продукция всегда выставляется на экономическую авансцену не только потому, что от нее зависит жизнь, полуголодное существование или гибель части населения, но и потому, что она — яркий показатель качественного роста экономики государства в целом. Хромающая на обе ноги промышленность может еще выпускать слабокачественную продукцию: даже бракованным молотком можно с грехом пополам забить гвоздь, плохого качества танк, прежде, чем стать на ремонт, все же постреляет. Хромающее же сельское хозяйство означает ежегодную гибель части ожидаемого урожая с последующей гибелью части собранного уже урожая.

Можно, следовательно, заключить, что создавать передовую технологию может только та страна, которая уже давно выращивает высококачественную рожь, пшеницу (или рис) в большем количестве, чем это нужно населению.

Не могут ли эти — давно известные — факты побудить Горбачева провести реформы, в том числе в сельском хозяйстве? Заставить советское руководство пойти, например, по венгерскому, югославскому или по новому китайскому пути?

Вряд ли. Чиновник вообще по своей натуре убежденный консерватор. В странах с демократическим строем правления чиновник вынужден подчиняться общим директивам того или иного правительства, образованного в результате победы той или иной партии или коалиции. Демократия заставляет чиновника быть, — пусть иногда и мугушественным, — но все же слугою общества. Кроме того, чиновник в демократических странах свободен оставить государственную службу и уйти в частный сектор, и эта свобода выбора может благоприятно смягчить присущий ему консерватизм. Авторитарный режим (классические диктатуры) дает чиновнику гораздо больше власти, чем демократический, — но ее все же ограничивает. Во всех авторитарных странах существует более или менее мощный независимый экономический сектор, с которым нужно считаться, в который можно уйти; кроме того, в авторитарных странах власть часто меняет свой профиль, но путем чаще всего не выборов, а переворотов, в основном военных, так что

и в странах с авторитарным режимом правления чиновничье сословие не может стать в полной мере властью имущим классом.

И только коммунистический строй дает чиновничеству возможность не служить государству, а — стать государством, получить практически неограниченную власть. А также стать хранителем догмы, оправдывающей существование этой тотальной власти. Можно прийти к выводу: коммунистическая власть отличается от любой другой прежде всего тем, что она является самой неограниченной властью в мире, поскольку она, единственная, не зависит от каких бы то ни было сил, существующих в гражданском обществе.

Не так трудно пронаблюдать, как в истории разных стран, в том числе в дореволюционной России, происходила одновременно ускоренная эволюция роста гражданских свобод и эволюция независимости производственных сил (от крестьян до промышленников) от государства. А также, как эти процессы неизбежно вели к той или иной форме несвободы государства по отношению к гражданскому обществу.

Поэтому может показаться совершенно непонятным, почему тоталитарная власть, будь во главе ее аппарата Сталин, Хрущев, Брежнев или Горбачев, добровольно жертвует этой своей независимостью, даже частью ее. Именно отсутствие частной собственности на средства производства делает любую диктатуру тоталитарной и гарантирует ей рождение так называемых имущих классов-соперников. Именно тотальность власти позволяет коммунистическому режиму сосредоточивать на нужных ему секторах столько народных сил, сколько он считает необходимым (разумеется, в ущерб второстепенным для него отраслям хозяйства страны). Основными же секторами, необходимыми для сохранения всей полноты своей свободы и для проведения как внутренней, так и иностранной политики, власть считает партийное чиновничество, репрессивные органы и армию. На обеспечение и развитие этих секторов даются почти неограниченные средства, другим — что остается. Результат: народ, который потенциально обладает возможностью стать одним из самых богатых в мире, беден и несвободен; сам СССР, оставаясь экономически слаборазвитой страной, продолжает пока быть военной сверхдержавой.

В течение уже многих десятилетий СССР ведет войну против демократического мира, считая его опаснейшим, — уже в силу самого существования, — идеологическим, политическим, экономическим и военным врагом. Свое право на существование в прошлом, настоящем и будущем коммунистическая власть в СССР понимала, понимает и будет понимать только как перманентную борьбу за сохранение полноты своей свободы (власти) внутри страны и за максимальное ослабление (с последующим уничтожением) демократической системы за ее пределами.

Все же было бы, с моей точки зрения, ослеплением видеть в советском номенклатурщике человека, заботящегося исключительно о своих привилегиях и проводящего все свое время в интригах, обеспечивающих ему продвижение по службе. Будучи монопольным хозяином и руководителем страны, чиновничий аппарат делает все возможное, чтобы страна-хозяйство стала рентабельной. Естественное для любого хозяйственника стремление „собрать хороший урожай” не может полностью покинуть ни самого как будто равнодушного председателя колхоза или директора совхоза, ни самого товарища Горбачева. Не покидает полный цинизма правящий слой и мечта об „обеспечении превосходства мировой системы социализма над мировой системой капитализма в материальном производстве — решающей сфере человеческой деятельности”. Он знает и чувствует, что в осуществлении этой мечты — историческое спасение тоталитаризма, его самого. Тут цинизм, холодный расчет только греют мечту о спасении. Власть хочет спастись, но не хочет платить за спасение частью своей свободы...

Много было проведено в СССР различных экономических реформ, и все они провалились, так как подчинялись прежде всего одной основной директиве: они ни в коем случае не должны были выходить из рамок централизованной распределительной системы управления. Нужно было — и нужно теперь — найти, изобрести рентабельные экономические механизмы, но при этом не было и не может быть речи о настоящем возрождении даже мелкой частной собственности, не говоря уже о средней и крупной.

Намечающиеся при Горбачеве реформы явно (по всему сказанному, напечатанному, заявленному) будут придерживаться старого принципа. Так что о настоящих реформах как будто и речи быть не может; создается

впечатление, что тоталитарная система просто физиологически не способна их превести.

Тем не менее советская история знает случаи проведения настоящих экономических и политических реформ. Это нэп, это десталинизация. Анализируя эти два феномена можно прийти к выводу, что толкнуть коммунистическую власть в СССР на проведение ослабляющих ее реформ может только Страх. Тот особый Страх, который оказывается сильнее Страха перед последствиями этих реформ.

После победы в гражданской войне большевики оказались в отчаянном положении: гражданское общество России, расколовшееся во время войны на красных, белых, нейтральных и т. д., стремилось единодушно восстановить свое былое благополучие. Экономическое же положение при военном коммунизме было таким, что молодое тоталитарное государство могло вызвать к себе только ненависть и вместе с тем было слишком слабым, слишком еще малочисленным и недостаточно организованным, чтобы раздавить объединенное одной целью гражданское общество. Коммунизму грозила скорая гибель. И страх перед нею, курносой, преодолел страх перед обществом. Характерны слова Ленина в защиту нэпа: „Мы являемся уже трупом, который некому похоронить“.

Десталинизация же была ответом многомиллионной номенклатуры на сталинский террор, косивший не только все условия общества, но и ее саму на всех ступенях ее пирамиды. В течение всего сталинского лихолетья представители „нового класса“ дрожали с наступлением вечера за жизни, свои и своих родных. Десталинизацию можно расшифровать как вопль этих миллионов: пусть меньше власти, но — больше безопасности! Ради нее и только ради нее отказались коммунистические чиновники от полной власти, обеспеченной им всеобщим террором и перешли к „социалистической законности“, т. е. к террору ограниченному, выборочному, и согласились принять принцип, согласно которому должен наказываться только человек действительно виновный, конечно, виновный с точки зрения тоталитарного государства.

Такое самоослабление власти неизбежно вызвало реакцию гражданского общества: появились диссиденты, стала возрождаться оппозиция, сначала культурная, затем социальная, сегодня — политическая. И исче-

зает у подрастающего поколения тот необходимый неограниченной власти ужас перед ней.

В том и другом историческом случае Страх перед гибелью оказался сильнее Страха перед народом.

Что же в настоящее время может его вызвать у коммунистического государства? Что, чего не было еще 10—15 лет назад? Во всяком случае — не очередной неурожай.

Может быть, растущее технологическое отставание СССР?

Оно появилось не вчера. СССР всегда технологически отставал от Запада, в том числе в большинстве военных областей — несмотря на то, что советское руководство представляет военным изысканиям и военной промышленности абсолютный приоритет и неограниченные кредиты. Дело, как известно, не в плохом качестве советских ученых, а в несостоятельности коммунистической системы распределения. Даже поверхностный анализ всех без исключения конфликтов, имеющих место на планете после окончания Второй мировой войны, в ходе которых использовались различные системы вооружений советского и западного производства, показали и доказали подавляющее превосходство западного вооружения над советским, вне зависимости от победы или поражения просоветской стороны в том или ином конфликте. Война во Вьетнаме была проиграна Южным Вьетнамом и США политически, но в военном отношении американское вооружение было несравненно качественнее советского. От войны в Корее до вторжения израильской армии в Ливан и разгрома ею сирийских войск — западное вооружение всех без исключения родов войск оказывалось намного лучше советского.

Но зря советское руководство с 30-х годов стремится заполучить западную техническую информацию, приборы и оборудование, а в течение последних двух десятилетий — после начавшейся на Западе технологической революции и постепенного перехода высокоразвитых стран от промышленного общества к научному — превратило промышленно-военный шпионаж в своеобразное государство в государстве.

Кроме КГБ и ГРУ, шпионажем занимается ВИМИ (Всесоюзный институт межведомственной информации), ГТУ (Главное техническое управление), АТУ (Административно-техническое управление), ГКНТ (Госу-

дарственный комитет науки и техники), СТС (Специальная техническая служба). ГТУ и СТС — специализированные филиалы КГБ. Но есть еще ВПК (Военно-промышленная комиссия Президиума совета министров СССР). Во главе ВПК стоит первый заместитель председателя Совета министров. В ВПК представлены 12 министерств, 9 из которых непосредственно работают на военно-промышленный комплекс, а 3 (химическое, электронное и нефтехимическое) — принадлежат к разряду так называемых гражданских министерств. Все они обязаны деятельно заниматься шпионажем.

Возможно, с точки зрения советского руководства, эта огромная шпионская сеть по краже и нелегальной покупке западной технологии и оправдывает себя, она способна в лучшем случае дать возможность советскому военно-промышленному комплексу выиграть 3—4 года, отставание же доходит в некоторых случаях до 15—20 лет. Представители американской администрации выразили свое опасение перед расширением советского шпионажа следующим образом: „Если США допустят, чтобы такое положение продолжалось и в будущем, то Америке придется модернизировать вооружения до того, как они устаревают”. То есть придется его списывать раньше, чем предполагалось, только и всего.

В США, кстати, многие на это надеются, поскольку в демократических странах технические открытия, сделанные в военной промышленности, тут же используются при производстве изделий широкого потребления. И не только используются, но постоянно совершенствуются, так что, например, интегральные системы, которые еще существуют в США для управления некоторыми типами ракет, уже не столь совершенны, как интегральные системы свободно продающихся (для личного пользования) компьютеров — даже в США бюрократическая система действует медленнее динамичного частного сектора.

Однако растущее технологическое отставание не считалось ранее советским руководством катастрофическим — ядерная угроза взаимного уничтожения позволяла ему продолжать во всем мире подрывную работу по дестабилизации Запада. И довольно успешно, поскольку за последние 10 лет 103 млн. человек оказались во власти просоветских тоталитарных или идущих к тоталитаризму режимов в таких странах, как

Южный Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мозамбик, Ангола, Эфиопия, Никарагуа, Южный Йемен, Афганистан. Удары коммунизма по наиболее слабым звеньям „капиталистического” мира, т. е. по так называемым развивающимся странам, продолжают, как и взаимосвязанное с ними стремление советского руководства отрезать высокоразвитые страны от сырьевых баз и усилить в них такие кризисные социологическо-экономические феномены, как безработица, рост цен и т. д. За эти годы СССР потерял только Сомали и Гренаду. Освобождение этого маленького острова, в котором проживает 100 тысяч человек, казалось, не имеет большого значения, однако в Политбюро вряд ли отнеслись к этому событию легкомысленно. Освобождение этого острова от коммунизма может быть воспринято как символ, как начало нового процесса в мире — перехода демократии от защиты к контрастпуллингу.

*

Этот символ прямо связан с созданием в США противоракетного (программа СОИ) и противоспутникового (программа АСАТ) оружия. Разработка и усовершенствование этого оружия, которое уже в настоящее время неизмеримо совершеннее советского, сможет в довольно скором будущем обеспечить США и их союзникам безопасность (пусть и не абсолютную) по отношению к советскому ядерному вооружению стратегического и даже тактического значения. А это будет для советского руководства катастрофой, поскольку свою роль сверхдержавы СССР может вести только имея возможность угрожать миру ядерным (пусть „взаимным”) уничтожением. А достижение Соединенными Штатами полной или почти полной безопасности будет, по логике вещей, означать полную или почти полную небезопасность для СССР.

Один пример. США обладают противоспутниковым оружием приблизительно с 1962—63 года, СССР — с 1968 года. В настоящее время советская противоспутниковая ракета весит около 2 тонн и вместе со своей ракетой-носителем, работающей на жидком топливе, имеет в длину около 50 метров. Для того, чтобы сбить вражеский спутник советским ракетчикам приходится ждать до 24 часов. После запуска ракета не устремляется прямо к цели, а сперва выходит на орбиту и настигает спутник только через один-два витка. Достигнув квадрата, в котором на-

ходится цель, боеголовка взрывается и уничтожает ее осколками. Только один перехват может занять до 3 часов. Кроме того, советские противоспутниковые ракеты способны уничтожать лишь цели на высоте нескольких сотен километров от Земли. Орбита же, например, спутников связи, проходит на высоте тысяч километров.

Американская противоспутниковая ракета не превышает 6-и метров и представляет собой двухступенчатую ракету, использующую твердое топливо. Ее цилиндрическая боеголовка меньше 30 сантиметров. Ракета запускается с истребителя Ф-15 и идет прямо к цели. Отделившись от ракеты-носителя, она самонаводится на цель при помощи расположенных в носовой части 8-и миниатюрных телескопов. Поступающая от них информация обрабатывается компьютером, который управляет 56-ю маленькими двигателями. Настигнув вражеский спутник, боеголовка не взрывается, а поражает его. С того момента, как истребитель покидает ангар до уничтожения цели проходит не больше часа. Американская ракета обладает скоростью до 800 километров в минуту, советская — до 20 километров в минуту. Кроме того, американская ракета поражает цель практически на любой высоте.

Подобная же картина открывается при сравнительном изучении противоракетного оружия и многих других видов вооружения. Положение советского руководства отчаянное, поскольку Запад, во главе с США, „вылечившись” от ядерной угрозы, перестанет считать СССР сверхдержавой и станет относиться к нему, как к огромной слаборазвитой державе, которую почти еще не коснулась научно-технологическая революция.

Количественный перевес Варшавского договора играет все меньшую роль в коммунистической „пьесе”, последним актом которой должна быть финляндизация Европы и изоляция США в мире. Ему все сильнее противостоит качественный перевес НАТО. Тот факт, что большинство военных специалистов Запада намеренно преувеличивает качество советского вооружения, играет на руку советскому руководству в проводимой им военно-психологической войне против Запада („лучше быть красным, чем мертвым”). Но зато военные специалисты добиваются этим постоянного усиления мощи и качества вооружения Запада („правительства и парламента, выделите больше средств

на оборону, вы же видите, что СССР может нас обогнать!”). В результате — частично дезинформировано западное общественное мнение и полностью почти — советское население. Но — не советское руководство. Оно знает истинное положение дел и понимает, что, с одной стороны, не может отказаться от своей роли сверхдержавы, без которой оно выкидывается в мусор истории, с другой, не может без радикальных экономических перемен в стране создать жизненно необходимый качественный военный потенциал.

Весь вопрос, как и всегда в советской истории: какой из Страхов власти сильнее — Страх перед Западом или Страх перед советским народом. Вероятнее всего — перед Западом. Экономически полусвободенное новым нэпом гражданское общество можно продолжать контролировать, — усилив политические репрессии, введя усиленный политический террор. Тем более, что оно будет — во всяком случае в первое время — занято не борьбой против коммунистической власти, а собственным обогащением. Кроме того, отказ от реформ грозит также военным переворотом: профессиональное недовольство (только последний разгром советского вооружения в Ливане чего стоит!) военных высших кругов, да и не только высших, не может не переставать расти, раз не перестает увеличиваться качественное отставание вооружения армии, следовательно, угроза гибели СССР — для одних, Российской империи — для других.

Назначение Горбачева важно только в том случае, если он и назначенные им чиновники лучше старого руководства видят и понимают растущую для их власти угрозу и если они способны на решительные шаги. Ради собственного спасения, естественно.

РЕДЛИХ Роман

Советское общество

1972, карм. форм., 240 с.

18 нм

Социологический анализ советского общества. Превращение сталинской знати в господствующий класс. Проблема его устойчивости и тенденций разложения.

ФЕДОСЕЕВ Анатолий

Западн. Человек и социализм

1979, 2-е изд., карм. форм., 376 с.

24 нм

Не мучите людей, а система социализма овладевает человека в западном, — вывод автора из опыта своей жизни. Описанию жизни автора следует логически разбор экономической и политической сущности социализма и его последствий.

Горбачев и Чебриков: «кто кого?»

А. АВТОРХАНОВ

Партия, названная „ведущей и направляющей силой” советского государства, на самом деле никого не ведет и не направляет. Наоборот, ее ведет, ее направляет, ею манипулирует отборная каста профессиональной партолигархии. Эта олигархия сильна не опорой на такую мнимую величину, как партия, а опорой на реальный фундамент режима — на чекистскую террористическую машину. В безмятежное время судьбами страны вершит верхний этаж — партолигархия, но если на партийном небосклоне показались грозовые тучи, то верховная власть тотчас же перемещается к фундаменту режима.

Яркой иллюстрацией этого положения явился чекистский переворот Андропова после смерти Брежнева в ноябре 1982 г. Насквозь коррупционная, гнивающая, не только физически, но и умственно дряхлая партолигархия Брежнева завела социально-экономическую систему в тупик, из которого ее решила вывести организация, оставшаяся еще в силе, — КГБ. Бывший шеф КГБ пришел к выводу, что нет иного пути к выздоровлению системы, как провести радикальную чистку партийного и государственного аппарата от всей старой партийно-государственной олигархии. Он старался провести эту чистку безболезненно, бесшумно, никого не наказывая, даже объявлял жертвами чистки „благодарность от имени Политбюро” „в связи с переходом на пенсию”. Однако Андропова ожидало разочарование — никто не хотел „бесшумно” уходить, каждый упорно цеплялся за свое кресло, с которым было связано столько почета и привилегий. Как только Андропов умер, последовал и реванш партолигархии: она сумела посадить на трон генсека своего давнишнего кронпринца — Черненко.

Но КГБ не сдался, а перестроил свою тактику, идя на компромисс: принять Черненко, если „вторым генсеком” будет выдвигенец Андропова — Горбачев. Ничего не было легче для КГБ, как подготовить второй заговор против старой олигархии при смертельно больном Черненко. Еще не остыл, в буквальном смысле этого слова, труп Чер-

ненко, как через четыре часа после его смерти Горбачев был объявлен генсеком — от имени пленума ЦК, который даже физически не мог собраться в полном составе в такой короткий срок.

И вот сегодня, при полном молчании партии, при несомненном злорадстве народа, без каких-либо решений от имени партии — членов этого пленума ведут на политическую бойню. Ведут не группами, как это делал Сталин, объявляя их „врагами народа”, а каждого отдельно и бесшумно, как пенсионеров, но без „благодарности от имени Политбюро”. Да, происходит тотальная чистка партийных олигархов брежневского режима, но чистка бескровная. Ближайшая цель ее такая же, какая была и у Сталина в тридцатых годах — создать новую олигархию и новый ЦК.

В результате своей чистки Сталин установил единоличную диктатуру, чего я не ожидаю от Горбачева. Не ожидаю по очень существенной причине: НКВД чистил партию по заданию генсека Сталина, генсек Горбачев чистит партолигархию по заданию КГБ.

Вот тут мы и подошли к центральной проблеме, о которой говорят и пишут на Западе: станет ли новое руководство Кремля на путь социально-экономических реформ? По моему убеждению ключ к этой проблеме тоже находится в руках КГБ, куда переместился „мозговой трест” страны. Воспользуется ли КГБ этим ключом? Когда все находится в движении, как сейчас в СССР, а социально-экономический кризис переплелся с кризисом политического руководства, однозначный ответ на этот вопрос в любом аспекте — положительном или отрицательном — был бы неосторожным.

К тому же, чтобы не ошибиться в своем ответе, надо считаться и с тем, что не все исходные данные нам известны. Если, скажем, сейчас в стране происходит не кризис системы, а кризис неумелого руководства ею, то такой кризис может быть ликвидирован на путях административно-бюрократических перестроек, чем сейчас и заняты в Кремле. Но если кризис носит системно-

структурный характер, то режим в интересах собственного спасения вынужден будет приступить к строго дозированным новшествам с тем, чтобы джин не вырвался из бутылки.

Сколько бы вы ни копались в истории социализма-экономических преобразований, предпринятых советским правительством, вы никогда не найдете исключения из следующего правила — в фокусе всех советских мероприятий находились не интересы народа, а интересы укрепления и совершенствования диктатуры над народом.

Не найдите вы исключения и из второго правила — все значительные уступки народу были не добровольными, а вынужденными, под явным или скрытым его давлением. Причем власть их всегда рассматривала как „паузу”, „передышку” на путях к новому наступлению коммунизма. Самый яркий пример на этот счет — ленинский нпз. Он был результатом не только Кронштадтского и Тамбовского восстаний, но и повсеместного недовольства режимом „военного коммунизма” в стране. „Головокружение от успехов” Сталина в марте 1930 года тоже было временной капитуляцией режима под угрозой расширения антиколхозных восстаний на всю страну. Даже роспуск концлагерей последовал не сразу после смерти Сталина, а только через два-три года — в результате начавшихся восстаний в этих лагерях, о чем теперь знает весь мир из „Архипелага ГУЛаг” А. Солженицына.

Само разоблачение преступлений Сталина и его чекистов тоже не было актом великодушия и справедливости Хрущева и его олигархии, а результатом всеобщего, но негласного давления народа, особенно интеллигенции. Даже намеченная реабилитация Сталина Брежневым на XXIII съезде партии, через два года после свержения Хрущева, была предотвращена настойчивым давлением выдающихся советских ученых и представителей творческой элиты.

Четверть миллиона евреев была выпущена из страны под мощным и массовым давлением еврейского национального движения, которое явно грозило стать межнациональным движением, если не отпустить из страны его наиболее активную часть.

Однако давление и сопротивление народа против невыносимой жизни не всегда носили активную форму. Хотя рабы Рима и крепостные в России и восставали, но их постоянным оружием сопротивления была нерасторопность. Это

ведь азбучная истина даже марксовой политэкономии, что принудительный труд нерентабелен. В Советском Союзе любой труд, — кроме труда шабашников и труда на приусадебных участках, — принудителен, и разница между разными видами казенного труда только в степени его принудительности. Как рабы к рабовладельцам, как крепостные к помещикам, так и советские граждане прикреплены к одному монополисту-работодателю — к партийному государству, которое платит труженнику не реальную стоимость его рабочей силы, а столько, сколько оно само устанавливает от себя, исходя из необходимого жизненного минимума для рядового человека. Так установился уже традиционный от поколения к поколению чисто сталинский материальный стандарт жизни основной массы труженников, характер которого может быть выражен в поговорке: „Не до жиру — быть бы живу”.

Но вот Сталина давно нет, после него выросло уже новое трудовое поколение, а „железный занавес”, став явно дырявым, дает возможность советским людям сравнивать свой стандарт жизни со стандартом жизни труженников на Западе. Мне кажется, что из этого сравнения вырос тот вездесущий феномен, о который, как рыба об лед, бьются советские лидеры — имя этому феномену: стихийный, но всеобщий саботаж труда. Работа рассматривается как трудовая повинность, которую надо отбывать. Трудясь не в полную силу — если речь идет о производстве. Отсиживая положенные часы, по возможности ничего не делая, — если речь идет об учреждениях.

Советский человек хорошо знает, что у него нет никаких шансов стать богатым или состоятельным при существующей системе оплаты его работы. Но он знает также, что его жизненный минимум ему всегда гарантирован. В этом смысле он не столько труженник, сколько иждивенец государства, которое само обязалось обеспечить ему этот минимум, не признавая безработицы.

Но создалась парадоксальная ситуация: советский труженник хочет выйти из государственного иждивения и стать самостоятельным работником, продающим свой труд на свободном рынке, как это делается во всех странах, кроме коммунистических. Советское государство не хочет идти на это, ибо если люди станут независимы от государства, то само государство станет зависимым

от людей. Отсюда и конфликт, который по-марксистски выражается формулой: „противоречия между производительными силами и производственными отношениями“.

Могут ли эти противоречия привести к краху? Маркс утверждал, что да, могут. Советские лидеры себя успокаивают тем, что у них противоречия якобы не антагонистические и поэтому парой постановлений Политбюро они могут привести „производственные отношения“ в соответствие с „производительными силами“. Впервые об этом заговорил Андропов. Но речь ведь идет не о мнимых законах марксизма, а о вещах совершенно прозаических — еще в последний год правления Брежнева, по официальному признанию, темпы роста продукции спустились ниже трех процентов, а производительность за двадцать лет упала в три раза.

Вот характеристика экономики страны, которую дал новый генсек ровно через три месяца после своего прихода к власти:

„... нельзя не видеть, что с начала 70-х годов стали ощущаться определенные трудности в экономическом развитии. Главная причина в том, что мы своевременно не проявили настойчивости в перестройке структурной политики, форм и методов управления, самой психологии хозяйственной деятельности... Наша экономика во многом остается расточительной... Это относится, например, к аграрно-промышленному комплексу, где уровень капитальных вложений достиг оптимальных размеров, а отдачи от них пока недостаточна... Даже продукция, отнесенная к высшей категории, по своим параметрам иногда не выдерживает сравнения с лучшими мировыми образцами... Отсюда... главная установка... — осуществить всеми мерами перелом в умах и настроениях кадров сверху донизу... Нельзя медлить, нельзя выжидать, ибо времени на раскачку не осталось, оно исчерпано прошлым“ („Правда“, 12. 6. 1985).

Если генсек бьет такую тревогу во всеулышание, то легко себе представить всю плачевность состояния экономической системы в целом.

Однако на правильно поставленный диагноз болезни системы у нового генсека, как и у его предшественников, тот же самый паллиативный рецепт — „совершенствование экономического механизма“, которое выражается в бесконечных перестройках и реорганизациях органов управления. Этим занимался еще Хрущев, в течение 18 лет практиковал это „совершенствование“ Брежнев — и все без толку. Почему? Потому что проблема неэффективности советской эконо-

мической системы лежит не в бюрократическо-административной, а в социально-политической сфере. Нужны социально-экономические реформы, которые одинаково заинтересуют и руководителей предприятий и тружеников на них в результативности своего труда.

Между тем за десять месяцев своего генсекства Горбачев наговорил уже около двух томов речей (первый том уже вышел) и ни разу не употребил слова „реформа“, подчеркивая в то же время преемственность своей политики с предшествующими генсеками. Правда, надо считаться с тем, что пока он имел дело с брежневским ЦК, он иначе и не мог поступать, если даже думает о реформах. Он многократно употребляет другую терминологию: в стране надо совершать „крутой поворот“. А это нельзя понять иначе, как крутое изменение прежнего экономического курса.

И именно так поставил вопрос верховный шеф КГБ в своей чрезвычайно важной и многозначительной речи к 68 годовщине Октября. Только суверенный политик со свободой действия мог произнести такую речь. Во всяком случае из этой одной речи генерала Чебрикова мы узнаем больше, чем из всех речей Горбачева о мотивах и возможном направлении советской экономической стратегии на ближайшее время.

Фальсифицировать Ленина или манипулировать его цитатами, чтобы обосновать очередной зигзаг в политике — это идеологическая традиция партии с ранних сталинских времен. Однако ссылка Чебрикова на Ленина, причем без фальсификации, сделанная как раз в нынешних условиях советского кризиса, имеет, на мой взгляд, определенное символическое значение. Вот эта ссылка:

„Наша партия, как об этом говорил В. И. Ленин, научилась „необходимому в революции искусству — гибкости, умению быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным“ („Правда“, 7. 11. 1985).

Чебриков уточняет, к чему он привел эту цитату:

„Все мы ощущали на протяжении определенного времени, что... в стране накалывались проблемы, а задержки с их решением влекли за собой экономические и социальные трудности. Затормозились

рост производительности труда и общие темпы развития производства" (Там же).

Почему так получилось? Ответ Чебрикова явился откровением для одних и антимарксистской ересью для других. Вот этот ответ:

„Некоторая часть кадров утратила вкус к современному осуществлению диктуемых жизнью реформ и нововведений" (Там же; выделено нами. — А. А.).

В чем политический смысл этого заявления? Как это могло случиться, что инициатором „реформ и нововведений" выступает не партия, а политическая полиция? Как мог осмелиться шеф политической полиции публично объявлять выговор руководящим партийным кадрам, составляющим абсолютное большинство нынешнего состава пленума ЦК КПСС?

Ответ надо искать в ненормальном положении, которое сложилось на высшем уровне власти со времени дворцового переворота Андропова: в Кремле образовалось „двоевластие" — юридическая власть партии и фактическая власть политической полиции. Соответственно на авансцену выдвинулись и две политические фигуры: властитель де-юре генсек Горбачев, властитель де-факто шеф КГБ генерал Чебриков. Поэтому о „реформах" тоже говорит не генсек, а шеф КГБ, понимая под „реформами" и „нововведениями" лишь жалкие заплатки на рубище „полицейского социализма", чтобы этим самым предупредить подлинные реформы, давно созревшие в народном сознании и повелительные диктуемые новым временем.

„Двоевластие" — явление временное. Горбачев не только выдающийся представитель нового партийного поколения, но и партаппаратчик с очевидной всем амбицией стать единоличным вождем, а Чебриков, хотя и представитель старого поколения, но и старый чекистский волк с богатейшим опытом мастера закулисных дел. Уже этим запрограммировано между ними будущее столкновение. В этом столкновении Горбачев имеет шансы на победу при одном только условии — если он вернет армию в членский состав Политбюро.

Хрущев поставил „органы" под контроль партаппарата, когда он, опираясь на армию, ликвидировал Берия и его полицейскую клику. Горбачев, вероятно, сам понимает, что амбиции армии чисто профессиональные

и в этом она не конкурент партии. А вот интересы политической полиции всегда были и остаются именно политическими. Ликвидация Берия ведь тоже мотивировалась тем, что он хотел поставить „органы" над партией и правительством.

То, что не удалось Берия, удалось Андропову: он поставил КГБ над партией, умело используя армию. А вот Чебриков оказался еще умнее — он спровоцировал Горбачева против армии, чтобы, нейтрализовав влияние армии, обеспечить в Кремле доминирующую роль КГБ. Блестящая иллюстрация сказанного: сразу три генерала КГБ назначены членами Политбюро, — а министр обороны СССР числится лишь в его кандидатах.

Тот здесь в политику вступает психологический фактор, с которым должен считаться любой новый лидер, рассчитывающий на успех. КГБ и Советская армия — две силы, которые вызывают в сознании народа антиподные ассоциации: с КГБ связана беспрецедентная во всей истории человечества инквизиция Сталина, Ежова, Берия, а с Советской армией — неумирающая слава спасителя земли родной от чужеземного гитлеровского нашествия. Если Горбачев и всерьез хочет стать генсеком де-факто и вывести страну из социально-экономического кризиса, то он должен поставить КГБ под контроль партии, а армии предоставить в высшем руководстве подобающее место, как противовесу ненавистным ей кагебистам.

В противном случае не исключена опасность, что армия займет это место сама. Внешнеполитически это, пожалуй, было бы проигрышем, но внутриаполитически — немалым выигрышем.

«ВАХТА»

Газета для моряков торгового и рыболовного флота, портовых рабочих и служащих морских профессий

„ВАХТА" предназначена для распространения среди советских моряков в западных портах. Издатель газеты — Комитет трудовой солидарности, созданный по инициативе ИТС. В Комитет входят и советские моряки — как попавшие в эмиграцию, так и плавающие под советским флагом. Цель газеты — главным образом добиться улучшения материального и правового положения моряков советского флота.

Адрес редакции „ВАХТЫ":
Postfach 1735, D-6380 Bad Homburg, West Germany.
Для распространения газеты просим заказывать у
А. А. Кандаурова по адресу издательства „Посев".

О двух «редакциях» одной программы

Д. ШТУРМАН, С. ТИКТИН

26 октября 1985 года в центральной советской прессе был опубликован проект программы КПСС. Эта четвертая по счету программа названа „новой редакцией”. Новой редакцией чего? Очевидно, третьей действовавшей до сих пор программы.

Первая программа партии предусматривала завоевание власти — и была осуществлена в 1917 году. Вторая предусматривала построение социализма. В 1936 году Сталин объявил социализм построенным — в форме тоталитарной монопартократии с полностью централизованной экономикой. Всемирное укрепление государства, а не его отмирание, предусмотренное Марксом и Энгельсом, официально объяснялось тем, что этот социализм построен пока что в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении.

Задачу перегнать капиталистические страны в экономическом отношении — по производству основных видов продукции на душу населения — ставили еще Ленин и Сталин, но относили это к далекому будущему. В послевоенные годы эта задача не афишировалась. Фактически основными целями партии стали борьба с мировой демократией и дальнейшее распространение советской системы. Третья программа партии, принятая ее XXII съездом, предусматривала построение материально-технической базы коммунизма в СССР за двадцать лет.

В течение этого периода (1961—1980 гг.) предполагалось, далеко обогнав все развитые страны (включая США) по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, поднять на невиданную высоту жизненный уровень в СССР и в итоге создать „материально-техническую базу коммунизма, обеспечивающую и з о б л и е материальных и культурных благ для всего населения”. Программа четко объявляла целью коммунистического производства „предоставить к а ж д о м у члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, и н д и в и д у а л ь н ы м запросам и вкусам” (разр. авт.). При этом программой предполагалось, что у всех членов общества разовьется внутренняя потребность добро-

вольно и по своим склонностям трудиться для общественного блага.

Все это должно было быть осуществлено в рамках огосударственной экономики и колхозного строя при темпах развития (ежегодного процента, прироста продукции), экстраполированных на будущее из 1950-х гг. Эти темпы, однако, были обусловлены тогда частичным раскрепощением производительных сил в ходе ликвидации эксцессов сталинского правления и могли быть сохранены только в процессе их дальнейшего раскрепощения, то есть все большей н е ф и к т и в н о й децентрализации экономики и допущения частной инициативы (как сегодня в Китае).

На это хрущевское руководство не пошло, а сменившее его брежневское — тем более. Поэтому третья программа КПСС в своей экономической части была обречена на провал с самого начала. Меньше, чем через год после принятия этой программы, голодным новочеркасским рабочим уже „затыкали рты” разрывными пулями, не жалея патронов; а еще через год Советский Союз уже был вынужден ввозить хлеб из-за границы. Темпы экономического развития страны стали неудержимо падать, а с начала 1980-х годов наступил фактический застой, сопровождающийся неофициальным переходом к нормированному распределению продовольственных товаров и все большему их ввозу из-за рубежа. Тем не менее, брежневское руководство не посягнуло открыто на эту программу. Ее стали только постепенно замалчивать.

В конце 1982 — начале 1983 года в ряде русских эмигрантских изданий сообщалось, что два жителя г. Балашова (РСФСР) хранили в герметичном контейнере с 1961 года газету с этой программой и в 1981 году извлекли ее оттуда и зачитали вслух, при некотором стечении народа, отрывки из программы, рисующие обещанное на этот год будущее. В результате они были арестованы и осуждены на несколько лет заключения „за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй”.

Положение, при котором чтение вслух официальной партийной программы стало равноценным издевательству над партией и этой программой, необходимо было как-то исправить. Брежнев и тогдашний главный идеолог партии Сулов на это так и не решились.

После смерти Брежнева и Сулова ЦК КПСС, по-видимому, пришел к выводу, что фантастичность основного партийного документа больше нельзя совмещать со слишком явно деградирующей реальностью и что обладающую такой уличающей силой программу партии следует заменить новой. Об этом заговорили на июньском пленуме ЦК КПСС в 1983 г. ныне покойные Андропов и Черненко. Упомянув об отменяемой отныне программе, Андропов мимоходом заметил, что

„некоторые ее положения — это надо прямо сказать — не в полной мере выдержали проверку временем, так как в них были элементы отрыва от реальности, забегания вперед, неоправданной детализации“.

Эту сдержанную эпитафию подкрепил в своем докладе на том же пленуме тогдашний главный идеолог партии Черненко. Он осудил существовавшее „в определенный период“ (читай — при Хрущеве) „облегченное представление о путях и сроках перехода к коммунизму“. И заключил:

„Торопя, так сказать, н а ш у м е ч т у, иные теоретики, пропагандисты как бы сглаживали неровности пути, по которому мы идем“ (разр. авт.).

То, что было двадцать два года „научной программой“, превратилось, таким образом, в нечто эфемерно расплывчатое — в „нашу мечту“, а „мечту“ кто же вводит в программы и планы?..

Уже судя по материалам июньского пленума, новая программа должна была обладать одним решающим качеством: не содержать никакой вдохновляющей грандиозной, конечной для данного этапа задачи. Это должна быть программа обеднения целей, снижения пафоса во всем, что касается повседневной в н у т р е н н е й деятельности партии и народа. Грандиозность должна быть сохранена лишь во внешних целях.

Данный этап существования СССР определяется в выступлениях Андропова и Черненко как „этап развитого социализма“.

„Программа партии в современных условиях должна быть прежде всего программой планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма, а значит, и дальнейшего продвижения к коммунизму“, — говорит Андропов. Больше о коммунизме он не упоминает, зато, как и Черненко, неоднократно подчеркивает, что этап „совершенствования развитого социализма“ будет „длительным“.

Как на всех совещаниях такого рода, на июньском пленуме было принято постановление, а в этом постановлении прозвучали разительные слова:

„Коллективная мысль ЦК КПСС обогатила научный коммунизм учением о развитом социализме. Партия определила, что советское общество находится В НАЧАЛЕ этого исторически длинного этапа“ (выд. авт.).

Почти через пять лет после окончания предусмотренного третьей Программой КПСС периода „строительства материально-технической базы коммунизма“ и через два с лишним года после июньского, 1983 г., пленума уже горбачевское руководство выдвинуло проект новой, четвертой по счету партийной программы. Не желая открыто признавать полный провал предыдущей программы и освобождая себя от необходимости анализировать его причины, оно назвало свою программу „новой редакцией“ третьей программы.

Эта программа по-прежнему ставит конечной целью построение в СССР коммунизма, определяя его, так же, как и в первоначальной редакции третьей программы, как

„бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе со всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства пользуются полным потоком и осуществится великий принцип „От каждого — по способностям, каждому — по потребностям“. Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа“.

Откуда же и куда „польются источники общественного богатства“? Как известно, „из кувшина может вытечь только то, что было в нем“ (Шота Руставели).

В первоначальной редакции Третья программа предполагала производительные силы, способные создать „изобилие”. В ее „новой редакции” нигде даже нет этого слова — изобилие. Зато вместо „перегнать” в ней, как и в материалах июньского, 1983 г., пленума, ставится задача „достижения высшего мирового уровня (то есть уровня развитых капиталистических стран свободного мира — авт.) производительности общественного труда, качества продукции и эффективности производства”. Не следует ли отсюда признание того, что производительные силы на этом „уровне” способны обеспечить „изобилие материальных и культурных благ”, достаточное для удовлетворения хотя бы „разумных” потребностей? При этом, как утверждает та же „редакция”, „капитализм уже прошел пик своего развития”.

Однако кто же должен будет определять потребности каждого „свободного и сознательного труженика” и степень их „разумности”? Он ли сам, или „общественное самоуправление”, или государственные органы? Неясно. Но ни о каком их удовлетворении по „индивидуальным запросам и вкусам” „новая редакция” третьей партийной программы, в отличие от первоначальной, даже не заикается.

В чем будет заключаться „полное социальное (то есть общественное?) равенство”? Кто и как будет определять „сознательность”, „благо общества” и пр.? В какой системе отсчета и на основании чьих критериев? На все эти и любые другие вопросы, неизбежно возникающие при чтении этой „новой редакции” третьей Программы, ответ один:

„КПСС не ставит целью предвосхитить в деталях черты полного коммунизма. По мере продвижения к нему, накопления опыта коммунистического строительства научные представления о высшей фазе нового общества будут обогащаться и конкретизироваться”.

Но „Любые попытки забегания вперед, как показывает опыт (попытки выполнения третьей программы КПСС в ее первой редакции — авт.)... обречены на неудачу”. И потому вместо строительства материально-технической базы коммунизма в определенные сроки „новая редакция” третьей программы КПСС всего-навсего предлагает „ускорение социально-экономического развития страны”.

Об улучшении народного благосостояния в „новой редакции” программы говорится

очень много, но в общих чертах. И, пожалуй, единственное конкретное обещание — это обеспечить (к 2000-му году!) каждую семью отдельным жильем. Напомним, что прежняя „редакция” третьей программы обещала это вместе с 30–35-часовой рабочей неделей, отменой налогов, бесплатными коммунальными услугами и пр. благами — к 1980-му году.

Есть и нововведения.

Новая программа КПСС утверждает, что между развитым социализмом и коммунизмом „нет резкой грани”. Это положение обеспечивает будущим руководителям возможность в любой подходящий, с их точки зрения, момент объявить текущую советскую ситуацию уже построенным коммунизмом — наподобие того, как Сталин в 1936 году объявил, что в СССР уже построен социализм, несмотря на отсутствие главного (по Марксу и Энгельсу!) признака этого строя — утопического отмирания государства.

В программе говорится, что

„... при наличии соответствующих международных условий социалистическое государство... будет во все большей степени становиться 'переходной формой от государства к негосударству'. Деятельность государственных органов будет приобретать неполитический характер, постепенно отпадёт потребность в государстве как особом политическом институте”.

Что же это за „соответствующие международные условия” и что это за такое „негосударство”?

Можно себе представить, что если Советскому Союзу удастся распространить свое господство и свою экономическую систему на всю планету, то его руководство сможет отказаться от армии, дипломатической службы и пр., сохранив только милицию, внутренние войска и, разумеется, всепланетную госбезопасность, и объявить это „переходной формой от государства к 'негосударству’”, или уже построенным коммунизмом. Деятельность такого „негосударства”, действительно, не будет носить даже видимости современного политического характера. Зачем еще политика в планетарном царстве безысходной „осознанной необходимости”, то есть безвыходного принуждения и произвола, объявленного или имеющего быть объявленным (после всепланетного террора и уничтожения всякой памяти о прошлом?!) новообретенным вселенским раем?

КПСС в дейтноте

Часть первая: Положение в стране и XXVII съезд КПСС

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Коммунизм или солидаризм?

Парадоксально, но факт: два человека, много лет проработавшие в одном кабинете, положили основы двум идеям, противоположным по своей сути: коммунизму и солидаризму. Желая наступления на земле рая — „золотого рая” — граф Анри Сен-Симон долгие годы разрабатывал основы утопического коммунизма и социализма¹. Его секретарь Огюст Конт вынашивал идею о солидарности людей. Он вывел основной закон социократии: „Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель”².

Сейчас, как никогда, обостряется противоположность идей солидаризма и коммунизма. И если идее коммунизма суждено было играть немалую роль в 20 веке, то, с нашей точки зрения, идее солидаризма открывает двери грядущий 21 век.

Почти 70-летняя практика построения социализма, осуществляемая в СССР, показала, прежде всего народам России, что человеческому существу чужд и противоположан „реальный социализм”. Несмотря на это, идея построения коммунистического общества на планете продолжает быть доктриной правящей в СССР коммунистической партии, но и концепцией всей советской политической системы. И творимая ею реальность такова, что грезам сентиментального графа Сен-Симона, увы, не предстоит воплотиться в жизнь: „золотой век” на земле вряд ли когда-либо воцарится.

Если марксизм-ленинизм считает основополагающим элементом гражданского общества экономические интересы людей, а духовные идеалы человечества наряду с культурой, социальными и иными элементами общества — вторичными, то солидаризм напротив полагает, что „человеческие сообщества — не просто механические скопления людей, а органические образования, основанные не только на биологическом родстве или общности экономических интересов, но прежде всего на духовном единстве, общности культуры, идеалов”³.

Происходящий в СССР кризис социализма — это не только крах экономических и социальных основ, это не только результат несостоятельности советской политической системы. Это и кризис духовный, кризис идейный и нравственный. Реальный опыт построения социализма в СССР стал не только объектом исследования советского общества, но и примером *несостоятельности коммунистических идеалов*. История преподавала миру поучительный урок: социалистический способ производства неэффективен, советская социалистическая демократия не обеспечивает народу социально-экономические и политические права, личные права и свободы.

Потерпели крах и выделенные Марксом идеи:

„То, что я сделал нового, — писал он, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов”⁴.

Преодолев догмы марксизма-ленинизма, подойдя к анализу общества и государства с социологических позиций, можно с уверенностью сказать: Маркс ошибся, полагая, что существование классов связано с фазами развития производства. Различия в социальной структуре общества существовали, существуют и будут существовать до тех пор, пока жив человек. И хотя лозунг о стирании классов и построении бесклассового общества остался на знаменах власти и повторялся Горбачевым — на мартовском и на апрельском (1985) пленумах ЦК КПСС, а теперь прозвучал и на XXVII съезде КПСС, отнестись к обещанию построить бесклассовое социалистическое общество следует как к политическому трюку: реальное развитие советского общества показывает, что оно имеет тенденцию к дальнейшему рас-

активного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались...

Ситуация требовала перемен, но в центральных органах, да и на местах стала брать верх своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя. Но так не бывает, товарищи. Как говорят, остановившись на миг — отстанешь на версту. Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии. И давайте скажем об этом в полный голос!"

Переломная ситуация, о которой говорит Горбачев в своем докладе, возникла, в частности, в результате действия факторов общественного развития, не зависящих от политики КПСС. Объективная реальность такова, что перед гражданским обществом в России стоит задача не отстать от „постиндустриального” развития в мире. Концепция „постиндустриального” развития хорошо изложена теоретиками технократической идеологии — Д. Беллом, Т. Вебленом, У. Ростоу и другими. Основываясь на достижениях науки и передовой технологии (особенно связанных с электроникой, микропроцессорами, созданием информационной инфраструктуры), авторы предсказывают грядущий экономический подъем и социальную стабильность в мире. Но, поскольку эта „постиндустриальная” концепция свидетельствует о трансформации капитализма в „новое общество”, она замалчивается в СССР в широкой печати и резко критикуется в специальной социологической литературе⁸.

Затронув вопрос „объективных факторов”, Горбачев обошел молчанием важную проблему — научно-техническую революцию в передовых демократических странах. Но именно это развитие толкает советское руководство на путь преобразований в обществе, так как советские лидеры никак не хотят смириться с мыслью, что Запад обгонит их в военном отношении.

Хочется ли этого КПСС или нет, научно-техническая революция шагает по нашей планете: человеческий гений, и русский в том числе, обогащает человечество все новыми и новыми захватывающими техническими изобретениями. Позавчера это был пароход, вчера — самолет, сегодня — ракета, завтра — полностью автоматизированный завод, управляемый миникомпьютером с мизинец величиной.

Технологическая революция в мире началась с этих микрокомпьютеров. О темпах наступления микроэлектроники могут дать представление следующие данные: с 1978 по 1984 год мировой рынок полупроводников возрос примерно с 3 миллиардов долларов до 13 миллиардов долларов. В 1980 году в мире насчитывалось 13 700 роботов, а в 1982 году — 31 тысяча. Значительно выросло применение станков с числовым программным управлением, особенно на средних и малых предприятиях. Уже в 1980 году их насчитывалось в США — 70 тысяч, в Японии — 50 тысяч, в ФРГ — 25 тысяч, а за последние 5 лет их производство ускорилось.

Особенно бурно растет применение микропроцессоров в сфере нематериального производства и в военной сфере. Число подобных систем в западных странах в 1981 году равнялось 900 тысячам, а в 1985 году превысило 9 миллионов. Другим изобретением, перевернувшим систему информатики, стало фибровое волокно: оно способно передавать информацию по проволочкам толщиной с человеческий волос, что в корне меняет телевизионную и телефонную информацию. Третье направление технологического прогресса связано с бурным развитием биотехнологии. „Зеленая” революция уже привела к тому, что в промышленно развитых странах лишь 5–10% населения занято в сельском хозяйстве...

Советское партийное руководство как-нибудь обошлось бы и без научно-технической революции: закрытые распределители имеются в достаточном количестве, да и НТР при прикicke может помешать партии осуществлять свою диктатуру над советским народом. Имеется, однако, большое „но”: если народ с точки зрения власти и может обойтись без НТР — (ничего, рассуждает номенклатура, поест еще с десяток лет „отдельную колбасу”), — то военно-промышленный комплекс Советского Союза без технологической революции никак не может наращивать свое преимущество над военным потенциалом Запада.

Именно здесь „зарыта собака”: в СССР все идет по сценарию „хвост выгатишь, нос увязнет” и т. д. Чтобы не отстать в наращивании технологических новинок, не уступить в концепции „звездных войн”, надо иметь современное народное хозяйство, обладать мощной экономической базой. Но как это сделать собственными средствами, если не

срабатывает „человеческий фактор” — „его величество рабочий класс” вкупе с трудовым крестьянством и народной интеллигенцией не желают работать на свое социалистическое государство?

Почему народ не желает трудиться? Почему объявил „сидячую забастовку”? Да потому, что, трудясь не трудясь, а прибавочный продукт забирает государство.

Тут мы подошли к еще одному объективному фактору, приведшему советское общество к кризисной ситуации, но о существовании которого Горбачев и Рыжков не упоминали в своих докладах на съезде. Речь идет о новой роли государства при социализме...

*

Основная причина возникновения экономического кризиса в СССР обусловлена ролью государства в условиях социализма, его задачами и функциями. Ликвидация частной собственности на средства производства и передача их в собственность социалистического государства превратили советское государство „в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны” (Ленин). А это означает, что те объективно необходимые функции управления общественным производством, которые в капиталистических странах осуществляются аппаратом фирм, корпораций и компаний, — в социалистической системе должны выполняться аппаратом государственного управления. Но, приняв на себя колоссальный груз дополнительных задач и функций, советский аппарат управления не справлялся и не справляется со своей ношей.

К числу глобальных проблем, которые не удалось разрешить при социализме, следует отнести противоречие между планом и законом стоимости, а также противоречие между централизованным руководством и самостоятельностью хозяйственных экономических единиц. Немаловажно, что советская экономика не в состоянии создать основу для согласования личных и общественных интересов, а эти процессы направлены на углубление социальных противоречий в советском обществе.

В советском обществе нарушен провозглашенный на бумаге принцип равенства: каждый якобы трудится по своим силам и

способностям, а получает по труду. Стремление жить на уровне привилегированных слоев населения и пренебрежения, воздвигаемые на этом пути номенклатурой, не желающей сдавать своих позиций, приводят к раздраженности, озлобленности, социальной апатии населения. Так власть подавляет развитие того общественного организма, на который сама опирается. Так власть разрушает „человеческий фактор”, в котором прежде всего нуждается. А ведь истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной. Это ясный критерий, это критерий — нравственный. Он ставит в центр внимания развитие всего лучшего, что заложено в человеке и измеряет уровень цивилизованности народа именно этой меркой. Эту идею высказал не Маркс, не Ленин, не Горбачев. Ее высказал американец Ральф Эмерсон, а другой американец — Франклин Рузвельт очертил цели общественного развития:

„Наш прогресс проверяется не изобилием у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало”.

А главный признак реального социализма — создание *жизненных благ и привилегий для меньшинства*, стоящего у кормила власти, и равнодушие к обездоленным слоям, к большинству населения, которое живет за пределами черты бедности.

Наша характеристика реального социализма была бы неполной, если бы мы не упомянули существенный признак: вышеописанное социальное неравенство людей в советском обществе неизменно сопровождается идеологической шумихой о том, что „социализм — это общество, на знамени которого начертано 'Все во имя человека, все для блага человека' ”:

„Это общество, в котором: — средства производства — в руках народа, навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, социальным угнетением, властью привилегированного меньшинства, нищеты и неграмотностью миллионов людей...”⁹

Конечно, социальный идеал, декларируемый Эмерсоном и Рузвельтом, не признается Горбачевым: с марксистской точки зрения он ограниченный, поскольку основывается на сохранении частной соб-

ственности. Но эта жизненная модель не сводит дело к получению благ, к погоне за партийными привилегиями, а тем более — к пренебрежению нуждами значительной части общества...

Взвзв на основу нравственный критерий социального идеала, следует сказать: в советском социалистическом государстве человек несчастлив! И дело тут не только в Брежнев или Горбачеве. *Несчастливая жизнь советского человека проистекает из-за несостоятельности советской политической системы.*

*

Вернемся к XXVII съезду, перейдем к причинам кризиса российского общества, названным Горбачевым „субъективными“. Говоря о субъективных причинах социально-экономического кризиса в СССР, Горбачев не заострял внимания на *политических ошибках Брежнева*. Политбюро выработало иную линию: „практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени“. И проявлялись эти негативные процессы в 70-е и начале 80-х годов. Критика „брежневской эры“, таким образом, приняла сглаженный, дипломатический характер. Дошло до того, что „Известия“ (15. 2. 86) использовали старый анекдот про Брежнева (не упомянув его имени): „По-моему, лучше себя обманывать? Опустить в купе занавески, говорить себе, что поезд-де на всех без исключения участках идет по графику, — да?“ Так что, рассказываются анекдоты, критикуется „время“, но истинные виновники не называются. Спросите: почему? Ответим: потому что назвать надо бы не только Брежнева, но и Громыко, Кунаева, Щербицкого, Соломенцева, Воротникова, Алиева... самого Горбачева, и партию коммунистов в целом во главе с ее „ленинским“ ЦК и Политбюро.

Абстрагируясь от „бурных, продолжительных аплодисментов“, от бравадного тона резолюций, решений и хвалебного текста принятой Программы КПСС, следует сказать, что внутренняя обстановка в стране очерчена Горбачевым на съезде в самых мрачных тонах:

„Вместе с тем в 70-е годы в народном хозяйстве стали нарастать трудности, заметно снизились темпы экономического роста. В результате оказались невыполненными задачи по развитию экономики, поставленные Программой КПСС, и даже более низкие задания девятой и десятой пятилеток. Не пол-

ностью удалось осуществить и намеченную на эти годы социальную программу. Допущено отставание материальной базы науки и образования, здравоохранения и культурно-бытового обслуживания населения“. И дальше: „Народное хозяйство, располагающее огромными ресурсами, натолкнулось на их нехватку. Образовался разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием“.

Горбачев свидетельствует, что хотя в последнее время предпринимались усилия, исправить положение не удалось:

„Производство большинства видов продукции промышленности и сельского хозяйства в одиннадцатой пятилетке не достигло рубежей, намеченных XXVI съездом КПСС. Серьезное отставание допущено в машиностроении, нефтяной и угольной промышленности, электронике, черной металлургии и химии, в капитальном строительстве. Не обеспечены задания по основным показателям роста эффективности, повышения жизненного уровня населения“.

Спрашивается: как должно поступить правительство, которое завалило план, не выполнило обещаний, данных народу, не осуществило намеченную социальную программу, снизило жизненный уровень населения, допустило отставание материальной базы науки и образования, здравоохранения и культурно-бытового обслуживания населения? Спрашивается: как должна поступить правящая партия, ввергнувшая свой народ в крах и кризис? Двух мнений быть не может: провалившееся правительство в цивилизованной стране должно незамедлительно уйти в отставку, а правящая партия обязана уступить место партии оппозиционной...

В советском тоталитарном государстве все не так. Если в демократической стране власть рассредоточена среди многих и никто не может быть исключен из участия в политической жизни, то в СССР в политической системе господствует лишь одна партия — КПСС и исключено такое нормальное явление, как легальная оппозиция...

Вместо объявления банкротства всей советской политической системы, Горбачев на съезде призывает аппарат партии извлечь из ситуации „самые серьезные уроки“. Он говорит о трех уроках. Первый — урок правды.

„Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной поли-

тики, мешает нашему движению вперед. Наша сила, — говорил В. И. Ленин, — в заявлении правды'. Именно поэтому в новой редакции Программы партии Центральный Комитет счел необходимым еще раз сказать о негативных процессах, проявившихся в 70-е и начале 80-х годов”.

Второй урок касается целеустремленности и решительности в практических действиях. Перевод народного хозяйства на интенсивный путь требует усилий:

„Но, начав преобразования, нельзя ограничиваться половинчатыми мерами”.

И еще один урок, Горбачев считает его главным:

„Успех любого дела в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы”.

И Горбачев ставит перед номенклатурой общую задачу:

„Сегодня первоочередная задача партии, всего народа — решительно переломить неблагоприятные тенденции в развитии экономики, придать ей должный динамизм, открыть простор инициативе и творчеству масс, подлинно революционным преобразованиям”.

Как посмотреть на эти „уроки”? На первый взгляд, они выглядят резонно. Но если еще Ленин говорил о силе правды, то почему же и сам Ленин, и Сталин, и Хрущев, и Брежнев лгали? Если уж заговорили о „правде”, то не ближе ли к истине слова, сказанные Гете: „Правда сама лечит боль, которую она причиняет”? Такая правда должна была бы привести Горбачева, а вместе с ним и все советское руководство, к мысли о несостоятельности всей партийной власти, о том, что

„прavящий класс — сплетение партаппарата и КГБ, — прикрывающийся миллионами бесправных членов компартии, объединен одной 'идеей': сохранить систему, обеспечивающую ему бесконтрольную власть. Власть не как средство служения народу, а как источник привилегий. Не удивительно, что эта 'идея' порождает коррупцию, взяточничество, разложение. Репрессии против 'зарвавшихся' — даже если их насчитывать тысячами — ничего не изменят”¹⁰.

В силу положения дел внутри страны Горбачев должен был бы со всей правдивостью сказать: ... да, дорогие товарищи, негатив-

ные процессы, проявившиеся в 70-е и начале 80-х годов, будут происходить и далее. Они — следствие ошибки, заложенной в нашей политической системе: нормальное государство подчинено гражданскому обществу и служит ему; у нас же — общество служит нуждам государства.

Ненормальная ситуация приводит к негативным процессам, общественные законы „мстят” за их несоблюдение. И эти „негативные процессы” будут наблюдаться и дальше, до тех пор, пока не будет изменено взаимоотношение общества и государства.

*

О втором уроке. Горбачев призывает перевести наше хозяйство на интенсивный путь развития, призывает действовать „последовательно и энергично, не останавливаясь перед самыми смелыми шагами”. Если развивать эту мысль дальше, то неизбежно подойдешь к решению: стремление решительно поднять жизненный уровень населения, ускорение научно-технического прогресса, перевод экономики на интенсивный путь развития, быстрое продвижение вперед в стратегически важных направлениях, структурная перестройка производства, стимулирование труда и решение основных социальных проблем народа — все это ведет к радикальным социально-экономическим реформам. Это означает на деле: директивное хозяйство неизбежно должно сделать решительный шаг в сторону рыночных отношений. Но чтобы быть успешной, эта экономическая реформа должна быть радикальной:

„она должна будет установить внутренне последовательные, полностью рыночные отношения как потребителей с производителями, так и между самими производителями”¹¹.

Действительно, реформы стране необходимы.

„Народ задыхается в системе 'реального социализма'. Стремление к радикальным реформам — сознательно или бессознательно — господствующая идея в обществе. Эти стремления сталкиваясь с жесточайшей системой, образуют взрывчатую смесь. Это и беспокоит прежде всего новое возглавление КПСС”¹².

Действительно — экономическая реформа радикального характера не может не стра-

шить руководство КПСС, так как она неизбежно приведет к опасному для власти крекну — сперва к пересмотру социальных целей, затем целей политических, и общество задаст вопрос: если хозяйственный механизм дает хорошие экономические результаты и без контроля партии, то зачем тогда нужна власть КПСС?

*

Третий урок. Он, пожалуй, действительно самый главный. Его Горбачев повернул в нужную партию сторону:

„продвижение вперед станет тем быстрее, чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты”.

Но разве о „дисциплине” должна идти речь в серьезном разговоре о сознательном участии всего народа в перестройке общества? Тут партия как раз и показывает свое отношение к гражданскому обществу. Своими призывами „подтянуть гайки”, повысить: „дисциплину”, „организованность”, „ответственность”, она сама себя загоняет в ловушку. Не желая того признается: да, наш народ слуга партии!

Пагубная суть коммунистического тоталитаризма, с его концентрацией политической власти в руках одной правящей партии — подавление того самого общественного организма, на который опирается любая власть: подавление развития граждан-

ского общества, подавление инициативы народа.

И какие бы „красивые слова” ни говорились на XXVII съезде КПСС, „радикальный” тон горбачевских выступлений не ведет к радикальным реформам, к улучшению жизни российского народа. Интересы власти не совпадают с интересами народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сен-Симон. Избранные сочинения, т. 1, М., 1948, с. 167.
2. Социология Конта в изложении Ригголажа. Спб., 1898, с. 47.
3. Программа Народно-Трудового Союза, 1975.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 427.
5. М. Руткевич. О социалистическом бесклассовом обществе. Социологические исследования, № 3, 1985 г., с. 23.
6. Положение в стране и задачи НТС. Резолюция Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов. „Посев”, № 3, 1986.
7. Доклад М. Горбачева на XXVII съезде КПСС. „Известия”, 26. 2. 86.
8. Я. Давидович. Рецензия на книгу Э. Деменченко. Современная технократическая идеология в США. Социологические исследования, 1986, № 1, с. 196.
9. Программа КПСС, новая редакция. „Известия”, 7. 3. 86.
10. Положение в стране и задачи НТС. Резолюция Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов. „Посев”, № 3, 1986.
11. Основы обновления народного хозяйства. „Посев”, № 4, 1982.
12. Положение в стране и задачи НТС. Резолюция Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов. „Посев”, № 3, 1986.

Часть вторая: Истина всегда сильнее

1. В центре внимания — интересы власти

Касаясь основных направлений социальной политики, Горбачев на XXVII съезде повторил то, что партийные лидеры говорят всегда: „В центре внимания нашей партии всегда были вопросы социальной политики, забота о человеке”. Горбачев начисто забыл о „первом уроке”, о необходимости правдивого изложения любой проблемы.

Правда же состоит в том, что в центре внимания партии были и будут интересы власти, интересы самой партии. Сдерживать эти интересы в условиях тоталитарного государства некому: нет народного представительства, нет сил свободного рынка. Это к КПСС относятся слова Г. Спенсера: „Дело не только в том, чтобы совершилась известная

функция, а... в кормлении тех, кто совершает эту функцию; когда функция совсем не нужна или даже вредна, строение все еще сохраняет себя до тех пор, пока может”¹³. Разветвленный партаппарат живет своей жизнью, и забота о его сохранении — главная забота партийного руководства. Партаппарат, партийные функционеры — особый социальный слой, выполняющий определенные функции в государстве и обществе. Он имеет тенденцию к самоизоляции; он формирует партийные органы — от первичной парторганизации до партийного съезда. Органы же заняты защитой привилегий и особых интересов этого слоя, что и превратило его в управляющий класс, интересы которого лежат „в центре внимания нашей партии”.

„Социальная справедливость, — уверяет Горбачев, — призывает все стороны социалистических общественных отношений. Она — в реальном народовластии и равенстве всех граждан перед законом, в фактическом равноправии наций, уважении личности, создании условий для ее всестороннего развития“¹⁴.

А что в жизни? Социально-экономические права — обеспеченность работой, доступность образования, культуры, медицинского обслуживания и жилья, забота о престарелых, материнстве и детстве — жестко ограничены низким уровнем жизни, бюрократическими злоупотреблениями и кастово-политическими привилегиями. В результате право на труд оборачивается экономической зависимостью граждан от государства. Надо сказать, что право на труд, провозглашенное ст. 40 конституции, большинство населения страны имеет в усеченном виде — право на выбор профессии и рода занятий в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой стеснено партийно-директивным законодательством. В СССР существует тайное „инструктивное право“, которое дополняет, толкует и, по существу, отменяет положение формального закона. Эти бесчисленные „инструкции“, „постановления“, „решения“ зачастую не публикуются и остаются секретом для подавляющего большинства населения. „Инструктивное право“ ввело цензы на реализацию права на труд, на занятие определенных должностей. (Место судьи, к примеру, не может занять каждый имеющий высшее юридическое образование. Для этого необходимо сперва попасть в особый „резерв парторганов“.)

Трудно реализовать и другие права. Простым людям нелегко получить доступ в санатории и дома отдыха: профсоюзы, как правило, заботятся о своей элите, обеспеченные граждане покупают путевки по завышенным ценам, а номенклатура заранее расписана по лучшим санаториям. У многих нет средств для занятий физкультурой и туризмом. Таким образом, у большинства граждан отсутствует материальная база для осуществления права на отдых, гарантированного ст. 41 Конституции СССР. А право на охрану здоровья? К квалифицированной медицинской помощи (ст. 42) имеют доступ лишь привилегированные слои населения. Ограничено для большинства и право на жилище (ст. 44): комфортабельные квар-

тиры выделяются из спецфонда лишь семьям управляющего класса. Остальным гражданам жилье распределяется не под общественным, а под административно-партийным контролем. Такая жилищная политика партии приводит к тому, что в первую очередь и лучшие жилища получают те, кто доказал свою преданность режиму, а инакомыслящие обеспечиваются жильем в последнюю очередь.

Усечено для большинства и право на образование (ст. 45): неопубликованная инструкция министра высшего образования (от 17 февраля 1972 г.) определяет категории лиц, которым надо отдавать предпочтение при приеме в вузы.

Провозглашено, но не гарантировано материальной базой и право на пользование достижениями культуры (ст. 46). Кроме того, сильна в СССР политическая цензура, наглядно видна она в реализации этой статьи: без специальных допусков граждане не имеют права пользоваться хранилищами, библиотеками, фильмотеками и т. п. Без разрешения специальных органов они не имеют возможности культурного обмена с гражданами других стран.

Диктатура партийного руководства осуществляется приемами, не одобренными в конституции. На практике списки депутатов и других общественных вакансий на всех ступенях утверждаются организационно-инструкторским отделом партии. Следовательно, независимое выдвижение кандидатов невозможно. Это сводит на нет ст. 48 Конституции СССР о праве граждан участвовать в управлении государственным и общественными делами, избирать и быть избранными. Поэтому кощунственны слова Горбачева о „социальной справедливости“, о „реальном народовластии“, о „равенстве всех перед законом“. Ведь вся законодательная деятельность Советов народных депутатов на практике подотчетна и подконтрольна парт-аппарату. Советы народных депутатов — вовсе не „политическая основа СССР“, как говорится в ст. 2 конституции, а лишь один из приводов партийной власти, дающий ей видимость народного представительства.

*

В связи со сказанным, становится ясным и следующее. Ст. 49 конституции позволяет советскому гражданину вносить в госорганы

и общественные организации предложения об улучшении их деятельности — и критиковать их недостатки. Но эта норма в советском государстве не действует, поскольку только партийные органы и подчиненные им институты вправе решать вопрос об изменениях в работе госорганов и общественных организаций. Более того, несмотря на запрещение преследования за критику, оговоренное в конституции, а теперь и в уголовном законодательстве, — и эта норма не действует в силу идеологической обусловленности государства. Приходится констатировать, что в уголовном порядке преследуются как раз те члены общества, которые более иных болеют за интересы общества в целом. Уместно вспомнить о тех из них, кто находится в лагерях: о Бородине, Евдокимове, Сендерове, Тимофееве и многих других. Власть репрессировала этих людей за то, что, ставя во главу угла интересы гражданского общества в нашей стране, они справедливо критиковали пороки политики КПСС в сфере экономики, социальных проблем, науки, культуры, религии.

Несмотря на то, что ст. 58 конституции разрешает гражданину обжаловать действия любых должностных лиц, нарушающих закон или превышающих свои полномочия, когда нарушения приводят к ущемлению прав граждан, эта норма действует вяло. Власть в большинстве случаев берет под защиту представителей управляющего класса, даже если они грубо нарушают права граждан. Тем самым ослабляется чувство законности в государстве, поскольку закон не соблюдается как раз теми, кто стоит выше всех в обществе.

Государство не может справиться с огромной преступностью, с нарушениями закона, потому что значительная часть населения не воспринимает советские законы как правомочные. Социальная норма имеет силу только до тех пор, пока большинство населения находит ее правильной в нравственном смысле.

Граждане СССР не в состоянии воспользоваться ст. 51 конституции, которой декларировано их право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов. А ведь эта норма вытекает из важнейшего принципа государственного права: в обществе помимо власти есть

и другие ценности, которые котируются людьми не менее, чем ценность власти. Осознавая это, разумная, основанная на праве власть всегда вводит в закон юридические нормы, которым она сама должна подчиняться и которые разграничивают интересы власти с другими интересами, составляющими содержание общественной жизни. В СССР всего этого нет: санкция на создание той или иной общественной организации — исключительная прерогатива КПСС. Партия следит за тем, чтобы не была создана общественная организация, которая ставила бы интересы общества выше интересов власти.

Для Конституции СССР наиболее характерна политическая обусловленность декларированных ею гражданских прав и свобод. Так, „свобода научного, технического и художественного творчества” гарантируется „в соответствии с целями коммунистического строительства” (ст. 47). „Свободы: слова, печати, собраний, митингов” и т. д. гарантируются „в целях укрепления и развития социалистического строя” (ст. 50). „Граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации”, но лишь „в соответствии с целями коммунистического строительства” (ст. 51). Более того, каждый гражданин обязан „способствовать укреплению могущества и авторитета” советского государства (ст. 62). Это дает возможность рассматривать любую, даже лояльную оппозицию, как „подрыв авторитета государства”.

*

Наконец, несколько слов о личных правах и свободах граждан. На каждом уровне — от райкома до ЦК — партаппарат в лице адмодела партии руководит деятельностью судебно-репрессивных органов. Общее руководство судебными, розыскными и карательными органами практически сводит на нет ст. 54, 55, 56 конституции относительно неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки и телефонных переговоров. В советской судебно-следственной системе до сих пор царит обвинительный уклон и действует принцип предержности: если партий проводится кампания по борьбе с определенными видами правонарушений, то дается указание судьям и прокурорам исходить из политических задач проводимой кампании. Сейчас, к примеру, проводятся

репрессивные кампании против пьяниц и нарушителей трудовой дисциплины, а также против преступлений в сфере экономики. И проводятся они с обвинительным уклоном.

Граждане СССР не в состоянии воспользоваться ст. 55: на практике оперативно-агентурные службы КГБ и МВД, не зафиксированные в конституции, если считают нужным, входят в любые жилища, превращая правовую норму в фикцию.

Не в состоянии граждане воспользоваться и ст. 56, в которой сказано, что личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом — оперативно-агентурные службы КГБ и МВД, а также таможенные органы и органы цензуры имеют возможность просматривать переписку граждан и поступающие телеграфные сообщения, прослушивать их телефонные переговоры, и широко этой возможностью пользуются. Граждане СССР не в состоянии полно реализовать свое право на судебную защиту (ст. 57), поскольку только часть адвокатов допущена к делам политического характера. Кроме того, адвокаты крайне ущемлены в своих возможностях отстаивать интересы клиента из-за предпрешенности советского судебного процесса. Сам же гражданин в силу материальных стеснений не в состоянии реализовать свое право на защиту, провозглашенное конституцией.

Глава советского государства А. Громыко сказал на съезде:

„Если взять социальные проблемы, то они включают в себя необходимость обеспечения людей жильем, улучшение медицинского обслуживания населения, — что кровно интересует каждую семью, каждого советского человека, — школьные дела, расширение сети дошкольных учреждений, организацию отдыха трудящихся, заботу о сохранении окружающей среды, дорожном строительстве, борьбу с пьянством и алкоголизмом, строжайшее соблюдение законности“¹⁵.

Как мы видим, все эти социальные проблемы в советском государстве не решены.

2. Автономные силы общества

Посмотрим на сегодняшний Советский Союз с точки зрения реального действия механизма политического контроля и влияния различных группировок, принимающих

решение, издающих приказы и контролирующих их исполнение. Этот метод, кстати, был предложен правоведом Евгением Пашуканисом. Во времена „Большого террора“ он был лишен головы, в которой созрела эта „крамола“. Как совершенно правильно отметил Пашуканис, с точки зрения социологической и политической подлинную основу любого государства, в том числе и советского, составляют „бесчисленные отношения фактической зависимости“; жизнь государства складывается из противоборства различных группировок, поскольку именно „здесь скрываются реальные движущие пружины государственного механизма“, причем „решения влиятельной классовой или партийной организации имеют такое же, а иногда и еще большее значение, чем решения парламента или какого-нибудь иного государственного учреждения“¹⁶.

КПСС объединяет более 19 миллионов членов. Но было бы неверным утверждать, что все они обладают политической, идеологической и экономической монополиями в обществе. Подавляющее большинство членов партии — люди, не имеющие никакого отношения к рычагам власти. Еще Р. Михельс, немецкий социолог, заметил, что при однопартийной системе в государстве лидеры превращаются в замкнутую группу, наделенную властью, техническая компетентность которой еще более усиливает дистанцию между массами и лидерами и приводит к подчинению масс руководству. Соответственно нарушаются и демократические процедуры: сменяемость лидеров через короткие сроки уступает место длительному пребыванию их у руководства, выборы проводятся узким кругом лиц, решение важных вопросов принимается без учета мнения рядовых членов партии, произвольно создаются новые должности и так далее. В результате, „у лидеров возникает стремление к самоизоляции, к формированию подобия картеля и окружению себя стеной, за которую они допускают лишь людей своего образа мышления“¹⁷. Более того, радикально меняется сама психология лидеров: их умами все более овладевает бонапартистская идеология, убеждение в том, что они — единственные выразители коллективной воли и поэтому вправе ожидать от партийных масс полного и безоговорочного подчинения. Соответственно ведут себя рядовые члены: большинство лишь наблюдает

за действиями лидеров, часть же выслуживается перед руководством. Но и в рядах КПСС есть люди, ставящие интересы общества выше интересов власти.

Нам уже приходилось указывать на то, что подлинная власть в стране принадлежит трем политико-управляющим структурам*. В первую входит военно-научно-дипломатический комплекс, возглавляемый КГБ. Во вторую — высший управленческий аппарат — деловую от хозяйства, возглавляющие объединения и предприятия. Третья политико-управляющая структура — партийная номенклатура. Именно эти политические структуры являются основным противником гражданского общества. В тех случаях, когда сталкиваются их интересы с интересами общества, верх берут интересы трех политико-управляющих структур. Именно здесь пролегал невидимый фронт борьбы между властью и гражданским обществом.

Одним из основных законов развития гражданского общества является наличие общественной жизни, автономной от произвольного вмешательства государства или правящей партии. В нормально развивающемся обществе должны существовать автономные подсистемы, не подчиненные центральной власти. Партийная власть не хочет признать реальность действия этого общественного закона. Причина непонимания кроется в области мировоззрения, в идеологии коммунизма — в марксистско-ленинском учении. Руководство КПСС претендует на обладание единственно верным учением, не признающим высших ценностей — надличных и надгосударственных. Если таких ценностей нет и личность не автономна, если ее достоинство не присуще ей самой, а есть всего лишь производная общественных отношений, то личность сводится на уровень винтика партийно-государственной машины и лозунг „все для человека, все во имя человека” становится пустым звуком.

Для того, чтобы можно было провести черту между сторонниками партийной власти и сторонниками автономных прав общества, следует выделить характерный признак, присущий тому или иному направлению. Водораздел лежит в образе мышления. Если человек не признаёт надличных, надгосударственных ценностей и считает, что

интересы верхушки КПСС выше ценностей хозяйственной инициативы, выше ценностей профессиональных и общественных интересов человека, выше интересов науки, литературы, искусства, выше ценности религии, то он явно отражает интересы власти. Если же человек считает, что автономности выше ценностей правящей партии, то он выражает интересы гражданского общества, интересы автономных подсистем.

В СССР нет автономной хозяйственной деятельности, единственный собственник — государство. Но стремление к автономной хозяйственной деятельности существует — существует стремление к созданию общественной, кооперативной, групповой, смешанной и единоличной собственности, к созданию автономных предприятий, действующих по принципу самокупаемости и связанных между собой и с потребителем системой договорных, а не директивных цен. В советском обществе постоянно происходит тайная борьба автономных подсистем с партийно-государственной властью, с тремя политико-управляющими структурами. Эта борьба ведется в области религии, в науке, в литературе, в искусстве, в любой профессиональной сфере. В силу обстоятельств времени в эту борьбу вступают хозяйственные коллективы сферы производства и сферы услуг, ведущие стихийную войну с советскими методами хозяйствования, игнорирующего заинтересованность человека в результатах своего труда. И с этой точки зрения действия хозяйственных коллективов в направлении противодействия интересов власти можно назвать „экономической оппозицией”.

*

Сейчас видно, что самая сильная в мире власть над страной становится все менее способной властвовать тотально, так как цели власти и народа не совпадают. Дело в том, что общество не стоит на месте. Советское общество бурлит, в нем постоянно происходит борьба идей, мнений, влияний, интересов. В каждом предприятии, учреждении, в государственных и партийных органах найдем мы людей, для которых принципы общечеловеческой и национальной морали выше, чем интересы и требования КПСС. Можно утверждать, что на каждой социальной ступени гражданского общества в СССР

* Фридрих Незнанский. „Политико-управляющие структуры в СССР”. „Посев” № 11, 1985 г.

есть лица и слои населения, не согласные с основными принципами внешней и внутренней политики коммунистической партии, стремящиеся найти иные основы общества и государства, отвечающие интересам действительного большинства в стране.

Под напором этих *конструктивных сил*, тоталитаризм был вынужден „ослабить еще на одну дырочку стальной пояс власти“, сжимающий советское общество. На „сантиметр“ советское общество стало свободнее. Но произошло это и потому, что на короткое время орбиты власти и общества сошлись: политико-управляющим структурам необходимо было за прошедший год справиться с противниками в номенклатуре — ожиревшими брежневскими олигархами и окостеневшими хозяйственниками „деструктивного“ типа. И апелляция к народу была одним из инструментов подавления сопротивления определенного слоя в управляющем классе. Для того, чтобы создать атмосферу критики негативных явлений в 70-е и в начале 80-х годов, проистекающих из ошибочек политического характера (на самом деле имманентных коммунистической власти в целом и во все периоды), политико-управляющие структуры пошли даже на кампанию разертывания критики прежних методов руководства экономикой.

На этом фоне все чаще стали слышны голоса „конструктивные“. Директор совхоза Майстренко умоляет партию: „дайте нам возможность самим вести дело“. Писатель Распутин во весь голос заявляет о том, что государство загубило озеро Байкал. Нобелевский лауреат Канторович предлагает новые методы ведения народного хозяйства. Космонавт Лебедев возмущен непрофессиональностью советских руководителей. „Нельзя допустить, — говорит он, — чтобы посредственность и те, кто ее порождают, процветали“. Профессор права Пертцкик обращает внимание на то, что народный депутат не имеет никакой фактической власти¹⁸.

Вот конкретные примеры, когда из иерархии ценностей люди выбирают самое существенное. Думается, что дело в профессиональной нравственности. При решении проблем профессиональная нравственность входит в конфликт с партийной этикой. В большинстве случаев победа — за интересами партии, в ущерб интересам народа. В этом кроется основная причина неурядиц, происходящих в России.

3. Конструктивная политическая оппозиция

В течение года в высшие партийно-государственные органы страны поступает более 3 миллионов жалоб, отражающих глубокую заинтересованность трудящихся в решении социально-экономических вопросов развития страны. Но тоталитарная система не в состоянии справиться с насущными потребностями народа.

Кто же может с ними справиться?

Справиться с ними может оппозиция, отстаивающая национально-государственные интересы нашей страны, конструктивные силы, выдвигающие путь к обновлению жизни в радикальных реформах. Только оппозиция, объединив свои ряды, может отстаивать интересы гражданского общества. Еще крупнейший русский юрист XX века Н. М. Коркунов писал:

„Человек, видя себя членом такого общества, строй которого не соответствует его идеалам, старается устранить это противоречие, старается изменить общественные отношения сообразно своим идеалам. И одно поколение за другим непрерывно продолжает эту работу сознательного переустройства общества. Работа эта не может остаться бесплодной. Мало-помалу человеческие идеи осуществляются в общественных формах, и общество таким образом делается все более и более результатом совместной воли всех тех людей, которые работали над его переустройством, произведением как бы их соглашения, и в этом смысле получает договорный характер. Или, выражаясь иначе, общество все более становится воплощением человеческих идей, и в этом смысле — произведением человеческого искусства“¹⁹.

Вот четкое объяснение законности существования оппозиции в гражданском обществе, сказанное правоведом, принимавшим приемные экзамены у поступавшего в университет Ульянова.

В каких социальных слоях советского общества наиболее чувствуется наличие оппозиции?

Прежде всего, это — техническая интеллигенция. Она постоянно стремится выйти из-под контроля партии, полагая, что технократы больше разбираются в технических проблемах, чем партийные руководители. Ученые и инженеры правы: партия много говорит о научно-технической революции, но, коснувшись дела, мешает эту революцию осуществлять.

На втором месте — советские хозяйственники, вытязывающие на своих плечах народное хозяйство. Без них вообще давно бы царил хаос; ежедневно сталкиваясь с партийными установками по ведению дела, они действуют по неписанному закону обычного права, вытаскивая из прорыва фабрики и заводы, колхозы и совхозы.

На третьем месте — творческая интеллигенция. Значительная часть российской творческой интеллигенции ставит интересы искусства выше интересов партии.

На четвертом месте — молодежь. Юноши и девушки нехотя идут в комсомол, а если и вступают, то вынужденно.

На пятом месте — верующие. Партия и сама не скрывает того, что религиозные люди, будь то православные, католики, магометане, иудаисты и сектанты, опасны для „народа и партии“; они не желают жить по партийному евангелию — программе КПСС.

Следует отметить также „инакодействие“ и в других социальных группах. Силен дух недовольства политикой партии со стороны рабочих, крестьян и военнослужащих. Военнослужащим надоела истерия атомной войны, нагнетаемая идеологическими службами партии, а также продолжительная война в Афганистане, откуда можно и не вернуться домой. Рабочие недовольны отсутствием социальной справедливости и в распределении доходов, и во всей системе удовлетворения потребностей населения. Крестьяне стонут под прессом ограничений в развертывании инициативы, в них разгорается фермерский дух. Даже при существующих драконовских законах крестьяне и рабочие ведут 35 млн. личных хозяйств, и их доля в производстве сельскохозяйственной продукции страны остается на уровне 23 процентов²⁰.

„Однако и в правящем слое есть люди, остро ощущающие необходимость перемен. Одни — из страха перед обвалом режима, за которым последует потеря положения, привилегий, а может быть и жизни: лучше чем-то поступиться и что-то сохранить, чем потерять все. Другие — тревожатся за страну, за Родину, желая охранить ее от военной катастрофы, кровавых потрясений, вывести из нынешнего тупика к человеческой жизни. Для нашей страны это — конструктивные силы, часть сил нашего общества, борющихся за радикальные перемены. Их близость к рычагам власти открывает дополнительные возможности в борьбе“²¹.

Для того, чтобы изменить жизнь в СССР, оппозиция, защищающая интересы гражданского общества, должна выдвинуть политическую силу, которая, с одной стороны, защищала бы интересы автономных подсистем общества, а с другой, противопоставляла себя ныне существующей власти — КПСС в лице трех ее политико-управляющих структур. Задача этой политической силы — возвращение обществу трех монополий: политической, идеологической и экономической, отобранных у него КПСС. На стороне будущей политической силы должно быть истинное знание интересов народа, истинное понимание действия общественных законов. А истина сильнее КПСС.

ПРИМЕЧАНИЯ:

13. Г. Спенсер. Основания социологии. СПб., 1898, т. 2, с. 249.

14. Доклад М. Горбачева на XXVII съезде КПСС. „Известия“, 26.2.1986.

15. А. Громыко. Речь на XXVII съезде КПСС. „Известия“, 27.2.1986.

16. Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизм. М., 1927, с. 93.

17. Р. Михельс. Политические партии. Нью-Йорк, 1966, с. 126.

18. Л. Канторович. Прогресс и цены. „Известия“, 18.2.1986; В. Лебедев. Родники нашей жизни. „Известия“, 18.2.1986; Беседа с профессором В. Пертцком. Депутат, совет, закон. „Известия“, 18.2.1986.

19. Н. М. Коркунов. „Лекции теории права“. СПб. 1904, с. 188.

20. Народное хозяйство СССР в 1983 г. М., Финансы и статистика, 1984, с. 217.

21. Положение в стране и задачи НТС. Резолюция Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов. „Посев“ № 3, 1986.

«СТРЕЛА»

— акция с таким названием ведется Народно-Трудовым Союзом уже около 25 лет. Это отправка в СССР по почте из-за границы миниатюрных печатных изданий, укладывающихся в формат и вес обычного письма. Только изданий НТС послается ежегодно многие десятки тысяч, есть отклики из страны, присылаемые по надежным каналам. 25-летняя практика показала большую проходимость таких писем в СССР (не менее 50–70%) и безопасность этой акции для получателей: они не несут ответственности за письма, посланные без их ведома (цензуре тоже известно, что адреса мы выбираем совершенно произвольно из адресных и телефонных книг, из периодической печати). Содержание материалов — политические, социальные, исторические, философские, религиозные и др. темы. Желающих принять участие в отправке таких писем просим обращаться по адресу „Посева“ с пометкой „Стрела“ на конверте.

Дислокация завершена

Александр ЮГОВ

Горбачев и его окружение явно хотели, чтобы XXVII съезд КПСС выглядел „переломным” или даже „революционным”. На это были направлены все их предсъездовские выступления и публикации. Пресса развернула непривычную кампанию острой критики недостатков и ошибок последних 15 лет (всего лишь!). В отдельных выступлениях, статьях и письмах она уже граничила с обличением пороков системы вообще.

Правда, критики, с легкой руки самого Горбачева, говорили не о системе реального социализма, а о „хозяйственном механизме” — как будто это разные вещи! И как будто этот пресловутый „хозяйственный механизм” не закономерный плод „марксистско-ленинской науки”, а некая субъективная случайность, непонятно как на страну свалившаяся.

Предсъездовская критика была острой, ибо шла она за счет предшественников Горбачева. Имена не назывались, но было ясно, что под обстрелом стоит эпоха Брежнева. Однако чем более именитые критики вступали в хор, тем больше у читателя и слушателя возникал вопрос: „А вы где были? А вы почему молчали?”. Ответ на этот молчаливо нависший вопрос попытался дать на съезде новый секретарь Московского горкома и кандидат в члены Политбюро Ельцин: „не хватило смелости и политического опыта”. Он мог себе это позволить, потому что 5 лет назад, во время XXVI съезда был лишь „рядовым” секретарем Свердловского обкома. А почему же молчал и исправно аплодировал Брежневу член Политбюро и секретарь ЦК по сельскому хозяйству Горбачев? Или в 50 лет, после 25-летнего стажа партийного руководства ему тоже не хватало политического опыта? А может быть, наоборот, большой партийный опыт и подсказывал ему, что надо аплодировать, молчать и ждать своего часа? Он его дождался. Но что это за система, при которой „исторические повороты” зависят от биологических случайностей?

XXVII съезд не стал ни „поворотным”, ни „революционным”. Он был так же полностью отрежиссован заранее, как все четыре

предыдущих брежневских съезда. Не говоря уже об открытом столкновении разных мнений (это вообще ушло в пучину партийной истории), но и формой проведения, и содержанием выступлений он мало чем отличался от съездов-предшественников. Да и глубина критической аргументации в докладе генсека — почему необходима экономическая перестройка — на нем существенно уступала докладу того же Горбачева на экономическом совещании в ЦК в июне 1985 г. Съезд привычно стал „закрепителем” провозглашенного до него генсеком. Он и нужен был Горбачеву в качестве такого формального закрепителя, на „исторические решения” которого можно затем сослаться.

Более того, съезд стал поворотным волноломом, сбивающим критическую волну. Почувствовав, что печатная критика начинает становиться опасной, верховные идеологи стали спешно нажимать на тормоза. Это хорошо было заметно в выступлении Лигачева, одернувшего „Правду” за то, что она поместила письмо читателя, посмеявшегося замануться на самое святое — на привилегии партийной элиты. Этот публичный выговор „Правде” был встречен радостными аплодисментами партийных номенклатурщиков, составлявших подавляющее большинство среди 5000 делегатов съезда.

По материалам съезда нельзя судить о конкретной программе действий партийного руководства в ближайшем будущем. Наиболее существенным предметом анализа по-прежнему остаются последовавшая в итоге перестановка кадров на верхах и заполнение нового ЦК, первого при Горбачеве. Уже традиционно только эти кадровые нюансы и позволяют что-то сказать о намерениях генсека и новых тенденциях партийного руководства.

Политбюро

Менее чем за год Горбачев вышиб из Политбюро трех зубров: Романова (июль), Тихонова (сентябрь) и Гришина (декабрь). Наибольшего труда представил вывод Гри-

шина, так как для этого его надо было пред-варительно „не избрать” первым секретарем Московского горкома КПСС. За 18 лет возглавления Московской парторганизации, насчитывающей почти миллион членов (восьмая часть всех жителей столицы), Гришин, естественно, сумел подобрать верную команду на ее верхах. Поэтому городская партконференция, на которой нужно было избрать на место Гришина уральца Ельцина (или, по некоторым свидетельствам, сибиряка Долгих), прошла со скрипом, хотя дирижировал ею сам Горбачев. Московские партаппаратчики явно опасались новой метлы. Все же налаженные методы „партийно-организационной работы”, после небольшой газетной артоподготовки, дело свое сделали, и московским партийным вождем стал Борис Ельцин (1931 г. р.). Еще до съезда он стал кандидатом в члены Политбюро.

Новый ЦК на своем первом пленарном заседании добавил к 11-ти полным членам Политбюро лишь одного Льва Зайкова (1923 г. р.). „Тихий” Зайков последний, наиболее крутой этап своей карьеры прошел без единого публичного выступления. За него говорит его должность — секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу. Членство в Политбюро — последовательная расплата с Зайковым за то, что он согласился в мае 1985 г. перенять наследство Романова. Учитывая, что Зайков не только тоже из Ленинграда, но и сам выдвиженец Романова и даже связан с ним, по слухам, родственными узами, — это носило демонстративный характер.

Новые акценты, которые Горбачев хотел бы внести во внешнюю и, особенно, во внутреннюю политику КПСС, требуют полного „взаимопонимания” (а проще сказать, покорного подчинения) возглавителей военно-промышленного комплекса. Поэтому для генсека крайне важно было иметь перед собой не строптивый, с честолюбивыми намерениями тандем Романов — Огарков, а более старый и послушный: Зайков — Соколов. Тот факт, что Соколов и после съезда не получил „права голоса”, то есть не стал полным членом Политбюро, — тоже свидетельствует о подобных опасениях генсека. Фактически — это отступление от решения ЦК 1973 г., по которому армия, КГБ и МИД должны быть представлены в Политбюро.

Однако Политбюро сейчас хочет продемонстрировать внешнему миру, что роль армии уменьшилась.

Вместо 85-летнего Кузнецова и 81-летнего Пономарева, выведенных на пенсию, новыми кандидатами в члены Политбюро стали первый секретарь Ленинградского обкома Юрий Соловьев (1925 г. р.) и первый секретарь ЦК КП Белоруссии Николай Слюньков (1929 г. р.). Эти назначения логичны, их можно было предвидеть. Соловьев работал заместителем Зайкова, когда тот был председателем Ленсовета. Когда Зайков „пошел на область”, Соловьев возглавил Ленинградский горком. Когда Зайков в 1985 г. перешел в Секретариат ЦК, в Москву, Соловьева вернули из Москвы, где он уже полгода работал министром, в Ленинград, где он „перенял” обком. Вот так делается карьера в Советском Союзе, так шагают по „выборным” должностям в условиях „партийной демократии”...

Секретариат ЦК

Первый год своего правления Горбачев энергично использовал Секретариат ЦК для замены неугодных лиц на важнейших руководящих постах. Два секретаря, Лигачев и Зайков, стали членами Политбюро, другие два, Рязков и Ельцин, заняли ключевые позиции — Председателя Совета министров СССР и первого секретаря Московского горкома. Три „брежневских” секретаря, Пономарев, Капитонов и Русаков, сдали свои секретарские должности, Русаков даже еще до съезда. Вакантные места Горбачев заполнил новыми фигурами.

Что представляют собой „горбачевские” секретари? Дают ли новые назначения основания для каких-то существенных выводов?

Наибольший интерес у западных советологов вызвало назначение Анатолия Добрынина (1919 г. р.). Газетная молва уже не один раз прочла Добрынина в преамбулы Громыко на посту министра иностранных дел. Во время съезда опять пронесся слух, что Добрынин заменит Шеварднадзе, а тот перейдет вместо Пономарева руководить Международным отделом ЦК. Слух, конечно, не подтвердился: это было бы быстрым признанием не только некомпетентности Шеварднадзе, но и ошибки самого Горбачева. Произошло обратное: Добрынин заменил Пономарева и стал секретарем ЦК.

В результате Горбачев имеет под рукой отличного знатока США, за 24 года (!) изучившего в совершенстве традиции и новации американских верхов. Новый пост Добрынина еще раз подчеркивает направление главного удара во внешней политике кремлевского руководства — прямое соглашение с Вашингтоном. Попытки вбить клин между США и их главными союзниками в Европе и Азии, конечно, будут продолжаться, но ставку на успех таких попыток, видимо, в Москве уже не делают.

Назначение Добрынина — это продолжение той кадровой политики, которую начал еще Андропов: разбавлять на партийных верхах „чистых“ номенклатурщиков „узкими“ специалистами, будь то технократы-менеджеры, дипломаты или многолетние работники КГБ. Одновременно назначение Добрынина показывает, насколько тесно переплелись сегодня ветки единого партийного древа. Переоценивать роль того или иного „узкого“ специалиста — иллюзия. Высшую карьеру можно сделать только в рамках партийного аппарата.

Новый секретарь по пропаганде Александр Яковлев (1923 г. р.) в качестве советника перешел к Горбачеву от Андропова. Он сопровождал „кронпринца“ Горбачева в его поездке в Лондон, а уже генерального секретаря — в Париж и Женеву. Яковлев работал уже больше 10 лет (1962—1973 гг.) в отделе пропаганды ЦК и даже последние два года руководил им. Но в ноябре 1972 г. неудачно выступил в „Литературной газете“ с нападениями на растущие русофильские тенденции в литературе, не „попал в струю“ и был отправлен послом в Канаду. С Горбачевым он познакомился, видимо, в 1983 г. во время его визита в Канаду. Вскоре он возвращается в Москву, становится директором Института мировой экономики и международных отношений и одновременно советником Андропова. С августа 1985 г. вновь руководит отделом пропаганды ЦК.

Вадим Медведев (1929 г. р.) с 1983 г. заведует отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Сейчас он, скорее всего, перейдет хозяйство Русакова — компартии „братских стран“. В 1970—1978 гг. он работал заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК, то есть два года под руководством Яковлева. С 1978 г. — ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, готовящей партийные кадры.

„Избрание“ секретарем Георгия Разумовского (1936 г. р.) можно было предсказать. Он старый знакомый Горбачева, делал скучную карьеру в соседнем со Ставрополем Краснодарском крае. Как и Горбачев, окончил сельскохозяйственный институт — дефицит среди партийных деятелей на уровне секретаря обкома. Благодаря сельскохозяйственному образованию дважды (1971—1973 и 1981—1983 гг.) переезжал в Москву для работы в сельскохозяйственных отделах аппарата ЦК КПСС и Совета министров. Каждый раз возвращался в Краснодар с повышением. В июне 1985 г. окончательно переезжает в Москву, чтобы перенять у Лигачева отдел организационно-партийной работы. Видимо, получив обещание Горбачева, что при ближайшей okazji он станет секретарем ЦК. Такая okazия наступила весьма быстро. Разумовский — единственный из „Большого шлема“, не достигший 50-летнего возраста. Энергично проводил чистки и „перевыборы“ в ряде областей и республик. С 1983 г. отделе переданы некоторые кадровые „нюансы“, которыми при Брежневe занимался общий отдел (Черненко). Иметь на этом месте своего человека для любого генсека крайне важно.

8 марта с трибуны съезда Горбачев объявил об избрании секретарем ЦК Александры Бирюковой (1929 г. р.), до этого занимавшей пост секретаря ВЦСПС. Неоценимый подарок советским женщинам! Наконец, после 25-летнего перерыва в составе „Большого шлема“ будет также фигурировать женщина! В этом и, пожалуй, только в этом смысле XXVII съезд, подобно XX, можно называть „историческим“: оба делегировали женщину в высший орган партийной власти. Шутят, что именно для такой демонстрации число секретарей ЦК увеличено до одиннадцати: курица, мол, не птица, а женщина — не секретарь...

Такое положение не случайно. Оно характерно не только для Советского Союза, но для всех коммунистических стран. Конечно, число женщин, стоящих у руководящего руля, всюду намного меньше, чем мужчин. Но в коммунистических странах женщина может вполне профессионально, выдерживая мужскую конкуренцию, управлять городом, штатом, министерством, партийным аппаратом. Иногда даже всей страной (Англия, Индия, Филиппины). В СССР законстеновавшая

структура партийной власти выталкивает женщину как инородное тело. Фурцева, несмотря на персональную поддержку Хрущева, продержалась на верхах всего 5 лет. Партийные секретари, министры, председатели, заведующие, заместители и помощники — это в административной практике КПСС исключительно мужские профессии.

ЦК КПСС

Число членов Центрального Комитета КПСС, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии растет от съезда к съезду, отражая утолщение всей бюрократической пирамиды. Уже после XX съезда в 1956 г. численность высших партийных органов была раздута выше всякой меры: 133 члена ЦК, 122 кандидата, 63 члена ЦРК. Однако далее кривая роста пошла еще круче, здесь и Хрущев, и Брежнев были едины. За 30 лет число членов ЦК выросло почти в 2,5 раза, число кандидатов — почти в 1,5 раза, а число членов ЦРК — на треть.

Послушай Горбачева — так он противник непомерно раздутых управленческих аппаратов, убежденный борец с бюрократическим разбуханием. Но как это практически проявляется на самой близкой к нему партийно-аппаратной структуре? Никак. Машина разбухания движется по наезженной колее. Число членов ЦК, правда, уменьшилось по сравнению с предыдущим XXVI съездом на 12 человек (307 против 319), но зато кандидатов в ЦК стало на 19 больше (170 против 151), а членов ЦРК — на 8 больше (83 и 75).

Средний возраст ЦК КПСС снизился, так как существенно снизился средний возраст министров и секретарей областей и республик, составляющих основную массу в ЦК. Если после предыдущего съезда более половины членов ЦК было старше 60 лет (возраст, при котором „нормальным“ советским людям надо выходить на пенсию), то теперь таковых меньше 45%.

В ЦК КПСС традиционно ничтожное количество женщин. После XXVI съезда в 1981 г. их было всего 8, то есть 2,5%. Видимо, обеспокоенное насмешками над таким „равноправием“, руководство решило спешно повысить женское представительство в ЦК до 13 человек (4% от общего состава). Однако каким образом это достигнуто? Наряду с „декоративными“ женщинами, уже четвертую пятилетку переходящими из одного со-

става ЦК в другой (Бирюкова, Карпова, Круглова, Терешкова), в нынешний ЦК включили необычно много — целых 8! — „ленинских кухарок“, соучастующих якобы в управлении государством (две ткачихи, две доярки, колхозная звеньевая, наладчица, прядильщица и клепальщица). Таким приемом верховные кадровики убили сразу трех зайцев: повысили процент женщин, повысили процент рабочих и снизили средний возраст ЦК.

Первый горбачевский ЦК подтвердил ярко выраженный должностной принцип комплектования. На 95% состав избираемого ЦК можно предсказать заранее. Институты кандидатов в ЦК и членов ЦРК — дополнительные представительные органы для руководителей второго и третьего ранга. Получил номенклатурщик соответствующую должность — попадает сразу в ЦК, потерял ее — нигде не задержится.

Это хорошо видно на примере КГБ, где за истекшие 5 лет сменились глава КГБ и все его заместители. 5 лет назад нынешние заместители Чебрикова не только не фигурировали в выборных партийных органах, но их фамилии вообще тщательно скрывались от общественности. Сейчас же лубянские генерал-полковники (Бобков, Емохов, Крючков) сразу стали членами ЦК. Еще один заместитель (Агеев) стал кандидатом в ЦК. Это уже прибавка.

Членами ЦК стали и два новых Помощника генсека — Лущиков и Черняев. Еще один (Болдин) стал кандидатом в члены ЦК, два других (Лаптев и Шаратов) — членами ЦРК. Примерно такое же распределение было с брежневскими помощниками, только фамилии были другие. Два основных помощника Брежнева, Александров-Агентов (советский Киссинджер, как он любил себя называть) и Цуканов, не только потеряли места в ЦК, но вообще исчезли с политической сцены. Это напоминает похороны древнего вождя, когда к нему в гробницу живьем клали самых верных приближенных...

Поэтому персональный анализ членов ЦК не имеет никакого смысла. А если какой-то анализ и имеет смысл, то только сравнение представительных квот различных властвующих групп.

Например, заметно стремление повысить роль Комитета партийного контроля. Если в 1981 г. в ЦК было только один заместитель Пельше, то теперь там фигурируют три за-

местителя Соломенцева. В КПК идеологи хотели бы видеть барьер против злоупотреблений партийных бонз. Но это уже не один раз было в партийной истории. Надежный барьер здесь только один — полные открытость и гласность. А они-то как раз в практике КПСС и не ночевали, прорываясь лишь в короткие „специфические“ периоды, когда такая гласность нужна генсеку.

Количество аппаратчиков, представляющих отделы ЦК, вроде бы не изменилось: с учетом секретарей ЦК, возглавляющих отделы, их, как и 5 лет назад, 20 человек. Но меньше стало заместителей, больше начальников отделов. Увеличилось число отделов, у некоторых явно выросли полномочия. Впервые представлены в ЦК такие отделы, как оборонной промышленности (зав. отделом Беляков), машиностроения (Вольский), строительства (Мельников). Так что критические слова Ельцина в выступлении на съезде — „постепенно структура отделов ЦК стала чуть ли не копией министерств“ — бьют уже по новому генсеку. Но, судя по представительству в ЦК, „собаки лают, а караван идет вперед“.

Ту же тенденцию можно уследить в представительстве военных. Общее их количество в ЦК вроде бы стало даже на одного меньше — 23 человека. Но нужно учесть, что в ЦК XXVI съезда числилось 4 маршала-репрезентанта (Баграмян, Батицкий, Москаленко, Чуйков), а ныне только два (Горшков и Толубко). Фактически генералов, за которыми стоит реальная военная сила, в ЦК стало больше. И видно почему. За истекшие 5 лет созданы новые комплексные оперативно-стратегические направления — Западное, Юго-Западное и Южное. Их командующие — маршал Огарков, генералы армии Герасимов и Зайцев — представляют в ЦК, разумеется, не только самих себя. „Направления“, напоминающие комплексные фронты военного времени, созданы уже после Брежнева. Причем не за счет чего-либо (все военные округа и „группы“ войск за рубежом сохранились), а дополнительно. Разговоры Горбачева о мире — разговорами, а дело — делом...

Число министров и председателей Госкомитетов в ЦК сохранилось на прежнем уровне — 46. Однако среди кандидатов в члены ЦК их стало на 5 больше — 30 против 25 в 1981 г. Естественно: число министерств и комитетов за истекшее пятилетие увеличи-

лось, несмотря даже на создание агропромышленного Комитета, поглотившего 6 министерств.

Конечно, ЦК — не резиновый; кроме того, он уменьшился на 12 человек. Соответственно уменьшилось и представительство каких-то властвующих групп. Например, руководителей Госплана стало в ЦК 4 вместо прежних 6. Это убедительнее „утешительных“ фраз Горбачева о повышении роли Госплана.

Два места (14 вместо 16) потерял МИД. Из послов в капстраны в ЦК остался лишь один Воронцов, посол во Франции*. Впрочем, послом в Англию уезжает зав. отделом международной информации Замятин (слухи о его предстоящей „дипломатической ссылке“ шли давно). Членом ЦК должен наверняка быть и наследник Добрынина.

Существенно пострадали и командиры ВЦСПС. После XXVI съезда профсоюзные боссы имели среди членов и кандидатов ЦК 8 мест (5 + 3), сейчас — всего 4 (2 + 2). Что же, какими-то декорациями нужно жертвовать? Достаточно, что за счет женщин „рабочие“ теперь имеют в ЦК 23 места (ранее — 16). Как и в предыдущих составах ЦК, дежурно присутствуют два председателя колхоза и два директора завода, обычно — Московского и Горьковского автозаводов. Торжество рутины.

Уменьшилось (с 61 до 58) количество первых секретарей обкомов РСФСР, а также представителей союзных республик (с 50 до 46). Зато среди кандидатов в ЦК республиканских номенклатурщиков стало больше — 43 вместо 37. Здесь царит строгий порядок: каждая республика представлена в ЦК первым секретарем, а в кандидатах — вторым секретарем* и председателем республиканского Совета министров (либо Прези-

* Идеологически-охранительная несообразность: послы в социалистические страны, вплоть до Монголии, должны быть членами ЦК, а в развитые капиталистические страны, даже такие, как ФРГ, Япония, Канада, — не обязательно.

* Вторые секретари республиканских компартий меняются, но принцип остается неизменным: каждый из них (даже для УССР!) должен быть русским, окончить ВПШ и какое-то время проработать в центральном аппарате. До какой степени нужно не доверять своим же „первым“, включая членов и кандидатов в Политбюро, чтобы вечно держать при них недреманное око Москвы! Какая пародия на декларации пролетарского интернационализма! Еще один штрих реальности, показывающий, во что превратилась утопия.

диума ВС данной республики). На особом положении лишь Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан. Среди последних Казахстан суммарно потерял 4 места, а Украина, Белоруссия и Узбекистан по 2-3 места выиграли. Объяснение простое: предыдущее представительство Казахстана (17 мест в сумме) было, конечно, непропорционально большим — благодаря сангитам Бржнев-ва. Первых секретарей украинских обкомов сегодня больше как в ЦК, так и среди кандидатов в члены ЦК.

Среди редакторов твердо относятся к номенклатуре ЦК редакторы „Правды“, „Известий“ и журнала „Коммунист“. Редакторы остальных изданий, находящихся под эгидой ЦК (газеты — „Литературная газета“, „Советская Россия“, „Социалистическая индустрия“, „Советская культура“, „Экономическая газета“, „Сельская жизнь“, журналы — „Советский Союз“, „Проблемы мира и социализма“, „Новый мир“, „Партийная жизнь“), распределяются среди кандидатов в члены ЦК и членов ЦРК*. Так же и директора АПН (Фалин) и ТАСС (Лосев), секретари союзов композиторов (Хренников), кинематографистов (Кулиджанов), художников (Ткачев). Но 1-й секретарь Союза советских писателей — обязательно член ЦК. Обе эти синхронные должности вот уже 15 лет занимает 75-летний Марков.

Вообще средний возраст „передового идеологического отряда“, вопреки общей тенденции, повысился. Писатели Марков, Чаковский, Гончар, Грибачев фигурируют в выборных органах ЦК по 15-20 лет, а политический обозреватель „Правды“ Жуков — даже 30 лет. Каждый из них руководит если не союзом, то каким-нибудь „общественным“ комитетом. Кроме отчетных докладов они уже давно ничего не пишут. Но ничего другого от них и не требуется. Подобрать на их место более молодых, но не менее надежных „инженеров человеческих душ“ — так-то просто. Не каждый уважающий себя писатель согласится на такую унижительную роль — несмотря на все привилегии. Несменяемость в ЦК главных „бойцов идеологического фронта“ — лучшее подтверждение тому,

* Бывает, конечно, некоторое маневрирование. Так, новый редактор „Известий“ Лаптев стал пока лишь кандидатом в ЦК, а редактор „Литературной газеты“ писатель Чаковский — членом. Но это уже за персональные заслуги.

что идеология на партийных верхах осталась непоколебленной.

Генеральный секретарь

Пока западные советологи предсказывают скорый расцвет культа личности Горбачева, культ этот давно наступил. Достаточно взглянуть на первые страницы советских газет — как в лучшие годы Бржнев-ва. Достаточно послушать, как самоуверенно Горбачев перебивает докладчиков, при почтительном молчании своих „соратников“, — как в лучшие годы Хрущева. Советская иерархическая система ничего иного, кроме культа личности, не знает и не вырабатывает, это одновременно и ее питающие корни, и ее пышные плоды. Хотя такие случаи трудно выявить, но похоже, что в коммунистических странах культ личности будет процветать даже вопреки искреннему нежеланию на то самой этой „личности“. Хочет или не хочет человек, но, став генеральным секретарем, он должен одновременно стать „культом“. Культ личности — необходимый инструмент в работе генсека, как рубанок — в работе столяра.

Умело пользуясь своим „рубанком“, Горбачев быстро, менее чем за год, привел Политбюро и вообще весь „Большой шдем“ к „виду, удобному для логарифмирования“. Весной прошлого года мало кто ожидал такой быстроты. Съезд и первый пленум ЦК „горбачевского созыва“ фактически прештамповал его кадровый отбор.

Можно ли сказать, что основные трудности теперь позади, что дальше будет легче? Ни в коем случае. Прделана только самая легкая, „привычная“ для генсека часть работы. До сих пор каждый генсек продельвал эту работу исключительно для укрепления своей единоличной власти. Сейчас единоличная власть невольно приобретает стратегически-целевое предназначение. Провозгласив на весь мир необходимость радикальных изменений „экономического механизма“, Горбачев фактически бросил вызов всей системе реального социализма — какие бы красивые слова в защиту социалистического общества он при этом ни говорил. Ибо этот „механизм“ имманентно присущ данной Системе, а другой „механизм“ неизбежно изменит, преобразует (пусть не сразу) и всю Систему. Сознает он это до конца или нет, но Горбачев вступил на „тропу войны“, объявленную Системе. И каждый новый шаг на

этой тропе (если только эти шаги реально будут делаться) будет становиться для него лишь труднее и опаснее.

В этом объективно заключена непрочность его позиций*. Она не в количестве оставшихся в Политбюро или в ЦК бывших соратников Брежнева. Все они хорошо знают правила игры, и с рвением перекрутятся в соратники Горбачева — если им дать такую практическую возможность. Такой либерализм скорее Горбачеву даже помогает, смягчая слишком уж беспардонное, по мнению многих номенклатурщиков, выбрасывание „заслуженных“.

Основной козырь Горбачева — отсутствие альтернативной концепции у потенциальных соперников в борьбе за власть. Поэтому и удалось так легко и безболезненно избавиться от Романова: идеям перестройки экономики ничего конструктивного противопоставить он не мог. Ничего не меняя, продолжая брежневскую политику „лежания на боляте“, — это не альтернатива. Она себя исчерпала. Ее не смеет провозгласить даже тот, кто

* См. А. Авторханов. „Позиции Горбачева непрочны...“, „Посев“ № 4, 1986.

● ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В своем выступлении на 4-ой сессии Верховного Совета в ноябре 1985 года Горбачев объявил, что „с января 1986 года промышленностью будет выпускаться более половины всей продукции на предприятиях, работающих в новых условиях“.

Генсек заверил депутатов и советский народ в том, что „широкий переход на положительно зарекомендовавшие себя новые методы хозяйствования“ приведет страну к интенсификации и научно-техническому прогрессу. В связи с этим возрастает роль проводимого экономического эксперимента (ЭЭ). Попытаемся вместе с советскими экономистами С. Железко, Б. Сазоновым и А. Чириковой исследовать процесс осуществления экономического эксперимента на предприятиях стран⁶.

В 1984 г. в СССР проводилось одновременно около 40 экономических экспериментов. 29 из них — на московских предприятиях. Сразу оговоримся: ЭЭ это еще не реформа. Хозяйственная реформа предполагает относительно целостный, внутренне непротиворечивый и полный набор мероприятий, кото-

осознаёт, что в ходе „перестройки“ он свою высокопоставленную должность наверняка потеряет. Ему не с чем обращаться ни к пленуму ЦК, ни к партийному съезду.

Позиции Горбачева станут по-настоящему шаткими лишь тогда, когда начнут реально и широко ощущаться „сдвижные“ последствия перестройки „экономического механизма“. Эти последствия затронут не только верхнюю пленку партийнократов, но гораздо шире — целые социальные слои и группы населения. Использовать их эмоциональное недовольство в борьбе за власть на верхах — это уже дело партийной техники.

Либо, наоборот, позиции Горбачева станут по-настоящему непрочными, если Система быстро отторгнет попытки ее реформировать, и всем станет ясно, что фокус перестройки не удался. Голова генсека будет тогда наиболее вероятной данью, которую КПСС должна будет заплатить за разочарования и несбывшиеся надежды.

В этом реальные опасности, подстерегающие Горбачева с двух сторон. Как далеко ему удастся пройти по его узкой „тропе войны“?..

рый вступает в силу для всех областей хозяйственной деятельности, требует неукоснительного исполнения и не подлежит пересмотру в обозримом будущем. Эксперимент, напротив, предполагает лишь проверку выдвигаемых предложений и критику частного опыта для его оперативного изменения.

В 1984 г. ЭЭ проводился в 5 отраслях промышленности и на отдельных предприятиях других отраслей. В итоге экспериментаторы обоснованно сомневаются: а не примут ли полученные частные результаты иной вид при повсеместном распространении ЭЭ? Так, в частности, они говорят, что преимущество в материально-техническом снабжении, которое имели включенные в ЭЭ предприятия, будет утеряно в условиях его повсеместности, и недостатки такого снабжения могут перечеркнуть все ожидаемые результаты.

Еще один вывод: ЭЭ предполагает научно-обоснованную критику, опирающуюся на анализ хода ЭЭ. „Отметим лишь, — констатируют Железко и др., — что критика (пока что) не поднялась до уровня общетеоретических моделей“⁷.

Если внимательно читать советскую прессу, то в каждом номере „Правды”, „Известий”, „Экономической газеты” без труда можно отыскать статьи об ЭЭ, но, как правило, они носят пропагандистский, а не научный характер.

Если первым объектом ЭЭ был Госплан СССР, то вторую волну образуют предприятия. В настоящее время выявился существенный порок ЭЭ — его неразработанность в деталях! Предприятия поэтому вынуждены приспосабливать ЭЭ под свои ситуации и проблемы. Так, например, применялись различные способы материального стимулирования. Подразделения предприятий поощряются либо одновременно по 3 основным показателям, лежащим в основании образования фондов материального стимулирования, либо же в зависимости от того, на какой из этих показателей данное подразделение оказывает наибольшее влияние. По-разному выделяются исходные единицы предприятия, для которых рассчитываются эти показатели. В одних случаях — это цеха, в других — бригады. Экспериментаторы полагают, что бригадные формы труда ближе к ЭЭ: бригада, по-видимому, наиболее адекватная единица для укрупненного расчета и оценки новых планируемых показателей. При эксперименте весьма значительно варьируется система надбавок к окладам. Зачастую создается мнение, что ЭЭ означает немедленное увеличение премирования всем и вся — при выполнении условий ЭЭ. Обманутые ожидания приводят к тому, что трудящиеся меняют положительное отношение к ЭЭ на остороженное и отрицательное. Что же касается фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, то его влияние несущественно: за время ЭЭ фонд не успел заметно возрасти, а его обеспечение ресурсами не стало лучше. Кроме того, министерства до сих пор фактически не получили определения своих прав и обязанностей в ЭЭ.

Очевидный результат эксперимента, отмечают его исследователи, — значительное сокращение невыполнения плана поставок по договорам. Объясняется это просто: появились дополнительные возможности оплачивать хороший труд, особенно тем категориям, которые в последние годы были лишены нормальной оплаты своего труда.

Тем не менее, подчеркивают советские экономисты, *важные цели ЭЭ не достигнуты вовсе или достигнуты лишь в малой степени!*

ЭЭ предполагал резкое увеличение само-

стоятельности предприятий в планировании номенклатуры изделий, но этого не произошло. Советские предприятия, как правило, не могут и в условиях ЭЭ избавиться от производства устаревшей и убыточной для них продукции, поскольку спрос на нее существует и снятие ее означает остановку производства у традиционных потребителей данной продукции. О том, что эта проблема не так проста, пишет А. Никитин. В его статье „Стрессы на лестнице” („Правда”, 10.1.1985 года) рассказывалось о снятии с производства Пермским электротехническим заводом двигателей для стиральной машины „Малютка”, много лет пользующейся повышенным спросом у населения.

В связи с такой ситуацией министерства вынуждены контролировать выпуск самой широкой номенклатуры изделий вне зависимости от того, какова основная планируемая номенклатура. Предприятия обязываются к заключению договоров с определенными потребителями, по определенной номенклатуре и по невыгодной для них цене.

Казалось бы также, что ЭЭ предоставляет предприятиям право варьировать численность персонала при нормативном фонде заработной платы, позволяя, в частности, увеличивать заработки работающих за счет сокращения их общей численности. Однако практически желаемого сокращения числа работающих (с расчетом на последующую ликвидацию дефицита рабочей силы) не происходит по нескольким причинам. Первая — неверие в длительное сохранение ЭЭ и опасение, что после реального сокращения числа работающих фонд зарплаты будет соотнесен с наличным персоналом по фактическим нормативам средней зарплаты. А это поведет к увеличению интенсивности труда без компенсации его в оплате. Вторая — желание и даже необходимость держать лишних работников для аврального исполнения работ и отвлечения персонала на внешние задания. (Вспомнив по этому поводу злключения щекинцев при их эксперименте.)

Казалось бы, ЭЭ обеспечил определенное увеличение средств, оставляемых предприятию и идущих на техническое перевооружение — простое или даже расширенное воспроизводство. Однако в жизни выделяемых средств по-прежнему недостаточно даже для простого воспроизводства. Ответ на вопрос о возможности расширенного воспроизводства на уровне предприятий без введения свободных рыночных отношений в ходе ЭЭ до сих пор не найден.

Предполагалось, что ЭЭ явится дополнительным стимулом к интенсификации производственных процессов, и в частности, к увеличению числа продуктивных технологических нововведений. На это направлены такие меры, как поощрение выпуска новой продукции, продукции на экспорт и финансовые санкции за выпуск устаревшей продукции. Но инновационного подема не обнаруживается. Объясняется это тем, что основные усилия ЭЭ направлены на соблюдение сроков поставок по договорам в пределах заказываемой номенклатуры. Зачастую новая комбинация уже известных элементов выдается за качественно новое изделие. Облегченный подход к новому может поддерживаться и избираемыми произвольно критериями новизны. К примеру, Минэлектротехпром принял определение нового как того, что не уступает, а даже превосходит имеющиеся отечественные и зарубежные образцы. Но это определение не годится, поскольку новое заложено не в массовой продукции, а в патентах и проектах новых изделий. Управление инновационными процессами главным образом за счет прямого их стимулирования таким образом оказывается весьма проблематичным.

Трудно говорить о концентрации, социализации и кооперировании производства в СССР, где сложилось и неуклонно растет „натуральное хозяйство”, наиболее мощным „сектором” которого являются механические производства и цеха в немашиностроительных отраслях. Это „натуральное хозяйство” тяжким грузом лежит на экономике страны, снижая технический уровень производства и отвлекая значительную часть производственного аппарата и материальных ресурсов. Неуверенность в кооперировании обуславливает неоправданный рост оборотных средств, омертвление товарно-материальных ценностей на многие миллиарды рублей. Из всего парка металлообрабатывающего оборудования страны на машиностроительных заводах в конце 1983 г. на новую продукцию работало только 41,5% этого парка; 16,9% находилось в ремонтах и инструментальных цехах и 41,6% — в механических цехах других отраслей экономики. Таким образом, *58,8% парка оборудования находится до сих пор за пределами основного машиностроительного производства! При наличии такого „натурального хозяйства” трудно проводить экспериментирование по увеличению числа продуктивных технологических нововведений.*

Для понимания специфики ЭЭ очень важно то, что постоянно изменяются его исходные посыпки. Имеется в виду не последовательность ЭЭ, где такая смена закономерна, а изменения в процессе ЭЭ в отведенное ему время. Следует сказать, что во всех ЭЭ менялись исходные данные в процессе работы. С точки зрения естественно-научного эксперимента это — запрещенный прием, один из наиболее серьезных изъянов его методологии. Первоначально организатором ЭЭ выступал Госплан СССР. Он и разработал условия ЭЭ. Но в дальнейшем в дело вмешались партийные органы — ЦК и Политбюро во главе с Горбачевым. А партия, как известно, вмешивается во все, не обладая компетентностью, присущей академикам и ученым. Именно поэтому менялись исходные данные, хотя ЭЭ еще и не закончен. По партийному вмешательству неоднократно изменялись направления ЭЭ. А если эксперимент уже в процессе его проведения получил новое направление, то анализ сделанного ничего не стоит. Советские экономисты отмечают, что пока разрабатываются лишь формы моделирования различных вариантов ЭЭ. Поэтому, — утверждаю они, — „нельзя сказать, как адаптировались проводимые ЭЭ к среде...”⁸. Следовательно, только после окончания эксперимента может быть произведена окончательная экспертная оценка проводимых в СССР экономических экспериментов. Внедрять непроверенный „опыт” в практику преждевременно!

Выводы

Редактируемый академиком Аганбегяном новосибирский журнал „ЭКО” посвятил немало страниц экономическому экспериментаторству. В ноябре прошлого года он собрал за круглым столом руководителей предприятий участников ЭЭ⁹. Выводы из этого обсуждения можно резюмировать так:

— За время ЭЭ не произошло заметного улучшения стиля работы аппарата министерств, проводящих ЭЭ, и особенно аппарата ВПО. Производственные объединения (предприятия) слабо привлекаются к разработке пятилетних и годовых планов. Плохо используются возможности по совершенствованию внутризаводского планирования, хозрасчета, материального стимулирования. В ходе ЭЭ произошло определенное ограничение прав предприятий по разработке премиальных систем.

— Объемные показатели основных видов продукции в пятилетнем плане не обеспечены достаточными лимитами материально-технических ресурсов в годовых планах.

— Госнаб СССР до сих пор не перевел производственные объединения на прямые длительные связи по поставке материалов, металлопроката, лесоматериалов и комплектующих изделий.

— Предприятиям до сих пор не предоставлено право самостоятельно устанавливать численность АУП (административно-управленческого персонала) в пределах общей численности работающих. Предприятия до сих пор связаны ежегодными заданиями по сокращению численности АУП.

— Предприятиям до сих пор не разрешено создавать резерва из неиспользованной части фонда заработной платы.

— Не установлена квалификация инженеров по нескольким классам, не повышены их должностные оклады, в то время как минимальный оклад должен быть не ниже тарифной ставки рабочего 5 разряда.

— До сих пор не увеличены нормативы отчислений в поощрительные фонды экономического стимулирования от снижения себестоимости и роста производительности труда.

— До сих пор не распространен эксперимент, проводимый на предприятиях Минэлектротехпрома по образованию единого фонда материального поощрения, на другие министерства.

— Не увеличены размеры сумм, направленных на премирование.

— Не дифференцированы размеры премий отделов и служб объединений в зависимости от конкретного вклада в повышение эффективности производства.

— До сих пор не организована работа центральных органов управления, министерств и ведомств по обеспечению условий для реализации принципов ЭЭ, для решения возникающих в его ходе вопросов и для распространения ЭЭ во всех отраслях народного хозяйства.

Перечисленные в этом резюме недостатки, все без исключения — недостатки директивного бюрократического управления, не обеспечивающего условий, при которых ЭЭ мог бы оказаться успешным. Мог бы... Если бы...

Увы, нам кажется, что устранение этих недостатков помогло бы не больше, чем все бесчисленные управленческие мероприятия, предпринятые в сельском хозяйстве в ходе

злосчастной попытки построения социалистической директивной экономики. И нам кажется, что никакие ЭЭ в рамках этой попытки не могут помочь по одной-единственной причине: хозяйство это социалистическое. За круглым столом „ЭКО” С. Леонов, замначальника Всесоюзного промобъединения по производству светотехнического оборудования, сказал: „Эксперимент вообще надо было начать с Госнаба СССР и четкого определения его роли. Когда говоришь с директорами предприятий об ЭЭ, часто слышишь: 'Обеспечьте нас материалами, и мы выполним все, что запланировано'”¹⁰.

Вот она правда как экономическая категория!

В течение тысячелетий, сквозь все эпохи и формации, с тех пор как началось разделение труда и обмен продуктами производства, снабжение на всех его уровнях происходило посредством рынка, а не на основании централизованной системы распределения. Замысел планового хозяйства, создание экономики, управляемой бюрократическим аппаратом, замена рыночных отношений Госпланом и Госнабом привела не только к порокам, перечисленным Горбачевым. Worse того, она довела до общегосударственных масштабов коррупцию, очковтирательство, лакировку действительности, спекуляцию, черный рынок, хищническое разбазаривание природных ресурсов, экономическую неправду.

Замысел социалистического планового хозяйства неосуществим. Он противоречит природе хозяйствующего человека. И миллион терзаний советских хозяйственников кончится лишь тогда, когда, — говоря словами Горбачева, с которых мы начали нашу статью, — человек в нашей стране перестанет „слышать одно, а в жизни видеть другое”, когда хозяйственники смогут говорить друг с другом и с потребителем „языком правды”.

(Заключительная часть статьи Ф. Незнанского и Р. Редиха „Миллион терзаний”, „Посев” № 2, 1986 г.)

6. С. Н. Железко, Б. В. Сазонова, А. Е. Чирикова. Перемены в ходе перемен. „ЭКО”, № 11, 1985 г., сс.79-88.

7. Там же, с. 81.

8. Там же, с. 88.

9. „Круглый стол”. „ЭКО”, № 11, 1985 г., сс.58—78.

10. Там же, сс. 58—78.

Какую экономику они хотят?

Александр ЮГОВ

Статьи И. Боброва „Экономическая форма нужна... какая?“ („Посев” № 10, 1985) и „Надо совместить рынок и план“ („Посев” № 1, 1986) как бы символизируют начало нового этапа во взаимоотношениях политической эмиграции и теми внутрироссийскими специалистами, которых принято называть „конструктивными силами“.

В материалах, подобных статьям И. Боброва, пожалуй, впервые, через „головы правительств” и официальных цензурируемых изданий, идет свободная и откровенная перекличка идей, мнений, предсказаний. Причем, не по какому-либо частному вопросу, а по проблеме, имеющей общегосударственное значение.

В этом видятся новые штрихи „тамиздатных” публикаций российских авторов. В этом их конструктивная, объективная ценность. Ведь о судьбах своей страны обязан думать каждый ее гражданин, имеющий необходимую профессиональную и жизненную подготовку. Это — не прерогатива назначенных, отобранных партийных функционеров. Конструктивная критика методов управления экономикой должна происходить непрерывно, а не тогда, когда страна уже уткнулась в тупик. Такая критика — не монополия новоиспеченного генсека, но гражданская обязанность каждого думающего и компетентного специалиста.

Как заглянуть в душу реформаторам?

В первой из опубликованных статей И. Бобров оспаривает мое замечание, что „экономические методы регулирования производства”, к которым призывают авторы „Новосибирского меморандума”, по существу (а еще правильнее было бы сказать — по логическим последствиям)

„аналогичны тем, которые заложены в основу функционирования рыночной экономики и составляют основное содержание документа „Основы обновления народного хозяйства”, разработанного по поручению НТС группой экономистов” („Посев” № 10, 1985).

В этой связи И. Бобров пишет:

„...новосибирцы не случайно нигде не употребляют термин „рыночная экономика” применительно к предлагаемой ими новой модели хозяйствования. Подобное замалчивание, на наш взгляд, — не просто следствие пугающего ореола, возникшего вокруг этого термина в советской экономической науке и среди хозяйственных руководителей, но имеет более серьезные основания. Авторы, по видимому, действительно не предполагают внедрять принципы рыночной экономики в чистом виде”.

А что такое „рыночная экономика в чистом виде”? Рыночная экономика, как любое сложное социально-экономическое явление, — категория динамичная, она претерпевает непрерывный процесс саморегулирования. И сегодня она совсем не та, что во времена Адама Смита или Карла Маркса, поскольку отражает все многообразие жизненных ингредиентов. Что касается „чистоты вида”, то это категория неопределенная.

В своей второй статье, рассуждая о плановой экономике и рыночном хозяйстве, сам Бобров пишет:

„В чистом виде ни та, ни другая система не встречаются, пожалуй, нигде” („Посев” № 1, 1986).

Но авторы „Основ”, которые это тоже понимают, нигде и не предлагают внедрять рыночную экономику в „чистом виде”. Они предлагают внедрять элементы рыночной экономики постепенно, последовательно.

О „чистоте вида” современного рыночного хозяйства можно спорить до бесконечности. Но трудно ставить под сомнение принципиальные различия двух общественно-социальных систем. И если одна готовится привить себе элементы другой, а другая ни в каких прививках не нуждается, так как развивается и регулируется естественно, — то вывод напрашивается сам собой.

Но вслух делать этот вывод нельзя, он — с точки зрения верховных партocrats — разрушителен. Поэтому ни Горбачев, ни ученые-экономисты, выполняющие заказ

Политбюро, не могут сказать, что они — за постепенное введение рыночной экономики, пусть даже и в „нечистом” виде.

Они не говорят (и никогда не скажут!) „методы конкурентно-рыночной экономики”, но „экономические методы”. Так что же — до сих пор в стране господствовали внеэкономические или даже антиэкономические методы? Хорошенкое дело!

Они не говорят „предприятия должны стать полноценными (то есть юридическими) хозяевами”, но „предприятия должны перейти на хозрасчет”. Или еще гибче: „повысить самостоятельность предприятий”. Какое емкое и выгодное слово — „повысить”! До какого уровня? Что взять за образец? Может быть, стоит „вызять” до уровня самостоятельности западных предприятий?

Они не говорят даже об экономических реформах, но о „дальнейшем совершенствовании экономики”. Совершенствовали эту несчастную экономику при всех генсеках. И до того усовершенствовали, что все переделывать надо...

В таких пропагандных эвфемизмах верховные партократы достигли большого искусства. Для подобного терминологического лицемерия им даже не нужно никаких усилий, оно происходит у них как бы автоматически. В какую бы пропасть жрецы марксизма-ленинизма ни скатывались, они, оказывается, продолжают восхождение к своим сияющим вершинам, надо лишь чуть-чуть скорректировать маршрут...

И. Бобров считает, что „отсутствие в новосибирском документе ссылок на рыночную экономику — не маскировка, а п о з и ц и я”. Может быть. Но полной уверенности в этом нет. Когда мы читаем распространяемые самиздатом высказывания на социально-экономические темы А. Сахарова, Ю. Орлова, М. Руденко, Л. Тимофеева и многих других оппозиционеров, то мы уверены в их полной идентичности их мыслям. Когда же начинают официально высказываться правящие партократы или привилегированные ученые, — таких гарантий нет.

Если все высказывания последних принимать за чистую монету, то можно прийти к абсурду. Например, в своем интервью („Выбор стратегии”, „Известия”, 1 июня 1985 г.) академик Т. Заславская утверждает, что

„В основе поведения людей всегда лежит интерес. Осознанный или неосознанный. Но именно он определяет главные поступки”.

Совершенно справедливый, на наш взгляд, постулат. Но Татьяна Ивановна хорошо чувствует, что в слове „всегда” заложена мина: значит не удалось и не удастся переделать человека так, чтобы им целиком управлял коллективный интерес государства (читай — Партии). И она спешит укрыться за спиной Основоположников, приводя цитату (долго, видимо, искала!) из работы Маркса и Энгельса „Святое семейство”:

„Идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса”.

Но ведь главная идея Основоположников не просто отделялась, а вдохновенно воевала с частнособственническим интересом. Выходит, марксизм уже загодя, согласно Марксу, был обречен на посрамление? (Поздно спохватились!) Теперь же, чтобы хоть как-то реабилитировать понятие прибыли (интереса) выгоднее всего сослаться тоже на Маркса и Энгельса, нужно только найти у них цитаты, прямо противоположные сути марксизма. Хорошо еще, что Основоположники так много изрекали — всегда можно подобрать нужную цитату...

В высказываниях современных (по должности) марксистов грунтовые общественно-социальные понятия вообще теряют свой изначальный смысл. И это относится не только к советским марксистам. Как-то мне довелось смотреть по телевидению дискуссию с участием китайского журналиста. В ответ на полуиронические замечания коллег, что коммунистический Китай пошел по капиталистическому пути, китаец, не будучи, видимо, уверенным, какую партийную позицию он должен сейчас занять, не нашел ничего лучшего, как возразить: нет; КНР по-прежнему строит социализм, но... капиталистический социализм!

Да что там рядовой журналист! На последнем съезде китайской компартии в сентябре 1985 года сам Дэн Сяопин, защищаясь от нападок своего сверстника (81 год) маршала Чэнь Юня, клялся в верности марксизму и доказывал, что проводимые по его, Дэна, инициативе экономические реформы — наилучшее средство для построения „полноценного коммунизма”. Полноценный коммунизм, построенный капиталистическими методами...

Вступать против идеологического фундамента марксистско-ленинской доктрины да-

же партийный лидер может лишь иносказательно, со всеми мимикрическими предосторожностями. Никак не в лобовой атаке, а в обход, исподволь, под маркой „дальнейшего улучшения” Системы. Иначе он закончит свою карьеру, не успев даже как следует начать эту опасную игру.

Но такая игра делает неопределенными истинные планы и намерения. То ли верховные реформаторы на самом деле верят в возможность создания выгодного для себя гибрида, который позволил бы сочетать эффективность экономики с полным контролем над ней ЦК и Политбюро. То ли они понимают, что „экономические методы” не могут не привести к изменению сути и содержания всей Системы, но уповают при этом на время и замедленность процесса.

Но как тогда точно определить: что у них — убежденность, а что — мимикрия? что — вера, а что — тактика?

Плановость — категория неформальная

Убедительный взгляд на „план” и „планирование” довольно подробно изложен в редакционном примечании ко второй статье И. Боброва („Посев” № 1, 1986). Я бы здесь хотел коснуться только одного аспекта проблемы — качества планирования. Пора, наконец, пойти к истокам этого понятия и сделать вывод: что в условиях все более усложняющейся экономической системы есть наилучшее, оптимальное планирование, а что — формализованный суррогат.

Мы полностью разделяем то теоретическое положение, которое И. Бобров иллюстрирует цитатой из работ западногерманского экономиста Рихарда фон Либлинштерна:

„Борьбы планирования и рыночного хозяйства не существует, поскольку то и другое является не критериями двух систем, а факторами, одинаково необходимыми в сложном индустриальном обществе. Дело лишь в мере”.

Практика современного индустриального общества на каждом шагу подтверждает это положение. Рыночная, или, правильнее, социально-рыночная экономика, ни шагу не делает без плана. Любые решения, от увеличения выпуска продукции семейной фирмы до государственных постановлений, влекущих за собой изменения в масштабе всей страны, — суть п л а н о в ы е решения. Базируются

же они на отличном знании рынка. Рынок изучается всеми возможными методами, исключая изучение психологии потребителя и динамики ее изменения. Методов и приемов много, но все они сливаются в одну равнодействующую силу — *высокое соответствие ожидаемого результата результату реальному*. Несоответствие означает плохое качество планирования и наказывается быстро и жестоко. Для предпринятия на кону стоит само его существование, для правительства — доверие населения к его действиям, а следовательно, возможность его смены. Фактически, идет непрерывный процесс отбора в зависимости от того фактора, который можно назвать качеством планирования (управления). Мы ведь не случайно говорим: „Руководить — значит предвидеть”.

Поэтому призывы совместить рынок и план для социально-рыночной экономики — все равно что ломиться в открытую дверь. Рынок и план здесь давно совмещены. И методы планирования все время становятся более надежными и точными.

Но именно требования надежности и точности заставляют отвергнуть принцип директивного планирования, который ни тем, ни другим не обладает. Многолетняя практика социалистических государств показывает это весьма отчетливо. Нельзя же без конца все диспропорции, все нехватки и затоваривания сваливать на субъективные „ошибки в планировании”, пора уже признать порочность самого принципа директивного планирования.

Только в насмешку можно называть „планированием” ежегодные задания собрать в целом по стране 235—240 млн. тонн зерна, в то время как реальный урожай каждый год на 30—40% меньше намеченной цифры. А если учитывать только качественное зерно, действительно попавшее в закрома и не сгнившее там от влажности, то будет вообще пол-плана. Это не планирование, а фарс: даже величину формально (не реально!) собранного урожая зерновых перестали публиковать!

Министерство сельского хозяйства США не может приказывать фермерам, что и сколько собирать. Но ожидаемый урожай оно предсказывает с высокой степенью точности, несмотря на сильное влияние непостоянных погодных факторов. И министерство прекрасно знает, насколько может увеличиться суммарный урожай, если фермерам

гарантировать сбыт зерна. Поэтому „неплановые“ Соединенные Штаты и требуют от „планового“ Советского Союза точных цифр предстоящих закупок зерна, поэтому им и нужно знать гарантированный минимум этих закупок.

Какова может быть оценка качества централизованного планирования, если потребителя при нем непрерывно лихорадит: то дефицит, то затоваривание? Некоторые изделия (например, мыло, постельное белье, швейные машины и др.) в СССР уже несколько раз становились то остродефицитными, то прочнотатоваренными. И что это за планирование, если дефицитными могут быть такие простейшие потребительские товары, как спички, электролампочки, стиральный порошок, зубная паста, термометры, бритвенные лезвия, ножницы, электрочайники, чугунные сковородки и т. п.?

Марксистский термин „анархия производства“ если и имеет сегодня реальную жизненную проекцию, то только в условиях экономики реального социализма. Именно там совершенно непонятным образом перепроизводство и затоваривание соседствуют и переплетаются с вечной нехваткой и дефицитом.

В условиях „рыночного планирования“ такое состояние невозможно. До острого дефицита дело не доходит: производство реагирует на первые же признаки повышения спроса. И прочного затоваривания не может быть, так как производство начинает сокращаться уже при первых сигналах снижения спроса. А торговый посредник никогда не пойдет на риск закупки больших партий товаров без гарантии, что он их продаст. Нарушающие эти правила быстро выходят из игры.

И. Бобров цитирует слова В. Новожилова, явно соглашаясь с ним:

„Большая длительность обратной связи — существенный недостаток рыночной системы“.

Это — с большой головы да на здоровую! Как раз при рыночной системе обратная связь от потребителя к производителю быстрая и действенная. А вот при директивном планировании она и десятилетиями не срабатывает. Уже все полки завалены, склады забиты, в газетах пишут фельетоны о затоваренных изделиях, а предприятия как ни в чем не бывало продолжают выпускать ненужную, некачественную, немодную продук-

цию. Так что не стоило бы в защиту централизованного планирования говорить об „обратной связи“. В доме повешенного не говорят о веревке.

И это речь идет о потребительских товарах, где обратная связь от потребителя, пусть с огромным запазданием, но все же срабатывает. Что же сказать о средствах производства, которые не продаются, а распределяются? В статье „Перестройка“ („Известия“, 25 июля 1985 года) публицист О. Ладиц приводит рассказ одного директора завода:

„Заказываю расточные станки — не дают, предлагают токарные. Мне они не нужны, но беру: не используюшь деньги — на следующий год не выделят. А наверху фиксируют: есть спрос на токарные, продолжать выпуск“.

Тут и „обратная связь“, и качество „планирования“... А ведь картина типичная для советской экономики.

Система централизованного директивного планирования хотя и называется привычно плановой экономикой, но плановость-то в ней липовая. Если, разумеется, под качественным планированием понимать не формальный метод, а соответствие реально получаемого результата выявленным и намеченным нуждам потребителя, то есть общества в целом. Формальный метод, заключающийся в распределении сверху контрольных цифр и сборе снизу учетных данных, якобы отражающих реальный спрос, — это лишь упаковка плановости. Содержание же у нее фиктивное.

Но из этого как раз следует, „что метод централизованного планирования должен быть решительно отброшен“. Порочный принцип не должен быть „дополнен другими принципами хозяйствования“, а устранен. Заменен принципом рыночного планирования, который доказал свою надежность и точность.

Другое дело, что такая замена может происходить путем последовательного и планомерного (!) демонтажа централизованного планирования. Но это уже вопрос не теории, а технологии.

*Не стоит изобретать
„конвергентный“ велосипед*

В своей второй статье И. Бобров много времени уделяет анализу социально-рыноч-

ной экономики. Тема очень важная, особенно в свете провозглашенной перестройки советского экономического механизма. О принципах и тенденциях социально-рыночной экономики „Посев“ уже писал не один раз, и, видимо, будет к ним возвращаться: тема становится все более актуальной.

Здесь хотелось бы отметить только одно. И. Бобров считает, что социально-рыночная экономика в законченном виде есть только в ФРГ. И она там стала таковой лишь в два последних десятилетия. До этого в ФРГ, как и в других развитых странах Запада, экономика была больше рыночной. Только вобрав в себя элементы государственного планирования, она стала социально-рыночной.

Все это, конечно, следствие терминологических упрощений, с одной стороны, и желания наглядной и ясной дифференциации, с другой. На самом деле никакой четкой границы тут провести невозможно. Любая экономика рыночного типа будет одновременно и социальной. Хотя бы уже потому, что „прогрессивное налогообложение и различные формы социального вспомоществования“ существуют сегодня повсюду. Различия лишь в степени, в уровне. Уровень же этот — в первую очередь функция от темпа роста национального дохода, то есть от эффективности экономического механизма в целом. Социальное перераспределение — это телега, которая следует за лошастью рыночного производства. Попытки двигать телегу перед лошадью оканчиваются плохо. Что особенно ясно видно на примере стран реального социализма.

И тут хотелось бы подчеркнуть одно-сторонность и грубую приближительность вывода И. Боброва — „*в социально-рыночной системе социальный аспект противоречит рыночному*“. Сформулировано неверно, недиалектически. Взаимоотношение между этими двумя аспектами гораздо глубже. Да, между ними постоянные противоречия, борьба — открытая или скрытая, напряженная или умеренная — в зависимости от политического климата в стране. Но между ними же и солидарное взаимодействие, взаимодополняемость. Конечно, тяжело нагруженную „социальную телегу“ „рыночная лошадь“ не повезет так же быстро, как пустую. Но для чего вообще гнать пустую „телегу“? Государственная задача в том и состоит, чтобы „лошадь“ могла тянуть полную „телегу“ с достаточной скоростью, не давая обгонять себя

соседям. В этом — а не в военных завоеваниях — видятся сегодня национальные устремления на планетарном стадионе.

Рыночный и социальный аспекты не только сдерживают друг друга, но и подталкивают друг друга к лучшему, более насыщенному развитию. Хорошо функционирующая социально-рыночная экономика (СРЭ) как бы все время ищет — чему в данный момент отдать приоритет. Чересчур сильно, „не по карману“ развился социальный аспект системы, — нужно сдержать его, отдать назад, форсировать аспект рыночно-производительный. Чересчур отстал социальный аспект от производственно-рыночного накопления, — значит в стране обязательно возрастут социальные напряжения. А это может вылиться в непоправимый удар по всей экономике. Поэтому СРЭ обязана все время искать оптимальное, безкризисное соотношение.

Современная социально-рыночная экономика — система саморегулирующаяся. Ее по инерции часто называют „капитализмом“, но с первоначальным капитализмом, — тем, который прочно зафиксирован в марксистских трудах, — она имеет мало общего. Она научилась преодолевать и смягчать кризисные ситуации и даже профилактически предупреждать их. Развиваясь и совершенствуясь, она научилась быстро реагировать на все перемены в мире, как экономические, так и политические. „Органы реагирования“ системы (правительства, партии, профсоюзы, средства массовой информации, биржи, банки и т. д.) отвечают на все изменения внутри ее быстро и каждый в свою сторону. Равнодействующая всех реакций и составляет вектор изменения системы. Производители материальных благ и услуг, необходимых обществу, обязаны правильно воспринять полученные от „органов реагирования“ сигналы и трансформировать их в нужные изменения. Это и есть истинная плановость. Кто не сумел своевременно трансформировать полученные сигналы в правильные действия — отстал, потерпел поражение, обанкротился. Процесс естественного отбора и обновления идет непрерывно. Только так саморегулируется, „самоустанавливается“ любая „большая система“.

Не столь уж редкие случаи „перерегуляции“ и необходимости в связи с этим предпринимать „обратный ход“ — лучшее доказательство того, что развитый социально-экономический плюрализм представляет собой

саморегулирующуюся систему. В современных развитых странах не только нет недостатка в государственном планировании (госдирижизме), но порой его оказывается слишком много. И государственный организм начинает страдать от избытка этого фермента.

Если бы это было не так, не было бы нужды в поисках путей снижения степени госдирижизма. А мы сегодня наблюдаем многие варианты такого снижения в разных странах. Тут и случаи отраслевой денационализации. И поиски наиболее эффективных способов реприватизации неэффективных государственных и полугосударственных предприятий. И принципиальный отказ правительств от грубого вмешательства в экономическую конъюнктуру. И прекращение государственных субсидий. И демонтаж разросшегося штата госслужащих. И анти-трестовские, „антидиффузионные” законы. И повышение роли местных властей, то есть повышение административной автономности.

Все это, если вникнуть в суть, — явления одного порядка. Они направлены на увеличение производственно-рыночных и уменьшение планово-распределительных составляющих СРЭ.

Но если система социально-рыночного плюрализма — система саморегулирующаяся, если она даже сплошь и рядом поддается „перерегуляции”, то как можно всерьез говорить о создании какой-то искусственной, гибридной структуры, обеспечивающей строго определенное, правильное соотношение „плановых” и „рыночных” методов управления? Правильное соотношение зависит от десятка различных факторов. Оно не может быть строго определенным, но всегда должно быть в динамическом изменении. Искусственно такое соотношение не построишь и не зафиксируешь, оно обязательно меняется вместе с изменением международной ситуации, политического и экономического положения данного государства, менталитета и уровня сознательности народа и т. д.

Сам И. Бобров пишет:

„Вопрос о степени, мере сочетания планового и рыночного начал — это вопрос конкретной экономической политики”.

Совершенно верно, но тогда о чем спорить? Конкретной и называется та полити-

ка, которая меняется во времени и в „национально-историческом” пространстве. Следовательно, к оптимальной (то есть теоретической, абстрактной) „мере сочетания” нужно непрерывно стремиться, но ее невозможно раз и навсегда установить. А значит невозможно искусственно, так сказать, конвергентным образом, построить структуру со строго установленной „мерой сочетания”.

Можно согласиться с тем, что степень рыночного начала в социалистической экономике должна повышаться постепенно, ступенчатым образом. Любая перестройка, а тем более столь коренная, сопровождается наименьшими потерями, если она протекает последовательно, шаг за шагом, а не по принципу „все вдруг”, со срывами и стрессами. Но она все равно в итоге должна привести к той же „мере сочетания”, к которой свободная рыночная экономика пришла в результате векового саморегулирующегося развития.

Иначе нужно было бы признать возможность создания особых и неизменяющихся „кентавров”. В свете очевидного тупика, в который уперлась система реального социализма, коммунистическим вождям очень хотелось бы создать, а затем и оседлать таких вот искусственных кентавров. И тем самым изгибно обойти тупик, не признавая в нем всенародно. И как бы даже не поворачивая назад. Но, увы, тупик этот слишком очевиден, и так безболезненно обойти его не удастся.

Будет ли успешным „оживление”?

И. Бобров пишет, что авторам новосибирского меморандума представляется наиболее важным

„исследовать идеологические и социальные антигены, питаемые генетическими особенностями системы, которые способствуют отторжению вживляемых в ткань производственных отношений социализма качественно иных хозяйственных принципов и „нейтрализация” которых позволила бы открыть новую фазу социального и экономического прогресса России”.

Сформулировано образно и хорошо. В сущности, это — главная проблема. Изменится ли в результате „оживления” сам государственный организм, в какой мере изменится, чем и когда закончатся изменения — это

в известной мере спор теоретический, а по-сему он и не столь важен. Здесь, как говорится, жизнь рассудит. Одни уверены, что организм в результате претерпит необратимые изменения. Другие думают (или делают вид, что так думают...), что изменения не затронут основные функции всего организма. Второй категории даже психологически легче пойти на радикальные перемены. Особенно, если речь идет о верховных реформаторах.

Важно же, чтобы на практике планируемые „вживления“ не отторгались весьма быстро. Увы, нет никаких гарантий, что этого не произойдет. Наоборот, весь предыдущий опыт реформ, или, точнее, реформистских попыток, говорит о том, что „силы отторжения“ в идеократической системе необычайно сильны. Не будем уже говорить о НЭПе, он был сознательной попыткой Ленина и его соратников „чуждыми“ экономическими методами исправить „свой“ результаты — а там опять встать на марксистские, „свой“ рельсы. Но вот мы уже видели, как быстро отторгла Система реформы 1965 года. И целый ряд разрозненных мелких попыток. И попыток аналогичных реформ в других соцстранах.

Венгерский опыт последних лет тоже ничего иного не доказывает. Во-первых, продвижение здесь не столь уж велико*. Во-вторых, реформистские сдвиги здесь происходят как бы на обочине социалгоса, под мощным прикрытием „старшего брата“. Такое прикрытия — своего рода стабилизатор неустойчивого промежуточного состояния Венгрии. Без него гораздо резче встала бы дилемма: продвигаться с ускорением дальше? или „отторгать“ уже внедренное?

Опыт КНР, наиболее существенный, тоже еще ничего не доказал. Пока экономические реформы могут идти лишь под флагом „построения полноценного коммунизма“, — нет никакой гарантии, что они необратимы.

А ведь советский социалистический организм гораздо более подвержен силам отторжения, чем китайский. Укорененность структуры и „административных методов“ в СССР глубже. Сильнее искоренена массовая психология. На плечах СССР лежит тяжелейший идеологический груз возглавления ком-

мунистического движения в мире, и этот груз придавливает к фундаменту доктрины.

Авторы новосибирского меморандума откровенно сказали о наличии серьезных препятствий, идеологических и социальных, на пути экономических преобразований. В этом их заслуга. И Бобров совершенно прав, когда говорит о том, что

„идеологическая перестройка научного и хозяйственного мышления... является не только необходимой, но и одной из наиболее болезненных операций в рамках предлагаемых преобразований“

Продолжая аналогию новосибирцев, можно сказать, что перед решающей операцией по вживлению инородных хозяйственных принципов необходима интенсивная химиотерапия, уменьшающая реакцию отторжения. Нельзя сказать, чтобы за прошедшие почти три года с момента появления „Новосибирского меморандума“ (появления, заметим, только в прессе свободного мира) такая „химиотерапия“ в стране активно происходила. Само ощущение тупика и необходимости кардинальной перестройки — это еще не терапия. Нужна решительная борьба за изменение массового сознания, массовой психологии.

Вот поэтому, если говорить откровенно, шансы на успех предстоящего „вживления“ трудно оценить как весьма высокие. Похоже, что большинство думающих людей, как внутри социалгоса, так и вне его, смотрят на перспективы успешного „вживления“ со смешанным чувством надежды и пессимизма, с перевесом в сторону второго. Надежды — потому что без надежды жить невозможно. Пессимизма — потому что положительного опыта, полноценного и доказательного, увы, нет.

Если же опять окажется, что силы „отторжения“ этой системы неодолимы, то это будет трагедией не только для народов России, но только для народов всех остальных стран реального социализма, но для всего человечества. Это будет означать, что нервно-мозговой центр коммунистического заблуждения лечению не поддается, в то время как его метастазы продолжают распространяться по планете. Вывод, что и говорить, малоутешительный.

* См. статью Н. Елагина „Венгерский эксперимент“ („Посев“ № 12, 1985).

Фотокопируйте наиболее ценные, по Вашему мнению, статьи из „Посева“ и посылайте их по почте — на любые адреса.

Новое в западной экономике

Б. ПУШКАРЕВ

Спад стачечного движения в США

Советская пресса, всегда падкая на любые внутренние противоречия „загнивающего капитализма”, последние годы помалкивает о забастовках в США. Причина тому простая: и число, и длительность забастовок в США резко идет на убыль. Тенденция эта впервые наметилась в начале 1970-х годов, а в каждом году после 1979 г. забастовок было меньше, чем в предыдущем.

Министерство труда США последние годы ведет учет только „крупных забастовок”, которые определяются участием более чем одной тысячи рабочих и продолжительностью более чем в одну смену. За первое полугодие 1985 г. таких забастовок в США было 18, и участвовало в них 83 500 человек. Для сравнения: в 1952 г., когда стачечное движение достигло своего апогея, было 470 крупных забастовок и участвовало в них 2 700 000 человек. Грубо говоря, объем забастовочного движения за последние 30 лет уменьшился примерно в 15 раз. Даже в среднем, в 1960-е и 1970-е годы ежегодно происходило 285—крупных забастовок. В прошлом же году их было 62, а в этом будет, по-видимому, наполовину меньше. Вполне возможно, что забастовки вообще сойдут со сцены отношений между трудом и капиталом, превратившись из повседневного — в исключительное явление.

Падение влияния профсоюзов

Спад стачечного движения в какой-то мере связан с другой долгосрочной тенденцией, обозначившейся в США, — падением влияния профсоюзов. Между 1980 и 1984 годами число занятых в США возросло на 3,8 миллиона, а число членов профсоюзов — сократилось на 2,7 миллиона. В результате, в настоящее время только 18% рабочих и служащих США состоят в профсоюзах. В 50-е годы — в период своего наибольшего влияния — профсоюзы охватывали около четверти американских трудящихся. Но рост числа членов профсоюзов уже давно отставал от роста числа занятых, а теперь число первых просто идет

на убыль, даже в таких растущих отраслях народного хозяйства как здравоохранение, электроника, связь, транспорт.

Шире всего охвачены профсоюзным движением служащие федерального и штатного правительства, а также местных самоуправлений, в частности, школьные учителя. Всего из этой категории служащих — 36% состоит в профсоюзах. Слабее всего охвачены финансовые услуги, оптовая и розничная торговля, где только 7% числятся членами профсоюзов. Бывшие бастионы профсоюзного движения — сталелитейная, угольная, машиностроительная и автомобильная промышленность — были сильно поколеблены международной конкуренцией на американском рынке.

В 1950-е и 1960-е годы профсоюзы этих отраслей тяжелой промышленности добились для себя баснословного уровня зарплат. Но ни предприниматель, ни рабочий не может иметь „сверхприбыли”, когда у него появляется конкуренция. Интернационализация мировой экономики, которая быстрыми темпами шла в 1970-е годы и благодаря высокому курсу доллара продолжалась до сих пор, опустошила тяжелую промышленность на северо-западе США. В результате, профсоюзы вынуждены были смириться с резким сокращением числа предприятий и количества занятых, с сокращением зарплаты и рационализацией производства. Для многих переживающих трудные времена предприятий стальной промышленности характерно, например, снижение зарплаты с профсоюзной нормы 21—23 долл. в час до 15 долл. в час.

Надо сказать, что подобные сокращения в течение предыдущих 40 лет были делом совершенно нмыслимым — зарплата по коллективному договору могла идти только вверх. Теперь же они охватили и некоторые другие отрасли народного хозяйства, в которых, ради большей конкурентоспособности, проводится рационализация. Это, например, — целый ряд отраслей транспорта, где в результате реформ, поощряющих свободное ценообразование, снято государственное регулирование тарифов. Так, внутренние авиа-

линии были раньше своего рода монополиями: летали лишь по установленным государством маршрутам, взимали с пассажиров высокие, но одобренные государством цены, и платили своим рабочим и служащим столько, сколько требовал профсоюз: например, опытный летчик мог получать 150 тыс. долларов в год. Когда же в результате реформ конца 1970-х годов на внутреннем воздушном транспорте была допущена конкуренция, то летчики, не члены профсоюза, согласились летать и за 50 тыс. долларов в год. Очевидно, что под влиянием конкуренции вся структура внутреннего воздушного транспорта претерпела резкие потрясения. И понятно, кроме того, что ни события в тяжелой промышленности, ни события в авиации и на транспорте вообще, не способствовали престижу традиционных профсоюзов. В 1980-е годы последние оказались неспособны гарантировать ежегодные прибавки, хотя их члены и были к этому приучены в течение 40 лет. Попытка диспетчеров внутреннего воздушного транспорта устроить нелегальную забастовку окончилась для них плачевно — их всех уволили.

Но падение влияния профсоюзов имело и положительный эффект. Во-первых, когда ежегодные прибавки к зарплате — без какой-либо связи с производительностью труда — перестали быть правилом, уменьшилась инфляция. Сейчас инфляция в США около 4% ежегодно, по сравнению с 13% в 1980 году; прекращение неоправданного роста зарплат сыграло тут хотя и не единственную, но существенную роль. Во-вторых, — и это для нас более интересно, — уступки предпринимателям в области зарплаты привели к новым формам соучастия рабочих в руководстве предприятий.

Новые формы рабочего соучастия в предприятиях

С конца 1983 г. 25% акций авиалинии Eastern Airlines в США принадлежит ее рабочим и служащим, членам профсоюза. Профсоюзный комитет ежемесячно проверяет бухгалтерские книги. Рабочих и служащих заранее извещают о предстоящих капиталовложениях и о политике руководства предприятием. Профсоюзные руководители приняли на себя обязанности по составлению расписаний работы, благодаря чему стала излишней целая прослойка начальства. И

вот, после четырехлетних дефицитов, авиалиния смогла похвастаться прибылью в более чем 100 милл. долл. в первой четверти 1984 г.

Но у Eastern Airlines есть конкурент: он называется People Express. На этой авиалинии профсоюзов нет. Тем не менее, 35% акций принадлежит ее рабочим и служащим. Последние делятся всего на три группы: пилоты, механики и проводники, причем каждый из них, по очереди и по мере надобности, исполняет обязанности и административные, и руководящие. Известный своим новаторством директор компании Дон Бурр пишет: „У нас нет начальства. Каждый из наших служащих — начальник. Но ни у кого из нас нет секретарши.“ Известна также телевизионная реклама с девушкой, отсасывающей болванку из под колеса самолета. Голос говорит: „Вы знаете, как зовут парня, который никогда не скажет: это не мое дело? Владелец!“ Компенсируя чувством со- владения сравнительно низкую зарплату, и будучи свободной от каких-либо профсоюзных ограничений, People Express в состоянии предлагать авиабилеты по чрезвычайно низким ценам, что, в свою очередь, дало ему феноменальный коммерческий успех. С 1981 г. компания, в которой было 250 служащих, выросла в организацию из 4 000 служащих с миллиардным оборотом.

Помимо этих двух авиалиний, еще 5 американских авиакомпаний выработали разные формы рабочего соучастия в прибыли или в управлении в обмен на снижение зарплаты. Пошли на этот шаг и другие предприятия, которым грозила ликвидация из-за того, что слишком высокий уровень зарплаты делал их неконкурентоспособными. В частности, предприятия сталелитейной и пищевой промышленности, а также железная дорога Conrail, акции которой принадлежат частично государству, а частично — самим железнодорожникам. Чтобы хотя бы бегло разобраться во всем этом разнообразии, следует различать участие рабочих в прибыли, участие во владении и, наконец, рабочие кооперативы, полностью контролируемые их служащими.

Участие рабочих в прибыли предприятий

Мысль — делиться прибылью фирмы с ее рабочими возникла в Америке в 1920-е годы, как один из приемов „прогрессивного

управления" и повышения заинтересованности рабочих в делах фирмы. Идея эта заглохла после мирового кризиса 1930 г., но получила новый толчок в 1974 г., когда через Конгресс прошло законодательство о программах передачи акций служащим предприятий, так называемых ESOP (Employee Stock Ownership Plans). Сейчас в США такие программы охватывают около 7 000 фирм и около 10 миллионов человек, то есть около 10% всех рабочих и служащих. Фирмы, участвующие в программе, получают от государства некоторые косвенные налоговые льготы. При этом следует подчеркнуть, что речь в этих программах идет исключительно о деньгах — никакого соучастия рабочих в управлении, они, в огромном большинстве своем, не предусматривают.

Экономическая выгода от участия рабочих в прибыли

Задуманное первоначально как микроэкономическое мероприятие, то есть мероприятие на уровне фирмы, участие рабочих в прибыли теперь приобретает и макроэкономическое оправдание в теории, развитой проф. Мартином Вейцманом из Массачусетского технологического института. Согласно Вейцману, мировой экономический кризис 1930 г., когда миллионы людей оказались без работы, произошел оттого, что не сработал рынок труда. Но вместо того, чтобы исправлять рынок труда, Джон Кейнс создал свою теорию совокупного спроса, и государство последовало его путем, стремясь расширять и регулировать совокупный спрос. Не без „помощи" Второй мировой войны дела шли неплохо до начала 1970-х годов, когда произошла новая осечка. Нарушилась обратная связь между безработицей и инфляцией. Если раньше небольшая доза инфляции позволяла предсказуемо сокращать безработицу, то теперь высокая инфляция и высокая безработица стали, вопреки всем правилам, сосуществовать. Кейнс был дискредитирован, началась контрреволюция монетаристов, заботящихся не о совокупном спросе, а лишь о денежном обращении. Монетаристы подавили, хотя и не ликвидировали, инфляцию. Но оставшийся уровень безработицы — от 7% в США до 11% в Европе — нельзя считать нормальным. Вейцман считает, что и Кейнс, и монетаристы пустились в обход, в то время, как надо брать быка за

рога и исправлять дающий перебои рынок труда.

Если есть безработица, то очевидно, что повышена оплата за труд. Спустите ее — и безработица исчезнет. Весь вопрос, как это сделать. В обществе институционализированы твердые зарплаты и жалования. Как их варьировать в зависимости от спроса на рабочую силу? А так, отвечает Вейцман, что платить не твердую зарплату, а долю от прибыли. Идут дела хорошо — все получают прибавку. Идут дела плохо — фирма не увольняет рабочих, а просто меньше платит тому же числу рабочих.

Такая система не придумана Вейцманом — нечто весьма близкое к ней реально существует в Японии, Южной Корее и на Тайване. Во всех трех странах рабочие и служащие весьма существенную часть своего вознаграждения получают в форме премий, которые зависят от прибыли. Если прибыли нет — никто рабочего не увольняет; по восточным обычаям, предприятие обязано о нем заботиться. Просто он не получает премиальных. Когда дела идут лучше — возобновляются и премии. Для народных хозяйств „японского стиля" характерны: низкая безработица, низкая инфляция, высокие темпы роста, устойчивость во время конъюнктурных циклов и самое равномерное в мире распределение доходов. Чего еще Запад может желать? — спрашивает Вейцман. И приходит к выводу, что при ближайшем рассмотрении, идея постоянной зарплаты, которую обещают рабочему на год, на два, а то и на три вперед, когда никак не может быть известно, каков будет доход предприятия и какая доля этого дохода уйдет на зарплату, есть абсурдная идея, от которой чем раньше отказаться, тем лучше. Отказ от нее гарантирует наконец полную занятость без инфляции.

Участие рабочих в управлении

Если идея участия рабочих в прибылях в последние 10 лет начинает пробивать себе в США дорогу, и если проф. Вейцман пророчит этой идее блестящее будущее, то идея рабочего контроля над предприятиями найдется еще в зачаточном состоянии. Предприятий, где рабочие прямо участвуют в управлении или руководят им, — всего около сотни. Известно несколько случаев, когда предприятия, бывшие на грани банкротства,

были куплены рабочими, но потом все равно обанкротились. Были и другие случаи, когда покупка предприятий рабочими была чистой формальностью, а прежнее руководство фирмы оставалось у дел. Тем не менее, последние годы возрождается идея рабочих кооперативов, бывшая популярной в США еще в 1860-е и 1870-е годы.

Перед такими кооперативами всегда стояло несколько проблем. Например, если каждый участник, уходя на пенсию, продаст свой пай на открытом рынке, то кооператив скоро перестанет быть кооперативом, а станет обычным акционерным обществом. С другой стороны, откуда молодому, начинающему рабочему взять денег, чтобы купить пай? Проблемы эти решили весьма успешные кооперативы Мондрагон в северной Испании, в которых занято более 20 000 рабочих и служащих. Они создали свой собственный банк, который покупает пай от выходящих на пенсию рабочих и выдает ссуды молодым. По примеру банка Мондрагон в США теперь создана Ассоциация Промышленных Кооперативов или ICA (Industrial Coop Association). Некоторые профсоюзные кассы также дают ссуды на основании кооперативов. Одним из наиболее успешных является созданная в Филадельфии сеть трех продуктовых магазинов под названием O and O. Чтобы работать в магазине, необходимо внести 5 000 долларов. Выплачивать их можно постепенно, вычетами с зарплаты. Вне зависимости от размера пая, каждый рабочий обладает одним голосом. Рабочие выбирают совет попечителей, который, в свою очередь, назначает директора магазина. Но директор ответствен только за исполнение — саму политику, в отношении закупок, рекламы, кадров, финансов, планирования и т. д. формулируют рабочие в разных комитетах при совете попечителей.

Согласно участникам Филадельфийской кооперативной организации, главная трудность начинания — не в деньгах, а в человеческих отношениях и в отсутствии опыта. „Никто в Америке не знает, как управлять предприятием в 1 000 человек, которое принадлежит рабочим. В повседневной жизни у людей мало опыта демократического принятия решений, им не хватает финансовых и технических навыков.” Как бы то ни было, рабочие кооперативы находятся в США в самом зачатке, и соучастие рабочих в управлении будет в ближайшие годы скорее раз-

виваться по моделям двух упомянутых выше авиалиний, чем по модели кооперативно-го владения.

Сокращения в центральном правительстве

Никто не знает, сколько служащих центральных государственных учреждений живет в Большой Москве. Но зато доподлинно известно, что в районе Большого Вашингтона к концу 1984 г. проживал 350 241 служащий федерального правительства. Это — ровно 20% всех занятых, проживающих в районе американской столицы. Динамика роста и спада вашингтонской федеральной бюрократии небезынтересна. К концу 1920-х годов все федеральное правительство в Вашингтоне насчитывало лишь 70 000 служащих. Новый курс Рузвельта, с усилением роли правительства, а затем Вторая мировая война взвинтили эту цифру до 285 000 к 1943 г. С окончанием войны, а затем и корейского конфликта это число сократилось, но уже в 1966 г., при президенте Джонсоне, снова достигло уровня 1943 г., а затем, при Картере, в 1980 г., достигло максимума в 376 000 человек. Таким образом, Рейгану пока удалось уменьшить центральное правительство на 7%. Запланировано сокращение еще на 13%.

Приватизация государственных функций

Один из модных сейчас путей сокращения государственного аппарата — приватизация. Приватизация означает, что определенные задачи, которые раньше исполнялись государственными или городскими служащими непосредственно, теперь передаются по контракту частным подрядчикам. Типичные примеры — уборка помещений, содержание парков, ремонт автобусов и другого городского транспорта, уборка мусора, обслуживание библиотек. Но эксперименты проводятся даже с приватизацией пожарной охраны и ... тюрем! Теория сводится к тому, что всякое частное предприятие по природе своей эффективней, чем государственное. Но на самом деле решающим является часто тот факт, что частный сектор имеет возможность платить более низкие заработки и предоставлять меньше льгот своим служащим. Тем не менее, в городе Феникс (Аризона) недавно состоялся конкурс на крупный подряд по уборке мусора, и выиграл его не

частный подрядчик ... а городское же управление по уборке мусора! Впрочем, нас здесь интересует не эта деталь, а сама идея конкурса и конкуренции между частными предприятиями и государственными или городскими. Нет сомнений, что одна лишь угроза приватизации укрепляет трудовую дисциплину на государственных предприятиях и повышает производительность труда.

Зеленая революция в Третьем мире

Если вопросы настройки хозяйственного механизма стоят в центре внимания экономических развитых стран, то перед Третьим миром в течение десятилетий — если не столетий — на первом месте стояла угроза голода. За исключением Африки, угроза эта теперь снята. Между 1960 и 1985 годами производство зерновых в мире увеличилось вдвое, достигнув 1,8 миллиарда тонн, в то время как население возросло с 3,0 до 4,8 миллиардов. За последнее десятилетие производство зерновых увеличилось на 40% в КНР, на 60% в Индии, на 300% в Таиланде. Индия теперь экспортирует зерно (в частности, в Советский Союз!), и экспортером зерна сделалась даже Саудовская Аравия, где лет тринадцать тому назад зерновые вообще не произрастали. Так называемая „зеленая революция” — новые, гибридные формы семян, устойчивых от засухи и различных вредителей, а также общее повышение технического уровня сельского хозяйства в большинстве стран Третьего мира стоят за этими переменами. Кроме того, страны Третьего мира усвоили важный урок: нельзя начинать индустриализацию за счет сельского хозяйства; надо начинать с развития сельского хозяйства, а уже на этой базе строить промышленность. Поэтому, есть все основания ожидать, что сельское хозяйство в Третьем мире будет и дальше расти быстрыми темпами. Ввиду избытка производства, цены на хлеб на мировом рынке будут оставаться низкими.

Однако, на фоне этих успехов Третьего мира встает вопрос — а что делать с сельскохозяйственными излишками в США и в странах Европейского Общего Рынка? И те, и другие высоко ценят своих сельских хозяев и поддерживают их щедрыми субсидиями: около 16 миллиардов долларов в год в странах Общего Рынка и около 19 миллиардов в год в США. Благодаря этим субсидиям накапливаются громадные запасы сельскохо-

зяйственных излишков, которым нет сбыта и которые обостряют конфликт между Общим Рынком и США: каждая сторона, естественно, стремится продать в первую очередь свои излишки. В какой-то мере „спасает положение” Советский Союз, продолжающий скупать одну пятаю всего зерна, что продается на мировом рынке. Но в довольно близкой перспективе, Третий мир станет на самоснабжение и будет готов к экспорту сельскохозяйственных продуктов, а Европе и США придется сосредоточиться на политической неприятной мысли о сокращении субсидий своим сельским хозяевам. В этом случае можно предвидеть практическое исчезновение традиционного крестьянского двора и сохранение лишь немногих крупных агропромышленных комплексов, которые будут в более чем достаточной мере обеспечивать питанием оба материка.

Ироний во всей этой ситуации очень много, начиная с того, что „самая передовая в мире” социалистическая система вскоре будет единственной, неспособной обеспечить население собственными пищевыми продуктами и вынужденной покупать зерно в Индии, и кончая тем, что лишь колхозное фиаско препятствует крушению антимарксистской мечты, — что при небольшой субсидии традиционный европейский крестьянский двор 19-го века может дожить до 21 века...

На пути к солидаризму

Не стремясь обязательно ставить точки над *i*, можно все же на основании сказанного сделать несколько обобщений.

Классового типа конфликты идут на убыль, забастовки в западном обществе постепенно теряют свой смысл.

Найти формы сотрудничества труда и капитала нелегко, но такие формы есть, они практикуются, в этом плане нет догматических барьеров, а идет деловой поиск.

Вопрос сотрудничества труда и капитала — не только идеологический вопрос, а и весьма практический вопрос макроэкономической структуры. Если принять концепцию переменного жалования и постоянной занятости (а не наоборот, как теперь), то социально-рыночное хозяйство способно решить все проблемы, из-за которых в свое время родился социализм.

Третий путь между капитализмом и социализмом, не антагонизирующий, а объединяющий, есть солидаризм.

Что легче повернуть вспять: реки или решения партии?

М. НАЗАРОВ

„Открыть общественную дискуссию“

Что-то странное происходит вокруг поворота рек.

С одной стороны, проект, казалось бы, окончательно утвержден (в европейской своей части) и, как заявил в декабре 1985 г. руководитель Института водных проблем Г. Воропаев, начато сооружение плотин на Онеге и тех самых озерах, которые писатель Василий Белов риторическим вопросом выносил в заголовок своей самиздатской статьи — „Спасут ли Каспий Воже и Лаца?“. Ведутся обширные работы на других участках проекта, предусматривающего поворот на юг ежегодно до 20 кубических километров пресной воды (поначалу, из осторожности, все-таки только 6) из Северной Двины, Онеги и Печоры. Начато строительство нового канала для переброски этой воды из Волги в Дон. То есть, выделенные на эти цели в 12-й пятилетке 50 миллиардов рублей уже начали свой плановый, разрушительный кругооборот. (Предусмотрено, что одних только проектных организаций Минводхоза, занятых работой по осуществлению проекта, будет 170 с общим числом в 68 тысяч сотрудников, а всего в системе министерства занято около 2 миллионов человек. Вся эта армия стремится задействовать деньги как можно скорее, чтобы не было обратного ходу: мол, уже сотни миллионов потрачены, не отменить же теперь поворот.)

С другой стороны, голоса противников утопического проекта не умолкли, а даже усилились. Общественная дискуссия о целесообразности поворота рек, прихлопнутая было в 1984 г. „мелиоративным“ пленумом

В „Гранях“ № 133, на 80 страницах, опубликована пока единственная в своем роде подборка пришедших из страны материалов, анализирующих проект поворота рек — в его экономическом, экологическом и культурно-историческом аспектах — и требующих его отмены.

Выступления участников Круглого стола „Земля и хлеб“, опубликованные в „Нашем современнике“ (№ 7, 1985 г.) и легшие в основу данного обзора, представляют собой наиболее резкую и обоснованную аргументацию против поворота рек, появившуюся в официальной советской печати.

ЦК КПСС, во второй половине 1985 г. возобновилась, в том числе на страницах советской печати.

Как мы помним, этот пленум, состоявшийся в октябре 1984 г., устами Тихонова и Черненко открыл новую панацею для вывода из кризиса (на их языке — для „дальнейшего подъема“) сельского хозяйства страны: „... плюс мелиорация!“, для чего партии и понадобится вода северных рек. Заканчивая статью о пленуме (в „Посеве“ № 12, 1984 г.), мы выражали надежду, что эта формула зрелого социализма — „геронтократия плюс мелиорация сельского хозяйства“ — сохранит свое значение лишь в данном сезоне, „ибо крепость здоровья обоих ‘мели-ораторов’ не превышает сезонной перспективы“.

И вот, кажется, этот новый сезон наступил. Демонстративно не выступавший на „мелиоративном“ пленуме тогдашний куратор сельского хозяйства Горбачев стал генсеком, и формула развитого социализма зазвучала с привкусом иной жидкости: „... минус алкоголизация“. Вдобавок обещаны какие-то „качественные изменения“ в экономике и „деловой подход“, что некоторыми истолковано как склонность нового руководства наконец признать вопиющую очевидность: для выращивания хороших урожаев нужна не только вода, но прежде всего — заинтересованный в своем труде крестьянин. Именно в этой атмосфере происшедших „сезонных“ перемен и связанных с ними надежд („новая метла по новому метет“, хоть метет она пока что все тот же самый идеологический мусор) — и проявились новым всплеском протесты общественности против принятого партией решения.

В тоталитарном обществе, где решения партии следует лишь единогласно одобрять и перевыполнять, подобные протесты, выливающиеся уже в целое движение, весьма редки. Видимо, оказались затронуты жизненно важные интересы российского общества, побудившие самых разных людей оказать со-

противление, проявить гражданское мужество*.

В интервью западногерманскому журналу „Шпигель“ (№ 15, апрель 1985 г.) Валентин Распутин так описал взаимоотношения населения страны и руководства партии в вопросе поворота рек:

„Распутин: Население сопротивляется этому постоянно. Слава Богу, что это так.

Шпигель: Почему партия опасается дискуссии?

Распутин: Во-первых, чтобы создать впечатление, что существует лишь одно мнение и не может быть никакого иного решения проблемы... И, во-вторых, дискуссии избегают, вероятно, потому, чтобы Запад не знал о разногласиях у нас.

.../

Шпигель: Что Вы предприняли против этого проекта?

Распутин: Я подписал много писем против поворота северных рек.

Шпигель: И какова была реакция?

Распутин: Авторов одного письма вызвали вместе с учеными в ЦК, в Москву на беседу. Однако дискуссия эта ни к чему не привела. Каждая сторона упорно стояла на своем.

.../

Шпигель: Есть ли у советских граждан еще какие-нибудь возможности предотвратить проект, могут ли они обратиться в суд?

Распутин: Нет, ни один суд не возьмется за такое дело.

.../

Шпигель: Не думали ли Вы о том, что как член партии Вы могли бы достичь большего?

* Думается, уместно еще раз вспомнить, чьи подписи стоят под опубликованными в „Гранях“ № 133 материалами:

В. Г. Брюсова, доктор искусствоведения, В. А. Виноградов, кандидат архитектуры, С. Г. Жуклов, кандидат экономических наук, М. П. Кудрявцев, кандидат архитектуры, А. С. Некрасов, доктор архитектуры и доктор технических наук, С. Н. Чернышов, доктор геолого-минералогических наук, Ф. Я. Шипунов, кандидат биологических наук.

Действит. член АХ СССР М. В. Аллатов, чл. корресп. АН СССР Г. С. Голицын, академик АН СССР Л. М. Леонов, академик АН СССР Д. С. Лихачев, академик ВАСХНИЛ И. С. Мелехов, академик АМН СССР В. Н. Орехович, академик АН СССР Л. Понтягин, академик АН СССР Б. А. Рыбаков, академик АН СССР А. Н. Колмогоров, академик А.Я.Ншин, чл. корресп. АН СССР Б. В. Раушенбах, академик И. В. Петринов-Соколов.

Народные художники СССР, действительные члены Академии художеств СССР: А. П. Кибальников, Д. А. Шмаринов, А. А. Мильников, М. К. Аникушин, А. М. Гридай, Ф. П. Решетников, Г. М. Коржев, С. П. Ткачев, заслуженный художник РСФСР А. П. Горский.

Распутин: Я не думаю, что у члена партии в таком деле больше прав...”

Единственная возможность добиться хоть чего-то, как это частично удалось с защитой Байкала, — „открыть общественную дискуссию”, считает Распутин. И смена генсека, видимо, дала всему движению защиты русской природы и культуры, условно называемому „Русской партией”, тактическую возможность возобновить эту дискуссию явочным порядком.

Первые месяцы правления Горбачева „Русская партия” скорее выжидала: какова позиция нового хозяина? Но по мере того, как намерения генсека не прояснились, а различные чиновники рангом пониже продолжали говорить о проекте как решенном деле, защитники русского Севера активизировались. И, вероятно, шоком для них было включение поворота рек в проект „Основных направлений развития СССР”, опубликованный в газетах 9 ноября 1985 г. Это было уже слово самого Горбачева. Оно-то и вызвало новую волну общественных выступлений против этого решения. Тем более, что формулировка в „Основных направлениях” была дана весьма противоречивая: с одной стороны, „повысить научную обоснованность”, а с другой, не дожидаясь этого, уже „развернуть работы, связанные с переброской”.

Опять заговорили об опасностях проекта специалисты (например, доктор экономических наук, эксперт ООН по окружающей среде М. Лемешев в газете „Советская Россия” от 20. 12. 1985, К. Дьяконов и А. Курбатов в „Правде” от 30. 12. 1985). Известные защитники русского Севера, писатели — Виктор Астафьев, Василий Белов, Юрий Бондарев, Сергей Залыгин, Леонид Леонов, Дмитрий Лихачев и Валентин Распутин — выступили с коллективным письмом „Вызывает тревогу...” в газете „Советская Россия” от 2. 1. 1986; об этом же некоторые из них говорили и с трибуны недавно прошедшего VI съезда писателей РСФСР, в присутствии членов Политбюро (см. выступления Бондарева, Залыгина и Распутина в „Лит. газете” от 18. 12. 1985).

Разумеется, поворот рек волнует не только писателей и специалистов — они лишь выразители общих настроений и у них больше возможностей. Видимо, писем в редакции газет на ту же тему поступило немало от самых разных людей. Так, одно из коллективных писем против поворота рек было на-

правлено в Москву 250 студентами Иркутского университета — это вызвало в городе ЧП такого масштаба, что оно вышло в „Известия” (16. 8. 1985), причем автор статьи, проф. Н. Тендитник, недвусмысленно стала на сторону студентов, одобряя честность и гражданственность позиции В. Распутина.

Если раньше аргументация противников поворота рек строилась в основном на апелляциях к патриотическим чувствам и концентрировалась на необходимости сохранения русского Севера с его историческими и культурными памятниками, то в 1985 г. в дискуссии появился новый акцент. Поняв, что национальными и духовно-нравственными ценностями руководство КПСС не проймешь, защитники рек применили более понятные аргументы — экономические.

Так, в „Литературной газете” появилась серия статей на тему „Цена воды”, начатая открытым письмом С. Зальгина министру мелиорации Н. Ф. Васильеву (2. 10. 1985; ответ министра 18. 12. 1985), поддержанная известным экономистом О. Р. Ладицом („Щедрость... но за чей счет?” — 15. 1. 1985), и завершенная Зальгиным же (29. 1. 1986), который, говоря о проектах переброски рек, спрашивает: „каково их экономическое значение, если они не учитывают цену воды?” (государство тратит на „добычу” и переброску воды миллиарды рублей, но при расчете экономической эффективности орошаемого земледелия вода рассматривается как „бесплатная”!).

Другой экономический аргумент — доказательство вредности лишь одной водной мелиорации; необходимость экономного расходования воды, что требует меньше капиталовложений и позволит сберечь воды во много раз больше, чем надеются получить от поворота рек. (См. статью „Земля — главное богатство” в „Правде” от 12. 2. 1986. Судя по именам авторов — академики А. Аганбегян, В. Тихонов и А. Яншин, члены-корреспонденты АН СССР Г. Голицын и Т. Энеев — это был наиболее авторитетный экономический аргумент против поворота рек.)

Но особенное внимание в этой связи обращают на себя материалы Круглого стола под девизом „Земля и хлеб”, проведенного редакцией журнала „Наш современник”. Как бы в ответ на пресс-конференцию министра мелиорации и водного хозяйства Н. Васильева (заявившего 5 июня 1985 г. о том, что но-

вое руководство намерено осуществить решения „мелиоративного” пленума, в том числе поворот рек), в июльском номере „Нашего современника” группа специалистов*, безупречной аргументацией в стиле „делового подхода”, камня на камне не оставила ни от утопических прожектов любителей великих поворотов и потрясений, ни от дилетантских разглагольствований докладчиков пленума.

Кульминационным пунктом разгоревшейся дискуссии ожидался XXVII съезд партии, на котором должны были утвердить окончательный проект „Основных направлений развития СССР” — оставят или нет упоминание о повороте рек в VI разделе документа? Вероятно, затрагивалась эта тема и в выступлениях делегатов съезда, но в сокращенных газетных изложениях остались лишь косвенные намеки на нее (например, можно понять, что за скорейший поворот рек ратовали председатель Совета министров Казахской ССР Назарбаев и первый секретарь Дагестанского обкома Юсупов).

---

* В Круглом столе выступили следующие ученые:

В. А. Ковда, председатель Научного совета АН СССР по проблемам почвоведения и мелиорации почв, член-корреспондент АН СССР, президент Всеобщего общества почвоведов, эксперт ООН по окружающей среде, лауреат Государственной премии СССР;

В. В. Егоров, академик ВАСХНИЛ;

Н. А. Лебедева, д-р геолого-минералогических наук;

О. С. Колбасов, д-р юридических наук, профессор, заведующий сектором правовых проблем охраны окружающей среды Института государства и права АН СССР;

М. Я. Лемешев, д-р экономических наук, профессор, эксперт ООН по окружающей среде;

И. С. Комаров, д-р геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Ленинской премии;

Е. М. Пашкин, д-р геолого-минералогических наук, профессор;

Б. А. Зимовец, канд. сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник Почвенного института им. В. В. Докучаева;

А. И. Черекес, канд. географических наук, зам. директора ВНИИприрода Министерства сельского хозяйства СССР;

А. С. Некрасов, д-р технических наук, член комплексной комиссии строительного комплекса СССР и агропромышленного комплекса СССР Госкомитета по науке и технике;

А. Г. Назаров, д-р биологических наук, член Научного совета АН СССР по проблемам почвоведения и мелиорации почв;

Н. В. Усольцев, д-р сельскохозяйственных наук.

И вот — результат, который „Русская партия“ может считать своим предвзвешенным успехом. В окончательном тексте „Основных направлений“ спорный абзац сокращен до минимума: „Углубить проработку проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов“. То есть, все начинается сначала? И армия проектировщиков примется за подготовку нового технико-экономического обоснования переброски? Снова будут ломаться копия „южан“ и „северян“ в спорах о целесообразности и об опасности „проекта века“? Или же это закамouflированное отступление партии от своего решения?

Во всяком случае, дискуссия, обострявшаяся в последнее время вокруг поворота рек, на этом, видимо, не прекратится. Это кажется нам достаточным поводом, чтобы еще раз обратиться к аргументам, высказанным в „Нашем современнике“. Тем более, что еще неизвестно, какие следующие „сезонные“ перемены могут произойти в политике КПСС, тогда как выбранные нами отрывки из выступлений участников Круглого стола имеют неустаревающее значение при любых переменах и заставляют задуматься о многом, не только о повороте рек.

Предлагая вниманию читателей материалы Круглого стола „Земля и хлеб“, редакция „Нашего современника“ считает, что высказанные мысли „... могут послужить руководством к действию всем практикам земледелия — да и не только им“, ибо вопросы эти имеют „общенародное, общегосударственное значение“.

Что такое мелиорация и как она до сих пор велась

С разъяснения самого понятия мелиорации влуждены были начинать многие выступавшие, памятуя, что не только Тихонов с Черненко, но и большинство других вождей-мелиораторов — неспециалисты. Мелиорация означает улучшение почвы и включает в себя не только орошение, как это наивно полагали докладчики пленума, а целый комплекс других мер, применяемых в зависимости от вида почвы и местных условий (противоэрозийная агротехника, снегозадержание, полевые лесополосы, правильные севообороты, органические удобрения и многое другое). Сводить все только к водной мелиорации и поворачивать для

этого реки — безграмотно и преступно. Но предоставим слово самим специалистам, сохраняя в цитатах авторский курсив и разбивку.

Н. А. Лебедева, доктор геолого-минералогических наук, напоминает, что и раньше постоянно выдвигались в гипертрофированном виде те или иные панацеи:

„... Неуместно, наверное, приводить здесь полный их перечень. Достаточно напомнить, что, например, в ряде областей приняли фантастическое решение выполнить пятнадцатилетний план в три года. Ошибкой являлись и предложения Лысенко о квадратно-гнездовом способе посадок дуба...“

Свято место, как говорится, пусто не бывает. На авансцену выдвинулись гидротехнические мелиорации. В общем объеме мелиоративных работ они приобрели непропорционально большую долю, которая разрасталась, как злокачественная опухоль...“

В. А. Ковда, председатель научного совета АН СССР по проблемам почвоведения и мелиорации почв, член-корреспондент АН СССР, президент Всесоюзного общества почвоведов, эксперт ООН по окружающей среде:

„Упрощенные понятия и представления привели к упрощенным планам и действиям, а в конце концов и к огромным потерям. Десятилетиями мы вкладывали в строительство оросительных и осушительных каналов значительные средства, напрасно ожидая обещанные урожаи... Дорогостоящий опыт орошения черноземов в целом получился отрицательным. Почему? [...]“

Обобщение имеющихся разрозненных наблюдений на большом числе оросительных систем показало, что при современных гидросооружениях и технике в результате длительного орошения черноземов имеют место следующие неблагоприятные вторичные явления:

— разрушается структура чернозема, почвы становятся глыбистыми, склонными к коркообразованию и в конечном итоге цементированными, слитыми;

— в значительном числе случаев отмечен региональный или локальный подъем грунтовых вод, появление верховодок, „мочаров“, подтопление земель, в том числе соседних неорошаемых и несельскохозяйственных;

— появляется тенденция к вторичному осолонцеванию почвы (явление, вызывающее особенно большую тревогу, так как его ликвидация сложна).

Отмечены также: вторичное засоление почв, существенное падение содержания гумуса в орошаемых почвах и ухудшение его состава; ухудшение газового, окислительно-восстановительного, биохимического

мического режимов черноземов при орошении, потеря углекислого кальция; развитие „моментальных” неблагоприятных процессов (кратковременное появление токсических веществ в черноземе непосредственно при поливах).

Итоговые данные о том, какова реальная отдача от построенных оросительных систем, приведены в материалах октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС: две трети из них производят урожай меньше проектных. /.../

Фактически на европейские черноземы были механически перенесены азиатские, египетские принципы и техника орошения, пригодная для почв пустынь. Оросительные каналы в основном строились без гидроизоляции, что вызывало потери воды на фильтрацию до 40–60 процентов. Кое-где была введена закрытая сеть каналов, чтобы уменьшить фильтрацию, применялись дождевальные машины, но они брали воду из открытых каналов. Однако и используемые дождевальные машины на практике берут воду с таким избытком, который для черноземов является убийственным. Воды подается на поля примерно в 1,5–2 раза больше, чем это необходимо даже в самые засушливые годы. Поля поливаются независимо от погодных условий. Орошение, таким образом, сопровождается быстрым подъемом уровня грунтовых вод с 8–10 метров до поверхности, вызывающим заболачивание и засоление орошаемых и прилегающих к ним земель.

Работа поливальщиков оплачивается по числу поливов и количеству израсходованной воды. Качество воды практически не принимается во внимание, то есть не учитывается важнейший фактор чувствительности черноземов к минерализации поливной воды /.../ В нижних же техниках рек минерализация оросительных вод в лучшем случае приближается к 1 грамму на литр, а очень часто бывает и большей. При этом в составе солей преобладают соли натрия. Они-то и превращают орошаемую почву из нормального структурного чернозема в бесструктурную массу, в непроницаемые глыбы. Известны случаи, когда сельские жители в ряде мест разрушали оросительные каналы, чтобы спасти от такого полива и от такой воды свои земли и прекратить их порчу.

Недостатки оросительных систем и практики орошения суммировались со многими недостатками неорошаемого земледелия на черноземах. Так, поливная вода обострила проблему переулучшения пахотных почв до состояния породы (само явление вызвано было использованием тяжелых сельскохозяйственных машин). Комбинация тяжелой техники с минерализованной водой особенно убийственна для черноземов. (После 10–20 лет такого „землепользования” невозможно врубиться в почву топором.) Тяжелые трактора своими колесами и гусеницами буквально пресуют, утюжат влажную землю, взламывая ее структуру, закрывая ее поры капилляры, а щелочные соли, присутствующие в поливной воде, довершают дело, растворяя гумус

и разлагая глинистые минералы почвенной толщи. Так из чернозема и образуется бесплодный монолит.

... к сожалению, нередко мнение почвоведов в решении важнейших вопросов хозяйствования на земле либо не спрашивается, либо им интересуются только тогда, когда мы уже поставлены перед фактом болезни или гибели почвенного покрова”.

В. А. Ковда приводит пример, как были испорчены земли на юге Украины из-за того, что не спросили мнения почвоведов: провели оросительный канал от Дуная (где вода сильно загрязнена минеральными солями и щелочная), через солончаковые лиманы Одессины, и вся эта соль осела на полях. „Тем не менее уже создан и ныне обсуждается в Госплане проект продолжения канала, который пройдет до Днепра через тот же самый Сасык и еще через пять таких же лиманов. Таким образом, полученный отрицательный опыт может быть повторен многократно”.

И. С. Комаров, доктор геолого-минералогических наук, приводит еще один пример социалистической мелиорации:

„... практическая работа мелиораторов опережала и теорию в этой области, и создание хорошо сбалансированных проектов. Это привело к тому, что многие обширные регионы страны сегодня выведены из сельскохозяйственного оборота или находятся в весьма критическом состоянии. Особенно показательны в этом отношении данные, полученные сотрудником Института литосферы АН СССР Н. В. Роговской и ее группой по Туркменскому каналу, согласно которым на площади, тяготеющей к каналу (около 80 тысяч квадратных километров), аккумулировалось в настоящее время 225 кубических километров воды и 62 миллиона тонн солей. Какая почва выдержит такую нагрузку! Согласно составленному прогнозу, вся эта территория практически выйдет из строя в течение ближайших 7 лет.

... дальнейшее развитие всех этих процессов может поставить сельское хозяйство страны к концу этого столетия перед трудноразрешимыми проблемами (независимо от выделяемых ассигнований и совершенства применяемой техники).

Мы должны смотреть правде в глаза, чтобы уже в скором времени не оказаться у разбитого корыта”.

Как гордо заявил Тихонов на пленуме, за последние 20 лет уже „на цели мелиорации направлено 115 миллиардов рублей капитальных вложений”. И вот он, результат... Ужас охватывает, если представить себе, что

можно натворить с 50 миллиардами, выделенными на подобные свершения в предстоящее пятилетие...

Основная идея цитированных выше выступлений — отказ от злоупотребления водной мелиорацией, и тем самым от поворота рек, разработка продуманного комплекса всех мелиоративных мер, улучшающих и сохраняющих почву. Что касается орошения — нужно экономное использование воды, а не расточительство новой (по данным статьи академиков в „Правде” от 12. 2. 1986, в 1982 г. в южных областях России 40% воды, забираемой на орошение, были „израсходованы непродуктивно“!). Но, как видно из высказываний, дело не только в мелиорации, а во всем социалистическом укладе хозяйствования.

Порочность системы

Вот типичные примеры, за которыми стоят не технические просчеты (хотя и они в СССР случаются в десятки раз чаще, чем в странах со свободной экономикой), а особенность системы.

Казалось бы, если какой-то вид мелиорации обходится в десятки и даже сотни раз дороже, чем иные, то следует идти по более дешевому пути? Что вы, это возможно только у капиталистов, с их стихийными методами хозяйствования. У нас же —

„... стоимость водомелиоративных работ, осуществляемых Минводхозом СССР (5 000, 7 000 — 11 000 рублей за гектар), по сравнению с сухими мелиорациями, которые во много раз дешевле (известкование 12 — 20 рублей за гектар, лесозащитные мелиорации и лесополосы 400 — 600 рублей за гектар, облесение оврагов и песков 200 рублей за гектар), что и делает их для министерства невыгодными...”

Отчасти поэтому „Предусмотренный рост водозабора значительно преувеличен...”

Искусственно созданное завышение привело авторов к выводам о необходимости проектирования и строительства глобальных, невиданных в мире водохозяйственных и гидротехнических сооружений” (А. С. Некрасов).

Реальная, а не „нулевая” цена воды? Такого буржуазного понятия в советском сельском хозяйстве нет: вода у нас — „народное достояние”. Это капиталисты с их стихийным ценообразованием жмутся, экономят на

воде, при социализме же — уже почти как при общественном коммунизме — бери бесплатно, сколько можешь.

А что касается конечного эффекта мелиоративных работ, то это только у капиталистов требуется достижение поставленной цели, за что, собственно говоря, и деньги платятся. У нас же —

„Министерство мелиорации и водного хозяйства... имея дело с землей и водой, экономически не отвечает за результаты мелиорации” (М. Я. Лемешев).

Но, вероятно, самый главный порок системы — убитое в людях желание трудиться осмысленно и хорошо:

„Да, частота засух стала возрастать, а отдача от капиталовложений — снижаться. Но о каких засухах и каких капиталовложениях мы ведем речь? Ведь одновременно почти в каждой области есть отдельные хозяйства, на которые погодные неурядицы как бы не действуют, которые, обходясь без орошения и без дотаций со стороны государства, благодаря талантливости председателей колхозов или директоров совхозов сохраняют традиции рационального земледелия, используют научные данные сельскохозяйственных институтов и опытных станций и в любой год могут удерживать высокое плодородие черноземов, получая высокие урожаи..., в то время как средние производственные урожаи по стране в 3—3,5 раза ниже потенциально возможных.

Удивительно ли это? Нет, не удивительно.

Различия в условиях производства здесь такие же, как если бы одной и той же работой занимались зрячие и слепые, люди во всеоружии знания, и те, которые безразличны даже к опыту предков” (В. А. Ковда).

Там, где земледельцу „благодаря талантливости председателей колхозов и директоров совхозов” и вопреки упоминаемым Ковдой „указаниям вышестоящих органов”, созданы нормальные условия труда — там урожаи лучше. Но сколько законов и инструкций приходится нарушать для этого смельчакам-председателям и директорам! Пример Ивана Никифоровича Худенко, который в конце 1960-х годов в Казахстане поднял благосостояние людей в своем совхозе до невиданного в СССР уровня и заплатил за это жизнью (погиб в лагере) — отпугивает многих (см. „Лит. газету” от 18. 11. 1970). А за ним — суть системы, предпочитающей экономическую неэффективность ослаблению контроля над людьми.

Даже все правильные меры комплексной (а не только водной) мелиорации в условиях социалистической системы, с ее безхозяйственностью и незаинтересованностью людей в результатах труда, дадут не лучшие результаты. Ведь уже никакой мелиорацией не объяснить тот печальный факт, что из-за отсутствия дорог, хранилищ и предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, по данным участника Круглого стола М. Я. Лемешева:

„В настоящее время потери в сельском хозяйстве по разным оценкам и разным культурам составляют от 20 до 50 процентов урожая ежегодно“.

И это еще далеко не вся дань общества социалистическому строю. Поистине ужасаются масштабы опустошения встают перед нами, когда участники Круглого стола вновь и вновь говорят о гибели земли.

*„Нет более прямого пути
к абсолютному обнищанию народа...“*

По мировым картографическим данным, на нашей планете всего около 300 млн. га черноземов — это самые плодородные почвы, золотой фонд человеческого земледелия. Из них 63%, то есть около 190 млн. га находится на территории СССР и распаханы почти полностью — это основная база советского сельского хозяйства, какой нет ни у одной страны мира. В. А. Ковда пишет о русских и украинских черноземах:

„Трудно представить, что было бы, не будь у нас этого поразительного природного богатства. Социалистическая революция победила, и, несмотря на экономический бойкот, сговор ведущих капиталистических стран, направленный на ее удушение, мы создали наше социалистическое государство без какого-либо продовольственного займа с их стороны. Это произошло во многом благодаря естественной природе и богатству наших черноземов. Образу говоря, из года в год мы брали огромный, неоценимый в денежном выражении заем у самой кормилицы земли. И вот, мы подошли к такому рубежу...“

Посмотрим же к какому рубежу, до какого состояния довела социалистическая революция это — не только российское, но общечеловеческое богатство. Слово А. С. Некрасову:

„... положение с землями у нас внушает глубокую тревогу. Из 598,4 миллиона гектаров сельско-

хозяйственных угодий в 1980 году, по данным обследований, около 48 процентов приходится на долю эрозированных земель, 25 процентов — на долю солонцов и вторично засоленных, около 17 процентов — на долю кислых и свыше 5 процентов — на долю переувлажненных и заболоченных земель.

Из-за образования оврагов уже полностью выбыло из оборота 6,6 миллиона гектаров плодороднейших земель!

Ежегодно из-за продолжающегося процесса оврагообразования, борьба с которым ведется крайне недостаточно, продолжает выбывать от 50 до 70 тысяч гектаров только пахотной земли, что вызывает одновременно загрязнение водоемов и малых рек и равно ежегодной потере урожая 14 средних колхозов.

... Огромны потери земель в результате водохозяйственного строительства. В 1984 году общая площадь затопленных, подтопленных, разрушенных береговой абразией и просадками у водохранилищ земель достигла 100 миллионов гектаров.

Практически полностью исчезли пойменные заливные луга, пастбища и огородные земли, являвшиеся наиболее ценными для сельского хозяйства.

За последние 20 лет размеры пашни на душу населения сократились с 1,05 до 0,85 гектара в 1985 году. Наши земельные ресурсы не безграничны, плодородие знаменитого русского чернозема снижается.

Угроза полной гибели чернозема от переполнения в южных областях РСФСР, на Украине и в Молдавии становится все более реальной, так как проектировщики „Южгидророзвода“ завышают ирригационный фонд полива (против данных Гипрозема) в целях обоснования необходимости переброса на юг северных вод европейской территории страны. Это привело к быстрой деградации черноземов, в результате чего плодородие черноземных земель сократилось на 25–40%“.

И это не только в европейской части страны.

..... ежегодно вынимаем из почвы массу питательных веществ, а возвращаем их в лучшем случае половину, а то и того меньше. Вторую половину берем в долг. На черноземах Западной Сибири, например, за последние двадцать лет, как сообщает академик ВАСХНИЛ П. Л. Гончаров, с урожаем вынута из почвы более 35 миллионов тонн питательных веществ, а возвращено лишь 9 миллионов тонн. Одна четвертая часть!

... Либих, положивший краеугольный камень научного земледелия, оставил нам великую и грозную правду. Он писал: „Нет более прямого пути к абсолютному обнищанию народа, чем непрерывная культура однолетних растений“. Как говорится, комментарии излишни...

Если хозяйство, получая высокие урожаи, использует землю, то это означает, что оно паразитирует,

выкачивая из почвы ее силу. Такую практику положено осудить. По законам и земли, и морали...” (Н. В. Усольцев, д-р сельскохозяйств. наук).

А если к тому же эти урожаи не высокие, а катастрофические, если, обладая лучшими и большими в мире пахотными землями, мы вынуждены закупать за границей п я т у ю часть мирового импорта зерна, — то такое хозяйство не просто паразитирует. Такое „хозяйство” следует назвать преступлением.

„Вопреки требованиям разума...”

Чем дольше существует система — тем масштабнее ее „планов громадзе”, тем катастрофичнее ее вмешательство в природу. Гибнут целые уникальные экологические регионы:

„... Достаточно вспомнить хотя бы судьбы Красноярского водохранилища, Аральского моря, озера Балхаш, залива Кара-Богаз-Гол. Теперь уже обсуждаются вопросы, как осуществить на этих объектах так называемые компенсационные мероприятия, то есть такие, которые вернули бы природе хотя бы часть уничтоженных нами качеств.

... Вопреки требованию разума глубоко осмыслить результаты уже содеянного все еще рождаются новые проекты, еще грандиознее, еще опаснее по своим экологическим последствиям” (А. И. Чекерес).

Наиболее грандиозный — поворот северных рек на юг. Но он стал и первым, на толкнувшимся на широкое сопротивление населения. А. Г. Назаров, член Научного совета АН СССР, свидетельствует:

„Всех, с кем мы во время наших экспедиций встречались в хозяйствах, затерянных на необозримых пространствах средней России и Украины, волнует вопрос: как уберечь наши земли от разрушения пестицидами, удобрениями, сверхтяжелыми тракторами, неумеренными и часто ненужными поливами и переполливами, а еще хуже — от глобальных проектов переброски рек, научно не обоснованных и непопулярных.

Это действительно сильные переживания. Они захватили не только сознание, но и сердца этих людей, стали частью их эмоционального строя. Есть и другие сильные переживания, думы земледельцев, переходящие иногда в настроения неудовлетворенности — переживания по поводу низкого плодородия земли, гибели черноземов, низкой их отдачи, несмотря на все возрастающие дозы удобрений и обильные водные мелиорации. Где выход? Мно-

гие задумываются над этим вопросом, обсуждают его, выдают „готовые решения”.

К этим людям нельзя относиться снисходительно: мол, мы-де знаем, а вы до этого еще не досрости. К сожалению, такое барски пренебрежительное отношение приходилось наблюдать у некоторых недальновидных, а точнее, обюрократившихся работников управленческого аппарата. Мы, почвоведы, тоже не знаем готовых рецептов: если бы знали их все те, кому доверена наша земля, не было бы допущено столько ошибок и перекосов. Мы ищем выходы из создавшегося трудного положения, и здесь нужно прислушаться к кажущимся порой наивными советам и предложениям земледельцев, — в их знаниях обнаруживаются крупницы народной мудрости, опыта поколений. Мы должны собирать эти крупницы, осмысливать, находить им применение”.

Первой, необходимой здесь, крупницей народной мудрости было бы — отказаться от колхозной системы и доверить землю крестьянину. Признать преступлением коллективизацию, во время которой в ходе „раскулачивания” было убито — лагерями и искусственно организованным голодом (чтобы сломить сопротивление) — около 15 миллионов человек, наиболее трудолюбивая часть крестьянства.

Но может ли такую народную мудрость признать ответственной за эту трагедию партия, которая сама — „мудрость, честь и совесть нашей эпохи”?

А. Г. Назаров переводит обсуждение из области экономической — в нравственную и культурно-национальную, отмечая, что поворот северных рек нанесет этим ценностям необратимый ущерб:

„Восточно-Европейская (Русская) равнина — понятие не только географическое, но и историческое: пространство ее совпадает с территорией европейской части СССР. Именно эта географическая среда, именно этот ландшафт, созданный природой в последние геологические эпохи, а позднее облагороженный трудом сотен поколений земледельцев, стал исторической колыбелью восточно-славянских и многих других народов. Поэтому географическая среда, ландшафт Русской равнины с ее спокойно-величавыми реками, плодородными степями, пронизанными солнцем лесами с их растительным и животным миром, то есть все то, что воспето в народных песнях и преданиях, что вошло в самое святое для нас понятие в е л и к а я р о д н а я з е м л я н а ш а и что стало пространственно-материальной основой нашего Отечества и его истории, о которых вслед за А. С. Пушкиным каждый мог бы сказать: 'ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме исто-

рии наших предков', — все это для народов Русской равнины является не только материальной естественно-природной, но и духовно-нравственной ценностью.

... только с технических и хозяйственных позиций — при забвении или 'отключении' позиций нравственных: моральных ценностей, принципов и стимулов нашего народа и общества — экологические проблемы решить и невозможно.

... там, где разрушается красота земли, красота труда и отношений между людьми, — разрушается нечто большее, чем производительность труда и рентабельность хозяйства. Разрушается, подтачивается труженик, его нравственная суть, разрушается сама личность, человек-преобразователь — основа основ, источник, субъект всех мыслимых достижений и прогрессов".

Как мы видим, в проблеме поворота рек, пожалуй, впервые за послевоенные годы с такой наглядностью и с таким общественным резонансом, выявились беспомощность и разрушительность коммунистической системы одновременно и в экономической, и в экологической, и в культурной, и в нравственной сферах жизни. И это — пожалуй, тоже впервые — привело к объединению усилий двух, наиболее заметных сегодня в СССР, направлений оппозиции: экономической, борющейся за проведение реформ, — и национально-культурной, стремящейся отстоять и возродить духовно-нравственные ценности нашего народа.

Предлагается референдум

Решение проблем, поднятых участниками Круглого стола, и особенно проблем нравственных — связано, по нашему мнению, с коренным изменением существующей в нашей стране системы. Но чего можно добиться хотя бы в данном, конкретном деле — как предотвратить поворот рек?

Говоря о „крупнейших просчетах авторов глобальных водопреобразований природы целых районов и зон, таких, как Кара-Богаз, Нижнее Поволжье, озеро Севан, Балхаш и многие другие”, А. С. Некрасов надеется,

...что в ближайшее время результаты преобразований и вызванные ими невосстановимые для страны последствия получат объективную научную, экономическую и социально-правовую оценку”.

А доктор юридических наук О. С. Колбасов, профессор, заведующий сектором правовых проблем охраны окружающей среды

Института государства и права АН СССР, идет еще дальше:

“... Крупномасштабные проекты преобразования природы требуют особого подхода при их утверждении и реализации, поскольку они глубоко затрагивают судьбы миллионов жителей нашей страны, жизнь нынешнего и последующих поколений. Следовательно, необходимо установить особую процедуру принятия решений об утверждении и исполнении таких проектов, чтобы исключить непродуманные, экологически необоснованные решения. На мой взгляд, здесь было бы уместно воспользоваться статьей 5 Конституции СССР, согласно которой 'наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум)'. Проекты преобразования природы достойны всенародного обсуждения, ибо они принадлежат к числу наиболее важных вопросов государственной жизни”.

Где-то мы уже слышали нечто подобное — „Соблюдайте собственную конституцию...”. Сейчас мы читаем это в журнале „Наш современник” — еще один показатель того, насколько глубоко этот разрушительный, утопический проект волнует российскую общественность.

Посмотрим же, что в конечном счете окажется легче: повернуть вспять реки или принятые решения партии...

- В ходе предсъездовского „всенародного” обсуждения документа „Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года” подняли также свой голос историки. На общем собрании АН СССР, проходившем 24-25 декабря 1985 г., они „высказали большую озабоченность относительно работ по перебросу стока северных рек”. В связи с этим было „единодушно высказано мнение о необходимости дополнить в разделе VI фразу 'повысить научную обоснованность регионального перераспределения водных ресурсов' словами 'обязать народнохозяйственные органы вести проектное планирование с учетом необходимости сохранения исторических и культурных памятников при тесном контакте с гуманитарными институтами АН СССР’ ” („Вопросы истории” № 3, 1986).

Министр и писатель

В „Известиях” № 370 от 3 ноября за 1985 год появилось интервью Валентина Распутина „Послужить отечеству Сибирью”, а в „Известиях” № 48 от 17 февраля за 1986 года помещена его статья „Байкал у нас один”. Распутин — человек известный. Он не только талантливый писатель (достаточно прочесть „Прощание с Матерой”, чтобы полюбить его), он — подлинный российский патриот. Он по-настоящему любит свое отечество — Россию и свою родину — Сибирь. И эта любовь не позволяет ему закрыть глаза на царящую у нас повсюду бесхозяйственность, на порожденную этой бесхозяйственностью хищническую растрату наших природных богатств и на разложение нравственных устоев народа, вынужденного соучаствовать в этой хищнической бесхозяйственности.

В „Известиях” № 370/1985 Распутин пишет о Сибири:

„Просторы сократились. Непуганный лесов не осталось. Земля переворочена. Экономисты говорят о пределе природных запасов, особенно леса, а у нас все тот же мотив — 'Ой, полна, полна коробушка'...”

Он приводит примеры:

„Но кому во благо пошел погубленный лес, которым выстелены сейчас берега Братского и Усть-Илимского морей? Ни одна сосна не была вывезена из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, все пошло под воду. Уже сейчас ясно, что пропадет лес и в зоне затопления Богучанской ГЭС”.

Он спрашивает:

„Простите, а по какому праву? Пусть ответят мне и моим землякам министры энергетики, лесного хозяйства, Госплан: по какому праву транжирится наше богатство? Если так поступают, значит есть резоны, соображения, выгоды?”

Он объясняет:

„С грехом пополам можно понять министра, всеми силами препятствующего переводу своего комбината на безвредное производство. Ему не хочется упустить свою ведомственную выгоду, у него — план, у него своя арифметика. Но где, позвольте, в министре сын отечества? Мы стали забывать об этой первейшей должности человека, кого бы из себя он ни представлял”.

„Мы стали забывать” — мягко сказано. В должности министра давно и просто забыли.

Причем напрочю. И в этом легко убедиться из состоявшегося через три с половиной месяца и описанного им в „Известиях” от 17 февраля 1986 г. разговора Распутина с руководителями Минлесбумпрома, где „министр был похож на министра, а его заместители — на заместителей министра”, т. е. на безотказных исполнителей спущенных им указаний, перед которыми патриотизм, забота о народе и нравственные устои оказываются лишь словами, годными для выступлений на торжественных собраниях, но не для руководства к действию.

Распутин принимали в кабинете и сказали ему без выкрутасов:

„В целом руководствуемся постановлениями партии и правительства. Вот, — министр раскрыл сборник законодательных решений по Байкалу. — Их мы и выполняем. Будут приняты новые законы — и их станем выполнять”.

Ну, насчет законодательных решений — это словесность. Что, как и зачем нужно делать, определяет не законодательство, а законодатели — в ЦК. К их указаниям подгоняется все: и план, и законодательные решения, и заведомо фальсифицированные научные обоснования, и заведомо фальсифицированная отчетность. На них-то и наталкивается и нарождающееся, слава Богу, подлинное общественное мнение, мнение честных ученых и мнение патриотов, мнение тех, кто не теряет надежды спасти нашу землю. Это мнение набирает силу, и положение его не безнадежно. Но, увы, и в науке, и в так называемой „честной и прямоточной советской общественности” всегда находятся не только министры, но и ученые, ораторы и журналисты, готовые перетолковать любой довод и переиначить любой факт в угодуозяину. Распутин не зря записал:

„Что верно, то верно: сколько раз в течение этого разговора мы не в состоянии были понять друг друга потому именно, что доказательства, которыми мы пользовались и которые должны были исходить от одних беспристрастных и заинтересованных в судьбе Байкала контролирующих органов, оказывались не только разными, а порой прямо противоположными”.

И не случайно Минлесбумпром имеет собственный институт токсикологии, снабжающий его нужными экспертизами. Тот самый

институт, о котором ответственный замминистра разъяснил Распутину:

„Объективные исследования по влиянию промышленных предприятий на Байкал ведет наш институт экологической токсикологии. Вы говорите об эпишуре. Представьте себе, там этому рачку, которого и глазом-то почти не видать, делают электрокардиограммы. У них замечательная аппаратура. Да, деньги министерство на свою науку не жалеет”.

Верно. Руководители министерств знают, на что жалеть, а на что не жалеть. Они служат. И стараются служить так, как этого хочет хозяин. И на вопрос Распутина, почему бы не перепрофилировать Байкальский целлюлозный комбинат на какое-либо другое, менее вредное производство, министр отвечает:

„Это не в нашей компетенции. Скажут нам убрать комбинат — мы его уберем. Это решаем не мы. Любое изменение даже плановых заданий, не говоря уже о том, быть или не быть комбинату, зависит от Госплана”.

От кого зависит Госплан, к сожалению, речи не было. Но об этом и говорить не требуется. И министр, и его заместители, и Распутин, и мы в нашей малочисленной редакции это знаем.

Министр лесной и бумажной промышленности (М. И. Бусыгин) в сущности как министр никакой ответственности не несет. Персональную ответственность он понесет, если назначат понести. И беседа с писателем состоялась уж наверно не по его инициативе. В этой беседе главную роль играет не министр, а писатель. Писатель, которого министр вынужден принимать и который, невзирая на эпишурные кардиограммы института токсикологии Минлесбумпрома,

..... не из собственных, разумеется, наблюдений, возражал: за время работы комбинатов более чем в половине акватории Байкала концентрация вредных веществ сделала опасной для ее обитателей, в южной части озера уменьшается число уникальных водорослей... Министерство уверяет, что район выпуска сточков представляет зону экологического благополучия. Я же пришел вооруженный фактом, что в этом районе 'экологического благополучия' эпишюра гибнет почти наполовину. Где истина, кому служит наука и что это за наука, путающая черное с белым и вред с пользой?”

От „Русского леса” Леонида Леонова (1953) до приема В. Распутина в Минлес-

бумпроме (1986) прошло почти тридцать три года. Процесс разрушения русской природы под руководством партии и правительства шел в эти годы ускоренным темпом.

С „первейшей должностью” каждого русского человека дело обстоит непростое. Быть сыном отечества нелегко. Но по этому нелегкому пути идут... Распутин не одинок. Напротив, его популярность — ответ на его писательскую и публицистскую деятельность, на его отношение к своей „первейшей должности”. Разговоры о так называемой „русской партии” пожалуй что преждевременны. Но и в них выражаются направленные умы, а говоря поторжественней, зовы совести тех, кто чувствует себя сыном отечества, тех, кто стремится спасти русский лес, спасти Байкал, не допустить поворота русских рек с севера на юг, сохранить памятники нашей старины, тех, кто ищет узнать правду о нашей тысячелетней истории и понять, в какую веру нас крестили тысячу лет тому назад, да в конечном счете и тех, кто, не сильно еще задумываясь о нашей природе и истории, уже в годы хрущевской оттепели поднял знамя борьбы за гражданские права и политические свободы.

Что они могут сделать? Мало. Но это „мало” уже — много. Это „мало” — несогласие с укоренившимся у нас парализующим безнадежным „ничего сделать нельзя”. Это „мало” — отказ от беспрекословного повиновения, от министерского „не в нашей компетенции”. Это „мало” — несоизмеримо больше, чем ничего. Померанцев тридцать три года тому назад сделал мало, написав свою статью „Об искренности в литературе”. И Твардовский сделал не так уж много, напечатав „Один день Ивана Денисовича”. Да и героям освободительного движения, Огурцову, Галанскову, Евдокимову, Сендерову (и многим другим, имена же их Ты, Господи, веси!) не так-то уж много досталось сделать.

Но из этого „мало” складывается „много”. И не говорите, что Распутин мало чего добился, побывав в Минлесбумпроме. В опоре на миллионы своих читателей он добился приема у министра и сказал ему правду о Байкале. Он выразил мнение русского общества. А мнение общества — тоже власть. Та вторая власть, с которой правительство любой страны, в том числе и нашей, рано или поздно вынуждено считаться.

Роман РЕДЛИХ

Природа – последнее достояние советских граждан

Интервью с Борисом Комаровым

Книга Бориса Комарова „Уничтожение природы”, выпущенная 7 лет тому назад изд. „Посев”, переведена на многие языки и пользуется заслуженным успехом. В настоящее время автор ее проживает в Израиле и работает по своей специальности — экологии. На проходившем недавно в Женеве конгрессе Профессорской академии, где говорилось о будущем Советского Союза, Б. Комаров прочел очень содержательный доклад о нынешнем состоянии природы в СССР и перспективах решения экологических проблем. Там же в Женеве Б. Комаров дал члену редакции „Посева” В. Ламздорфу интервью, публикуемое ниже.

— Господин Комаров, что можно сказать о состоянии природы в Советском Союзе?

— Кризис предыдущих десятилетий углубляется и расширяется. Глубинные процессы, проанализированные, среди прочих, и в моей книге, к сожалению с тех пор не изменились.

— Значит, воз и ныне там?

— Нет. Изменения есть. Очень повысился интерес к экологическим вопросам. Любая книга, любой доклад на эту тему пользуются большим успехом. Профессия эколога стала престижной. В вузы, на специальности связанные с охраной среды, идет больше абитуриентов, чем на куда более доходные торговые специальности. У меня впечатление, что природа была для советских граждан их последним достоянием, а теперь они сознают что их лишают и этого. В определенном смысле советскому человеку, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, „нечего терять, кроме своей природы”.

— А как реагирует на гибель природы власть?

— По газетам — грандиозно: строятся очистительные устройства, земли восстанавливаются, воды очищаются, выбросы в атмосферу улавливаются... Был издан ряд законов — об охране атмосферы, животного мира, о земле, о заповедниках, о природных памятниках, о национальных парках. Но в той же советской печати мы можем прочесть об „отдельных недостатках”, дающих куда более точную картину положения: например, в Карелии в ближайшем будущем, возможно, придется ввозить лес! В Карелии „мелиорация” столь успешно осушила болота, что там не удерживается влага. Теперь это — тысячи квадратных километров искусственно созданной пустыни.

Сотни миллионов тонн золы скапливаются ежегодно в отвалах тепловых электростанций. 90% этой золы никак не используется. Процент использованных городских отходов не превышает 2%. Мало делается против загрязнения воздуха автотранспортом (если не считать замораживание производства частных автомобилей на уровне 1.200.000 в год). Ассигнования на охрану природы, достигшие было в 70-х годах 5% всех капиталовложений в промышленность, упали (учитывая инфляцию) сперва до 4%, а теперь до, приблизительно, 3,5% (для сравнения: в Японии соответствующая цифра — 17%). Этот список можно, увы, продолжать долго.

— „Оргвыводов” из этого не было никаких?

— Нет, были. Госкомитет по метеорологии и гидрологии был переобразован в Комитет по метеорологии, гидрологии и контролю за окружающей средой. Но его функции, на практике, ограничиваются измерением уровня загрязнения и выяснением его причин. Некоторые республиканские комитеты (прибалтийские, украинский) достигли больших успехов, чем общесоюзный, например, в деле экспертной проверки новых проектов. Зато, что касается уже действующих предприятий, то Комитеты имеют право лишь представлять материал для удержания выплаты премий передовикам и лишения права побеждать в социалистическом соревновании.

— Звучит как издевка...

— А что же тогда сказать о положении в РСФСР, где и такого комитета нет?! Впрочем, надо заметить, что в этих комитетах работает много людей, действительно озабоченных делом, которые стремятся исполь-

звать все „ходы” системы, чтобы хоть как-то улучшить положение. И кое-чего достигают.

— Если не вмешивается Ее Величество Оборона...

— Конечно. Тяжелые трактора трамбуют землю, в нее не проникает влага, но снять их с производства нельзя — производство таких тракторов тесно связано с производством танков. От слишком тяжелых тракторов страдают почвы не только в СССР, но и в странах, импортирующих советскую технику. В некоторых районах ГДР развилась такая сильная эрозия, что восточные немцы, при всей их послушности „старшему брату”, отказались 7 лет назад ввозить советские трактора и закупили легкие машины на Западе.

Другой момент — поворот северных рек на юг. Знакомый норвежский профессор рассказал мне, что один советский коллега доверительно сообщил ему о выступлении маршала Огаркова (еще до снятия) в новосибирском Академгородке. Он, якобы, высказался против поворота рек, ибо это хоть и будет способствовать усилению обороноспособности страны, но одновременно подорвет хозяйство Сибири — то есть, в конечном счете повредит и обороне. Может быть Огарков и сказал все это, но известно, что советский военно-промышленный комплекс — одна из могучих группировок, которые активно требуют осуществления этого авантюрного проекта.

— А как печатать?

— Общий зажим экологической темы не коснулся. Наоборот, вновь появились, например, материалы о загрязнении Байкала; с середины 1983 года „Известия” систематически поднимают экологические вопросы, порой очень остро. Может потому, что экология — это область, где и „капитализму” часто нечем похвастать?

— Кстати об этом: Вы теперь в состоянии произвести в этом вопросе сравнение между Западом и Востоком.

— Главная разница — контроль посредством общественного мнения. Любой важный проект в демократических странах публикуется на всех стадиях, и каждый заинтересованный гражданин имеет доступ ко всей информации, с которой он может обратиться в прессу, к политическим партиям

и лидерам, подать в суд. Государственные бюджет и приоритеты прямо или косвенно определяются общественностью. Для предприятий создана система стимулов (штрафов за загрязнение, налоговых скидок за капиталовложения в охрану природы).

У нас же предприятия смотрят на эти затраты как на груз. Механизм стимулов не выработан на уровне государственного бюджета. Дело не только в твердолобости и в раз навсегда установленных приоритетах, но и в нехватке денег. Даже при всем желании (сам Горбачев, возможно, многое понимает — он между 1970 и 1974 г. заседал в Комиссии Президиума Верховного Совета по охране природы) наскрести значительные суммы на охрану среды совсем не просто. Денежные ресурсы кончаются, добыча нефти снижается, а энергия необходима, цветные металлы необходимы и для экспорта, и для военной промышленности. Даже если Горбачев и задумает сократить аппетиты военных, чем заменить поступления валюты от продажи оружия арабским и прочим странам?

Советские ученые работают на хорошем уровне. Научная информация есть, и она аккуратно попадает на стол „руководящим товарищам”. Поэтому, если раньше кое-что можно было списать на глупость, на неосведомленность, то сегодня отрицательные последствия известны заранее. Все что губится, губится с полным знанием дела.

— Все это оставит будущей России тяжелое наследие. Эту тему Вы рассматриваете во второй части Вашего доклада...

— Тему будущего России меня просили проанализировать организаторы конгресса, и в первый момент она мне показалась „болтологией”: какая там будущая Россия, кто ее видел? А в ходе работы я ею увлекся. Если исходить из гипотезы, что когда-нибудь, скажем, лет через 20—25, вместо СССР возникнет страна, где правительство будет заботиться об интересах народа, скажем, не меньше, чем правительства западных стран, то я вижу следующую ситуацию. Экологические проблемы разделяются на две группы. Одни сравнительно легко разрешимы на основе достигнутого научного потенциала, под давлением независимой общественности или просто под действием рынка (например, вырубка леса сверх возможности доставки потребителям или никому не нужная „мелиорация”). В этом плане можно ожидать быстрое развитие служб по охране среды

(наподобие американской или канадской), включение в международные усилия по защите природы, значительное увеличение сети заповедников и природных парков.

Но другие проблемы решить совсем не так просто, если вообще возможно: как, например, восстановить тундру и лесотундру, погубленные на огромных площадях? Без добычи нефти и других энергоресурсов нельзя будет обойтись, а именно энергетика и ответственна за самые тяжелые проблемы в самых неблагоприятных районах (Западная Сибирь, Казахстан). Развитие малозагрязняющих и экономных техник требует огромных капиталовложений. Колоссальных средств потребует борьба против эрозии сельскохозяйственных и лесных земель. Необходимо модернизировать тяжелую и химическую промышленность, покончить с привилегиями военно-промышленного комплекса, часть которого будет, скорее всего, переключена на гражданские нужды — на что тоже нужны капиталы. Словом, необходимы будут широкие программы для разрешения проблем, о которых надо было думать 10 или 20 лет назад. Все это обойдется не дешево, а отложения не терпит: к 2000 г. ущерб от загрязнения среды может достигнуть 20% национального дохода.

На эти многомиллиардные бюджеты усилий одной России не хватит, потребуется помощь и остальных республик. Но экологические проблемы не всюду достигли одинаковой остроты, и самые благополучные республики (прибалтийские, Армения, Грузия) могут иметь серьезные возражения против жертв на нужды самых неблагоприятных (РСФСР и Казахстан). Так что если будущая Россия останется в ее нынешних границах, то эта проблема может усилить центробежные тенденции.

— Простите — какие различия между республиками? Ведь система-то одна...

— В условиях одной и той же социалистической экономики, в Эстонии, например, дела идут намного лучше. По многим показателям охраны среды Эстония — на уровне средней западной страны (что не означает отсутствия проблем — но они есть и на Западе). Правда, у эстонцев мало военной тяжелой промышленности. Но есть энергетика, химия. Эстонцы — пионеры малоотходных технологий в СССР. У них был создан первый в Союзе национальный парк (Лажмаа),

где хозяйственная деятельность эффективно регулируется. Все это явление достойно подробного анализа. Механизма его я не знаю. Но знаю одно: эстонцы любят свою Эстонию, и умеют выразить свою любовь на деле, а не в громких словах.

РАЗНОЖАЙТЕ
ДОСТУПНЫМИ ВАМ СПОСОБАМИ
СТАТЬИ ИЗ „ПОСЕВА“
И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ИХ

Прислушиваясь к боли русской деревни

„От критики положения в советской деревне к защите русской традиции“, — так можно было бы кратко охарактеризовать недавно вышедшую на французском языке в парижском издательстве „Табль ронд“ антологию советской „деревенской прозы“. Не в пример редким советским сборникам рассказов писателей „деревенщиков“ данная антология красочно показывает, как, описывая неприглядную колхозную действительность, авторы выявляют систематическое вытравливание в советский период того духовного начала, на котором строилась веками не только деревенская жизнь, но и зиждилось существование всего русского народа.

Правильно отметил литературовед Анатолий Ланщиков:

„Современные острые вопросы деревни — это наши общенародные вопросы, от правильного решения которых зависит судьба всего народа, а не только одного крестьянства. Современная литература о деревне — это общенациональная литература и достижения ее способствуют расцвету всей отечественной литературы“ (Вопросы и время. Изд. „Современник“, М., 1978).

Антология содержит отрывки, а иногда и целиком короткие произведения двенадцати

„A l'écoute des villages soviétiques“. Note et préface de Françoise Burgun. — Paris: Editions de la Table ronde, 1985.

ти, пожалуй, самых известных советских писателей: В. Овечкина, А. Яшина, Е. Дороша, Ф. Абрамова, С. Зальгина, В. Можая, В. Солоухина, Е. Носова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина. Введение к книге написал Владимир Солоухин. Предисловие, объясняющее выбор отдельных отрывков, составила молодая французская переводчица Франсуаза Бюргун. В книге даны краткие биографии всех авторов. Как явствует из подробной библиографии по вопросу о „деревенской прозе“, составитель воспользовался, кроме советских источников, также журналами „Посев“ и „Грани“, уделявшими за два последние десятилетия немало внимания писателям „деревенщикам“.

За полным отсутствием хотя бы мало-мальски талантливых писателей, готовых воспевать партийные мифы и фикции, власти пришлось сначала смириться с набирающим постепенно силу „деревенским“ течением. Но затем, когда оно окрепло, партийное руководство повело против него наступление. Сначала исподволь, через подставных „литературоведов“, а затем лобовыми наскоками. В июне 1983 года, то-есть еще при Андропове, на пленуме ЦК, посвященном идеологическим вопросам, Черненко в своем докладе сказал:

„Вызывает беспокойство, что в некоторых произведениях допускаются отступления от исторической правды, например, в оценке коллективизации, проскальзывают „богоскательские“ мотивы, идеализация патриархальщины. Встречаемся мы и с примерами, когда автор либо теряется перед сложными проблемами, либо пытается щегольнуть „нестандартным“ их толкованием, а в итоге получается искажение нашей действительности“.

При генсеке Горбачеве аналогичная оценка была дана в декабре 1985 года на VI съезде писателей РСФСР. Председательствующий на съезде С. Михалков — автор советского гимна — заявил в своем отчетном докладе, что деревенская литература —

„...это всего-навсего повторение пройденного, скольжение по накатанной колее, эксплуатация стереотипных ситуаций и коллизий, литературный туман. По-прежнему живет в этой прозе „пасторальный“ дух, по-прежнему тиражируются патриархальные старики и старухи“.

Именно об этих „патриархальных“, а на самом деле исконно русских людях, представляющих все ценное, что сохранилось сегодня в крестьянской душе, пишут авторы, произведения которых вошли в эту единственную в своем роде антологию.

М. Славинский

Прощание с матерью

Введение Владимира Солоухина к антологии „деревенщиков“

Термин „деревенская проза“, „писатели-деревенщики“ появился недавно, в шестидесятые, семидесятые годы, хотя русская литература всегда обращалась к деревне, к „мужику“, к его жизни. Я думаю, что Иван Сергеевич Тургенев с „Записками охотника“ получил бы клеймо „писателя-деревенщика“, если бы эти „Записки охотника“ появились в наши дни и попали в руки наших критиков. Толстой ведь тоже много писал о крестьянах, о мужиках, не говоря уже о поэте Некрасове.

Однако, то, что понимается в Советском Союзе под „деревенской прозой“ и под „писателями-деревенщиками“ сейчас, явление, конечно, современное. Оно вызвано состоянием современной российской деревни,

ее эволюцией, ее отрицанием, ее, фактически, гибелью. Изменялась деревня, изменялись процессы, происходящие в ней (или с ней), изменялась и литература о деревне.

В послереволюционное время первым (и последним) поэтом, певцом собственно русской деревни был Сергей Есенин. Он интуитивно предчувствовал катаклизм, надвигающийся на нее, понимал, чем грозит этот катаклизм, успел его проклясть, а милую его сердцу деревню, деревенскую деревянную, соломенную Русь успел оплакать.

„Здравствуй Ты, моя черная гибель,
Я навстречу к Тебе выхожу“, — обращался Есенин к тому, что надвигалось и нависало.

Сергей Есенин — это прощанье русской литературы, и в частности поэзии, с русской деревней.

Текст получен от издательства „Табль ронд“.

Есенин погиб в 1925 году, а то, что он предчувствовал, обрушилось на деревню четыре года спустя, в 1929 году, и называлось это — коллективизация, совмещенная с ликвидацией наиболее инициативной и зажиточной части крестьянства в количестве около шести миллионов семейств. Число людей не установлено, но надо иметь в виду, что крестьянские семьи в то время были многочисленны. Пишущий эти строки, например, был в семье десятым ребенком.

Коллективизация была произведена, и тому, кто ее произвел, понадобилось, чтобы такое огромное переломное событие было отражено в литературе. Возник своего рода социальный заказ, на который откликнулись, разумеется, многие, особенно поэты с их стихотворениями, но со временем как-то ничего от этих стихов не осталось. Однако некоторые произведения надо назвать, тем более, что по крайней мере два из них являются крупными и значительными. Я имею в виду поэму Твардовского „Страна Муравья” и „Поднятую целину” Михаила Шолохова. К ним примыкает и роман Мальшчина „Люди из захолустья” — книга, несомненно, талантливая и яркая.

Можно вспомнить и еще две поэмы: „Трипольскую трагедию” Бориса Корнилова и „Павлика Морозова” Степана Шипачева. Первая о том, как погибли комсомольцы в борьбе с кулаками, а во второй, беспрецедентно в мировой поэзии, воспеты не доблесть и благородство, но факт предательства мальчиком-пионером своего родного отца.

Впрочем, так или иначе, в той или иной мере все литературные произведения того времени оправдывали акцию раскулачивания и коллективизации, а вернее сказать, оправдывали ее в полной мере и безоговорочно.

Затем начался период литературы о созданном таким образом колхозах, о „счастливой” и „зажиточной” колхозной жизни. Эта литература существовала вплоть до 1953 года и особенно расцвела в послевоенные годы, когда российская деревня жила хуже всего, на грани голода, страдая, кроме всего прочего, от недостатка мужской рабочей силы и вообще мужчин, потому что почти все они были выбиты на войну.

Впоследствии, в середине пятидесятых годов, эту литературу, воспевающую и прославляющую колхозную жизнь, называли „лакировочной”, то есть лакирующей, приукрашивающей действительность. Я думаю,

что если бы она просто приукрашивала, не понадобилось бы для нее специальный термин, но дело в том, что она создавала картины диаметрально противоположные существовавшей тогда действительности. Назовем некоторые произведения той поры о российской деревне, о колхозной жизни.

Поэмы „Колхоз Большевик” и „Весна в Победе” Николая Грибачева, поэма „Алена Фомина” Александра Яшина, поэма „Флаг над Сельсоветом” Алексея Недоганова, „Поддубенские кашушки” Сергея Антонова, роман „От всего сердца” Елизавета Мальцева, роман „Кавалер Золотой звезды” Семена Бабаевского. Все перечисленные произведения получили Сталинские премии, то есть, они, значит, являлись теми произведениями, которые поощрялись, которые были нужны, ставились в пример, дабы вызывать к жизни все новые и новые подобные же произведения*.

Неизвестно, как далеко бы ушла по этому пути наша литература, но в 1953 году произошло известное всему миру событие, а затем XX съезд КПСС с разоблачением так называемого культа личности, то есть Сталина. Все увидели вдруг, что в российской деревне не просто неблагополучно, но что она находится в состоянии бедствия.

Надо сказать, что как только сделалось возможным, литература тотчас же разглядела эту бедственность и откликнулась на нее. Впрочем, к теме коллективизации, то есть к самому процессу образования колхозов, литература уже не обращалась, за исключением великолепной повести Сергея Зальгина „На Иртыше”. Эта повесть остается пока что единственным и лучшим произведением о коллективизации. „Кануны” Василия Белова описывают, как показывая само название, российскую деревню лишь накануне этого события. Будем надеяться, что роман будет продолжен этим интереснейшим из современных русских писателей и тогда художественное слово о коллективизации будет сказано.

Само существование колхозов не подвергалось сомнению, но вот — неблагополучно в колхозах и надо искать причины этого неблагополучия и положение нужно исправлять.

* Само собой разумеется, что подобные романы и поэмы возникали тогда во множестве и в Союзных республиках, на языках всех народов, населяющих СССР.

Все сходилось на том, что виноваты плохие руководители. Плохой председатель колхоза, плохи дела в колхозе. Плох секретарь райкома, и дела в районе соответственно идут плохо. И очерк Вл. Тендрякова „Падение Ивана Чупрова” (одна из первых ласточек критической литературы о деревне в 50-е годы) и „Районные будни” Валентина Овечкина и „Деревенский дневник” Ефима Дороща и очерки Тропольского, — как бы смелы для своего времени все эти произведения ни были, все же не дерзали (или не умели еще) обнажить истинных причин бедственного состояния российской деревни. Даже наиболее радикальное, обобщающее и быющее в цель произведение тех лет — рассказ Александра Яшина „Рычаги” (который можно считать своеобразным маленьким чудом), все же стремился лишь к исправлению недостатков, а не к искоренению причин. Вот были бы эти собравшиеся в клубе мужики посмелее, поискреннее, потверже духом и — глядишь — отстояли бы правду. Конечно, как художник и реалист Александр Яшин копнул значительно глубже, нежели сам собирался и хотел (это в литературе случается), он, как говорится, попал этим рассказом в „десятку” и в этом непреходящее значение этого маленького по объему шедевра.

Характерно, что, скажем, очерк В. Тендрякова „Падение Ивана Чупрова”, в котором было нарисовано бедственное положение колхоза, получил решительную поддержку чуть ли не правительства (Хрущева), а рассказ Яшина получил столь же решительное осуждение, ибо у Тендрякова был взят частный случай (плохой председатель) и это понравилось, надо же было на что-то сваливать бедственное состояние деревни, а у Яшина затронута более коренная сущность происходящего, система.

Эта мысль подтверждается резко отрицательной реакцией и на очерк Федора Абрамова „Вокруг да около”, осуждением его.

Этот очерк грянул тогда, как гром среди ясного неба. В то время как Тендряков, Овечкин, Дорощ критиковали лишь частности, в то время, как само сельское хозяйство пытались поправить тоже частностями (укрупнять колхозы, разукрупнять колхозы, сеять кукурузу, не сеять кукурузу) Федор Абрамов встал и брякнул: вокруг да около ходите, вокруг да около смотрите, надо исправлять систему, а не отдельных председателей колхоза. Я сознательно употребил слово „исправлять”, а не „менять”,

потому что до второго слова Федор Абрамов так и не дошел, умерев весной 1983 года.

Система хозяйствования на земле ни исправлена, ни тем более заменена не была, и положение в деревне продолжало усугубляться. Российская деревня начала катастрофически разрушаться, практически исчезать с лица земли. Тысячи и десятки тысяч деревень исчезали и продолжают исчезать с лица земли, место, где стояли эти деревни, запахивается тракторами и уже ничто не напоминает о том, что здесь на протяжении веков жили люди. Только разве крапива, если место пока еще непахано. А ведь русская деревня была категория не только экономическая, не только социальная, но в первую очередь — духовная.

Этот процесс исчезновения российской деревни породил целую плеяду замечательных русских писателей. Сюда, к этому роду писателей можно отнести и А. Яшина с его „Вологодской свадьбой”, и Федора Абрамова с его романами, и Бориса Можая. Но особенно Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, а из более молодого поколения Бориса Екимова, Владимира Крупина. Обратим внимание хотя бы на названия произведений этих писателей: „Последний поклон” (Виктор Астафьев), „Прощание с Матерой” (Валентин Распутин), „Последняя хата” (Борис Екимов), „Сорокоый день” (Владимир Крупин).

Эти люди, родившиеся в русской деревне, выросшие в ней и хоть немного помнящие, какой она была, прощаются, в сущности говоря, с родной матерью, оставаясь одиночками и беззащитными, бескорневыми на холодном и беспощадном ветру истории.

РЕДЛИХ Роман

Советское общество
1972, карм. форм., 240 с.

18 мм

Социологический анализ советского общества. Превращение сталинской знати в господствующий класс. Проблема его устойчивости и тенденций разложения.

Солидарность и свобода

1984, 344 с.

16 мм

Книга построена на основе „Библиотечки солидариста”, серии из 19 небольших брошюр, и дает связанное изложение идеологии Народно-Трудового Союза российских солидаристов, как ее понимает автор.

Сопротивление будет продолжаться

Интервью с И. А. Иловайской, главным редактором „Русской мысли”

— Как Вам кажется, заканчивается ли правозащитный период Демократического движения в нашей стране?

— Думаю, что правозащитный период в той форме, в какой мы его знали, заканчивается или даже уже закончился. Ведь из всех групп и движений, существовавших в СССР, действует фактически еще только так называемая Группа за установление доверия между СССР и США — то есть неофициальные пацифисты. Но и эту группу в настоящее время уничтожают разными способами: кого в тюрьму, кого в психушку, кого за границу.

Я должна сказать, что попытки требовать в СССР соблюдения законности или конституции всегда казались мне не убедительными по сути. Они были хорошим тактическим маневром; умело действуя, можно было чего-то добиться, а главное, — правозащитное движение обращалось к Западу, осведомляло западное общественное мнение и привлекало его внимание к тому, что происходит в Советском Союзе. Вероятно, благодаря тому, что о нем шла речь в радиопередачах на Советский Союз и в самиздате и тамиздате, оно могло вызвать людей в СССР на размышления. Однако я настолько убеждена в том, что коммунистическая система (не только советская) — антиправовая и античеловечная по своей природе, что, на мой взгляд, попытки советских граждан добиться соблюдения их прав *в рамках этой системы* заранее обречены на неуспех.

Иногда бывало даже обидно читать обращения с призывами к генеральному секретарю — помочь, проявить гуманность. Какая там гуманность! Все это может быть только тактикой. Но думаю, что не все в Советском Союзе понимали и понимают истинную суть коммунизма, и поэтому не для всех такая форма правозащитной деятельности, в рамках системы, была лишь тактикой. Однако нет сомнения в том, что так или иначе все это дало плоды, принесло пользу; на мой взгляд, это было лишь начало долгого и сложного процесса. Я уверена, что то-то продолжает происходить в Советском Союзе и сейчас — но только подспудно. Закончился период явной, открытой правозащитной деятельности.

— Какую же, по Вашему мнению, новую тактику должна применять российская оппозиция? Какие методы борьбы она должна взять на вооружение?

— Мне кажется, что следующим этапом в развитии оппозиции должна была бы стать борьба за широкое осмысление народом его собственного (несомненно, существующего) недовольства коммунистической системой. Думаю, что только таким путем можно достичь глубоких изменений в Советском Союзе. Весь мой опыт говорит мне, что изменения возможны, потому что у молодежи нет того страха, того как бы гипнотического состояния перед властью, которые были и есть у старших поколений. Мне кажется, что нынешние советские молодые люди уже не ведут себя как кролики, готовые прыгнуть в пасть удаву. И если Горбачев не пойдет на то, чтобы применить террор сталинского типа, или ему это не удастся, то эволюция общества к раскрепощению будет продолжаться и люди найдут способ оказать власти компактное сопротивление. Произойдет в некотором роде то, что случилось в Польше.

— Вы думаете, что в нашей стране появится масштабная политическая оппозиция?

— Да. Но я думаю, что она не будет с самого начала политической. Вероятно, сначала она будет скорее социальной или экономической и будет исходить из факторов, порожденных ежедневным бытом, и, несомненно, она будет носить нравственный, этический характер. Однако она неизбежно перерастет в политическое движение, так как это нормальный путь развития. А какова альтернатива? Взрыв народного гнева, по-человечески вполне понятный, но который стал бы для всех трагическим решением. Конечно, предпочтительнее путь политической оппозиции. Если же власть все же попытается возобновить сталинский террор, то тогда вполне возможно, что отчаявшийся народ „пойдет в топоры”.

— Но ведь власть не может допустить существования и развития политической оппозиции?

— Конечно, она будет сопротивляться всеми силами, но весь вопрос в том, каких размеров достигнет оппозиция. Если она станет

широкой и если возникнет то, чего у нас пока, увы, нет, — связь между интеллигенцией и так называемым „простым народом“, — тогда, действительно, что-то может измениться. Важно, чтобы интеллигенция перестала считать народ „быдлом“, — что, на мой взгляд, великий грех и страшная ошибка, — чтобы она перестала, давая подкупать себя привилегиями, искать оправдания в рассуждениях о том, что „народ — он такой, он хочет, чтобы его били“. Нужно делать все для того, чтобы это изменилось. И тут наша роль весьма значительна. Без эмиграции, без свободной зарубежной общественности этот процесс будет еще труднее и медленнее.

— Последний вопрос. Думаете ли Вы, что Горбачев хочет провести глубокие экономические реформы и что он сумеет это сделать?

— Я полагаю, что Горбачев и другие советские руководители хотели бы что-то сделать, чтобы выпатчить советскую экономику, — и

в частности, военную промышленность — из ямы, в которой она находится. Наверное, правильно сказать, что действительность вынуждает советское руководство провести реформы; но я все же считаю, что они их не проведут. Им помешает идеология, в первую очередь, им помешают страх, взаимная вражда, взаимное недоверие и междоусобная борьба. А кроме того, мне представляется, что многие из них все-таки не до конца понимают, что реформы абсолютно необходимы — и радикальные реформы. Я видела и слушала выступления Горбачева во время его пребывания в Париже. Это такая посредственность, такая беспросветная серость! Представить его в роли реформатора, новатора, человека, способного пойти наперекор идеологии, просто невозможно. Пока коммунистическая идеология будет в силе, пока она будет „святая святых“, государство останется неспособным к проведению настоящих реформ.

● РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

«Необъяснимым чудом было наше крещение»

Открытое письмо Н. С. Гордиенко

Протопр. А. КИСЕЛЕВ

Не знаю, как мне к Вам обращаться: товарищ? Но уже что-то, а люди, столь далекие один от другого по своим убеждениям быть товарищами не могут... Господин, — но для Вас такое обращение, наверно, звучит почти оскорбительно... Потому, в обращении моем к Вам, назову Вас — дорогой, ибо Господь наш Иисус Христос заповедал нам: „Любите врагов ваших“.

Итак, дорогой Н. С. (не знаю Вашего полного имени и отчества).

Прежде всего, название Вашей книги — „... факты против легенд и мифов“. Разве это обязательно противоречивые понятия? Вы же говорите: Чапаев — легендарный ге-

рой, и тем никак не хотите сказать, что его героизм — вымысел.

А миф. Это греческое слово переводится как „сказание, предание“ ... „сказание о необыкновенном событии“ ... „народное предание о каком-либо событии“*. Следовательно, легенды и мифы это не нечто противоположное фактам, а запечатление в народном сознании наиболее важных и интересных событий, имевших место десятки, сотни или тысячи лет тому назад.

Слова „Крещение Руси“ Вы берете в кавычки. Почему? Не потому ли, что хотите поколебать достоверность события? Поскольку сам факт Крещения отрицать невозможно, то Вы этими кавычками пользуетесь как усмешкой, которая на некоторых людей действует сильнее, чем разумный довод. Таким образом, одно название книги уже настораживает вдумчивого читателя и не обещает ему серьезного материала.

На страницах Вашей книги Вы чрезвычайно часто повторяете, очевидно считая необхо-

* Статья протопр. А. Киселева была опубликована в журнале „Русское возрождение“ № 31, 1985 г. под названием: „Открытое письмо Н. С. Гордиенко, автору книги „Крещение Руси“: — факты против легенд и мифов“. Лениздат 1984 г. Печатается с любезного согласия редакции журнала.

* Словарь иностранных слов. Изд. „Советская энциклопедия“, Москва, 1964 г.

димым взломать в сознание читателя, что не было Крещения Руси, а было лишь крещение киевлян. А кто же утверждает, что по всей Руси в один день и час крестили всех и вся! Так и быть бы не могло. Однако определенную дату Крещения, имевшего место в столице, в Киеве — Матери городов русских — вполне законно считать Крещением Руси, всего русского народа.

Сопоставьте. В октябре 17 года в Петрограде произошла революция. О ней, скажем, в Казани узнали через 2—3 дня, а в далеких углах Сибири через 2—3 недели... Однако революцию в России (а не революцию в Петрограде) Вы празднуете в один и тот же день — по всей стране.

Вы обвиняете „богословско-церковные круги Московской патриархии” в присвоении христианству со времен Крещения нашего народа в 988 году „начала всех начал” (стр. 7) — и культуры, и государственности, и национального характера и т. п. В чем же тут незаконность присвоения?

Вот на Валдайской возвышенности обозначено место, где начинается Волга — струйка, родничок. Я отойду на 50—100 шагов и найду эту же струйку, но еще меньшую, и начну утверждать, что не там, а вот тут начинается Волга.

До Крещения нашего народа (если Вам так угодно, то киевлян) предки наши не на четвереньках ходили. Зачатки религии, культуры, государственности и драгоценных душевных черт характера у них были и до Крещения. Этого ведь никто не оспаривает.

Вы всячески подчеркиваете, что „Крещение Руси” это Крещение киевлян, церковный юбилей, а не знаменательная веха нашей истории. Однако сами делите историю древней Руси на „дохристианский и христианский период” (стр. 15), тем самым признавая, что Крещение Руси было самым большим поворотным моментом в истории древней Руси. Зачем же Вы обвиняете Патриархию, если и она указывает на то, что Крещение — это поворотный момент нашей истории, что именно с этого момента у нас пышно расцвели все формы жизни.

Акт Крещения, помимо его чисто духовного значения и влияния на формирование души русского человека (что Вам, атеисту, естественно отвергать), принес в народную жизнь соприкосновение с Византией, сокровищницей культуры того времени. Крещение стало дверью, которая открылась для нас в Византию. Если хотите, наподобие того „ок-

на в Европу”, которое семь веков спустя прорубил Петр Великий. Открытие двери не означает, что до этого мы были в абсолютной изоляции. Нет, что-то проникало, что-то влияло, но потоком хлынуло тогда, когда крестились — открылась эта дверь. Следовательно, Вы напрасно обвиняете Патриархию в незаконном присвоении. Как с Петра I началась у нас европеизация, так с Крещения началось приобщение к высшим формам понимания культуры, государственности и всего того, чем Византия была богаче нас. Заимствованное, проходя через призму нашего духовного склада, претворялось в самобытные ценности нашего народа.

Вы ведь это, Н. С., не хуже меня знаете и нехорошо делаете, вводя в заблуждение „массового читателя”, который в условиях советской жизни не имеет доступа к объективным данным.

Упомяну еще о некоторых моментах, которые проходят через всю Вашу книгу и о которых никак иначе не скажешь, как о недопустимых в честной борьбе приемах.

Вы все норовите запугать своих сограждан: сочувствие, де, 1000-летию Крещения Руси — это не так просто. Это, де, есть замуфлированная попытка „доказать неисторичность Великой Октябрьской социалистической революции” (стр. 18). Держись от этого подальше, советский человек, а то прямо в диверсию попадешь — как бы говорите Вы.

Патриархию припугнуть хотите: вы, де, тут комитет крещения устраиваете, монастырь открываете, празднование готовите... а кто вам в этом сочувствует, кто ваш духовный партнер, позвольте спросить? Так называемая „русская зарубежная церковь”, та самая, которая работает „для усиления... антикоммунистических настроений и антисоветской активности... активизации идеологических диверсий против нашей страны” (стр. 9). Простите, Н. С., но подобные действия у вас „стукачеством” называются.

Против кого Вы спорите, доказывая, что и до Крещения на Руси существовали те или другие „начатки” общественной, культурной или государственной жизни? Кто оспаривает это? Патриархия, добросовестные историки, Русская Православная Церковь за рубежом, русская эмиграция? „Образование государства — не начало, а определенный итог общественного развития...”, читаем в Вашей же книге (стр. 28). Конечно! Кто же с этим не согласен?

Итак блестящий расцвет земли нашей начался со св. кн. Владимира, с Крещения Руси, а до этого были добрые и хорошие походы, начатки, становление... Да и момент Крещения не был, и не мог быть, концом становления. Крещение — важная веха, нужнейший этап продолжающегося роста, развития, становления. Какой же подлинно русский человек не участвовал в этом процессе?

Но Вам не историческая правда нужна, Вы стремитесь лишь оклеветать Церковь, „деятеля которой якобы (sic! А. К.) направляли свое влияние на устройство государства“ (стр. 27). Якобы?! Преп. Сергий Радонежский, вдохновитель вел. кн. Дмитрия Донского на битву с татарами — это „якобы“? Св. митрополит Филипп Московский — защитник народа от „царя-Ирода“ (Ивана IV Грозного) — „якобы“? А св. патриарх Гермоген, замученный поляками в Смутное время за его верность православной Руси? А тысячи и тысячи им подобных строителей жизни русского народа своим потом и кровью! Это не „якобы“, а сущая правда — Церковь наша всегда была во главе строителей государства русского. И было это благотворным влиянием Церкви на государственную жизнь, а не вмешательством в ее прерогативы. Именно о таких взаимоотношениях Церкви и государства сказал историк Ключевский в речи по случаю 900-летия Крещения Руси: „... о вмешательстве Церкви в гражданские, политические дела известно, что воздержание от такого вмешательства — историческая особенность и политическое правило Православной Церкви: Божие Богови, кесарево кесареви“.

Говорить, что во время татарского ига Церковь пошла на услужение завоевателям, изменяла своему народу (стр. 170–179), низко и постыдно. Вряд ли Вам не известна монгольская доктрина о ладони и пяти пальцах — пяти великих религиях. Монголы не за молитвы об успехах татар в их борьбе с русскими давали льготы (освобождали церкви от „выхода“, т. е. податей-даров, которые взимались со всех прочих) Православной Церкви, а потому, что такие льготы они давали всем религиям (пять пальцев) как выразителям божества (ладонь).

Вы грешите против истории России, против чести писателя и против собственной совести тем, что не по неведению пишете клевету на правду. Это не раз явствует из Вашей книги.

Смотрите, как Вы хорошо передали стремление Патриархии убедить, „... что религия — первооснова культуры и ее глубинный стимулятор, а русское православие — главный фактор возникновения, становления и развития культурного наследия славянских народов нашей страны“ (стр. 34). Очень хорошо сформулировано, Н. С. Когда падет приоритет безбожия — а к этому дело определенно клонится — Вы еще и на богословские темы писать начнете.

Согласимся с Вами и в том, что и в дохристианской Руси „существовал достаточно высокий уровень развития духовной культуры“ (стр. 35). В том то и дело, что „духовная культура“ есть богатство, заложенное в глубину души человека. Потому малограмотный крестьянин может быть духовно развитым, а окончивший университет — духовным тушцей. Этот великий дар был свойствен нашим „языческим“ предкам, благодаря чему они и оказались способными чрезвычайно быстро усвоить византийскую „умную“ или духовную культуру, пришедшую к нам через болгар.

Возьмите, как пример, молодых сыновей св. кн. Владимира, страстотерпцев святых мучеников Бориса и Глеба, которые — эти вчерашние язычники! — добровольно отдают свои жизни, лишь бы не поднять оружие на своего старшего брата. А Федор и Иоанн — отец и сын, первые наши христианские мученики — за пять лет до крещения Руси отдавшие жизни за веру в Бога истинного. „Душа человека по своей природе — христианка“, писал блаженный Августин. Мы берем смелость думать, что тем паче душа человека русского.

Вы бросаете упрек Церкви, говоря, что „по ее повелению истреблялись как ‘порождения языческой суеверия’ ... многие произведения культуры дохристианского времени“ (стр. 36). Да, очень жаль, что Церковь не оберегала эти памятники. Но для нее это были живые изображения ложных богов, поклоняясь которым приносили даже человеческие жертвы. Это был X век. Но к лицу ли Вам, атеисту, об этом говорить? Не вы ли, атеисты, провозгласившие — „Бога нет!“, во имя этого „нет“, в XX веке, разрушали храмы, уничтожали иконы и убивали тех, кто не соглашался с вашим „нет“ и утверждал — „Есть“!

На странице 38-й Вы рассказываете, как человек молится петуху. Петуху, изображенному на барельефе. Но такое представление

Ваше столь же примитивно, как и утверждение, что молящийся перед иконой молится доске. Если же петух (птица) — символ (вспомните „Слово о полку Игореве” или „Поле Куликово” Блока), то как не признать, что икона (и многое другое в религии) тоже, по меньшей мере, символ. Если же это не воспринимается атеистическим сознанием, то придется вспомнить слова М. Горького — „Рожденный ползать летать не может”.

Допустим, что все то было совершенно в угаре революции... Ну, а теперь-то почему Вы — люди Вашего направления — продолжаете внушать „широким массам”, что „только то и действительно, что для нашего тела чувствительно” (Алексей Толстой)? Трудно подыскать достаточно мягкое слово для определения подобного действия.

В пылу Вашего страстного желания как-либо ущемить христианство, наипаче православие, Вы делаетесь адвокатом язычества! Вы забываете, что язычество это тоже вера, религия. Не поздоровится Вам за это от Лены, который не только о христианстве, а вообще о вере в высшее, нематериальное начало сказал, что „религия есть опиум для народа”. А Вы, Н. С., на всех 280 страницах Вашей книги стараетесь правдой и неправдой выгородить язычество и напасть на русскую Православную Церковь, борющуюся с языческими предрассудками и суевериями, „духовно закабалившими народ” (стр. 45).

Для Вас невыносимо звучат слова: „языческое невежество”, обозначающие неполноценность представлений того времени. Однако именно в то время было придумано колесо — колоссальное изобретение, положившее начало тому, что Вы называете материальной культурой (точнее сказать, цивилизацией). Следовательно, прошлый век „невежествен” лишь по сравнению с веком полета на луну, а не объективно, как этап развития. Аналогично происходит и с духовным развитием — культурой, происходящей не от колеса, а от культа (культу-ура), от познания и поклонения пред Высшим, неизмеримо более отстоящим от всей земной мудрости, чем колесо отстоит от полета в космос.

Не обрушивайтесь на „современных богословов” (стр. 45). Это не они первые сказали „языческое невежество”. Это выражение пошло от далеких предков наших. Его мы встречаем и у Ярослава Мудрого, и у митрополита Илариона, и у других величин рас-

цвета нашего славного прошлого. Поэтому спустя каких-либо полстолетия после крещения народа и могло родиться это выражение, что вновь крещеное поколение предков наших поняло утробное, коренное, несоизмеримое различие между их прошлым и их настоящим. Между язычеством, в котором было только ощущение чего-то высшего, запредельного, и христианством — религией откровения. Явлением того, что раньше лишь смутно чувствовалось и что теперь само открылось и сказало о себе. „Ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам” (1 Иоанн. I, 2). Христианство не выросло из язычества, хотя язычество и было временем тоски и искания Бога, и, в этом смысле, подготовлением человеческой души к принятию искомого. Но это искомое оказалось чем-то совершенно новым, не выросшим из исканий, а дарованным. Откровением Бога о Себе Самом.

Напрасно Вы пытаетесь порочить наш народ, представляя его каким-то погуляем, бормочущим что-то ему не понятное (у нас не на чужом греческом языке совершается богослужение, а на „своем, понятном, славянском”), и исповедующим веру, якобы лишь как одно „обрядовере” (стр. 121), которое Вы толкуете как бессмыслицу, и опять-таки сознательно, чтобы не сказать резко, „наводите тень на плетень”. Наши дохристианские верования — это показатель духовной жажды народа, его искания. Не будь их у нас, было бы непонятно, как народ наш так скоро мог освоить христианство. Христианство для нас оказалось той чистой водой, которой была удовлетворена душевная жажда народа. Мы не на латыни — чужом и непонятном языке — усваивали христианские истины, а на родном славянском.

Обряды не есть нечто внешнее и бессмысленное. Это строгий порядок действий, которым запечатлевается определенное понятие и содержание. Старообрядцы за обряд жизнь отдавали, ибо обряд, подобно иконе, был внешним, видимым выражением внутреннего содержания. Но материалисту, чье мышление лишено возможности горнего полета, этого не понять. Таким людям остается только, выражаясь словами Есенина, „... как годовалый пес на всех и вся захлебываться лаем”.

Страницы 134—136 у Вас посвящены, к сожалению, клевете на выдающихся людей нашего отечественного прошлого. Я не хочу сказать, что все они были примерными православными христианами, но огульное причисление их к атеистам — клевета на их память. Не имея возможности разбирать мировоззрение каждого из них, я упомяну кратко только о первом и последнем в этом списке.

М. В. Ломоносову, которого Вы в атеисты записали, характерны поиски „нового сознания” секуляризированного человека XVIII века, представителя русского гуманизма, но никак не атеизма. Великий Ломоносов переложил ряд ветхозаветных псалмов, написал оду на тему о многогральном Иове. Известен ряд его религиозных рассуждений, как, например, „Вечернее размышление о Божием величестве”. „Неверно рассуждает математик, — писал Ломоносов, — если захочет циркулем измерить Божию волю, но не прав и богослов, если думает, что на Псалтыре можно научиться астрономии или химии”. Атеисты такого не пишат. С Ломоносовым связан „первый русский теоретический опыт объединения принципов науки и религии” (проф. В. В. Зеньковский, История русской философии, Париж, 1948 г.).

И. П. Павлов. Этот знаменитый русский ученый медик, никогда, кажется, не писал трактатов на религиозные темы, но его жизнь и при Советах — наглядный показатель ясной веры православного человека.

Вот несколько примеров:

Приходскую церковь, которую он регулярно посещал (напротив бывшего Николаевского вокзала, теперь Площадь восстания) тронуть не смели — и она стояла неприкосновенной до его смерти (1936 год). А вот случай, о котором в свое время знала вся Россия, и для Вас, человека, который не постыдился записать академика Павлова в список атеистов, весьма назидательный.

Сидит скромный старичок — гордость русской науки — на скамеечке перед церковью. Ждет начала службы. Подсел передохнуть и проходящий мимо молодой рабочий. Ударили в колокол. Павлов перекрестился. Рабочий спрашивает: „Ты что, папаша, еще в Бога веруешь?” — „Верую” — отвечает Павлов. „Эх, темнота!” — говорит рабочий.

Когда в сталинское время для работы Павлова был построен специальный большой блок Всесоюзного института экспериментальной медицины, то внутри нового здания

была построена, по требованию Павлова, часовня. Перед официальным открытием нового медицинского центра, православным духовенством было совершено полное освящение всего здания. Вот на таких „атеистах” стояла и стоит наша русская наука.

Но на стр. 128 почему-то и Вы сказали правду. Вот она: „Что с первых же десятилетий 'крещения Руси' начинается традиция становления, утверждения и господства русского православия как преобладавшей в прошлом формы духовной жизни — это бесспорно (подчеркнуто мной.— А. К.)”. Вот эту-то форму духовной жизни нашего народа, начатую тысячу лет тому назад и по милости Божией, несмотря на все ваши старания, живую и в наши дни, мы и будем в 1988 году праздновать.

О том, что господство христианства в прошлые века было „не безраздельным”, кто же будет спорить? Конечно, как говорится, „в семье не без урода”! Так и наш народ был, к сожалению, не без атеистов. Атеизм — это затмение человеческого разума, как и грех, явление весьма древнее. Еще в дохристианскую эру в Священном Писании было сказано: „Сказал безумец в сердце своем — нет Бога” (Псалтырь 13, 1).

Но на той же странице (128-й) опять Вы за свое: „... Тенденции религиозного индифферентизма, антиклерикализма, свободомыслия и атеизма, составившие основу атеистической традиции в духовной (!?) жизни народов нашей страны”. С каких пор у атеизма, отвергающего источник духа — Бога — и признающего только матерью, вдруг духовная жизнь?

Лейбниц (1646—1716), знаменитейший ученый и философ, пишет: „Бог есть источник бытия и жизни. Он есть как бы всеобщий центр — как Творец. Он есть источник, из которого получают Бытие все существа. Он есть начало и конец всего сущего, действующая и конечная причина”.

Об этом часто не думают, этого не понимают и живут, как говорится, припеваючи. Но ... лишь до поры до времени. Рано или поздно наступает в жизни человека момент, когда он поймет, увидит то, чего не замечал раньше, и тогда, вслед за Есениным, скажет:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,

За неверие в благодать,

Положили меня в русскую рубашку

Под иконами умирать.

Не путем тупой зубрежки, вдалбливанием чего-то непонятого воспринял народ наш христианство. Нет. Необъяснимым чудом было наше Крещение. Как в столь краткий срок постигли предки наши самую суть христианства: лучше быть убиту, чем поднять меч против старшего брата, заменившего отца (св. страстотерпы Борис и Глеб); в век кровавой мести за убийство родственника, прогнать убийство собственного сына (вел. князь Владимир Мономах); быть изрубленной, но сохранить женскую честь (княгиня Юлиания Вяземская). „Благо смирил мя еси” — слова, выдарапанные на стене каземата митрополитом Арсением, замурованным там императрицей Екатериной за обличение ее жизни; Кузьма Минин, купец, в смутное время сказавший: „Заложим жен и детей, но спасем отечество”; Сусанин — простой русский человек, отдавший жизнь за юного царя Михаила; мужик в рассказе Л. Толстого, который принимает в свой бедный дом сироту, и на замечание жены, что тогда не на что будет купить даже соли похлебку посолить, отвечает: „А мы ее и без соли”; монахиня Мария (Скобцова), добровольно пошедшая в газовую камеру, чтобы спасти боящуюся смерти молодую женщину... Таким же примерам „несть числа”.

Подлинно ли существует „... переход народных масс нашей страны на позиции массового атеизма” (стр. 142)?

Нет. Не существует.

Да ведь Вы и сами это подтверждаете (стр. 149), говоря: „... а их (верующих) в нашем обществе значительно меньше, чем не верующих”. О каком проценте верующих по отношению ко всему народонаселению Вы думали, когда писали эту фразу? Это у Вас сугубо засекреченные сведения, государственная тайна. Архиепиеи Московской Патриархии, бывающие за границей, никогда не ответили на вопрос о количестве верующих в России. Табу! Но Вы немного проговорились, употребив выражение „значительно меньше”. Если бы, по известным Вам статистическим данным, верующих было 10—30%, Вы сказали бы, что верующих очень мало, если 40—50% — что их мало, но если их 60 или 70% (Вы-то хорошо знаете, сколько из верующих ради житейских благ называют себя неверующими), то вот у Вас и проскочило, выводящее Вас на чистую воду, словечко — „значительно”.

И это после того, как Вы почти 70 лет держите все окна и двери на запоре, чтобы уже

третье пореволюционное поколение людей в России ничего не знало о Боге! Целый огромный аппарат атеизма — агитаторы, соответствующая литература, государственное давление, а то и преследование, — все эти 70 лет борется с Церковью и... 40% населения не скрывает своей веры. Другие 40% ничего о вере не зная, к ней, быть может, равнодушны (что их еще не делает атеистами) или просто из осторожности пишутся атеистами. И это Вы называете победой атеизма? Это не победа, а банкротство атеизма в России. С своей 70-летней стойкостью Россия оказалась не слабее христиан первых веков при римских гонениях! За эти десятилетия Россия дала сотни тысяч мучеников за Христа! Это торжество веры, Вами сейчас скрываемое, завтра станет явным во всем своем блеске! Вы лучше меня знаете, что ни о каких „народных массах”, приверженных атеизму и говорить не приходится.

Предположим, что завтра государство перестанет оплачивать 75-тысячную армию „работников научного атеизма”. Сколько из них на добровольных началах будет продолжать служение атеизму? А Вы лично? А кто из вас, атеистов, пойдет за атеизм в Сибирь, в тюрьмы, на смерть?

Вот потому-то, что у атеизма нет и не может быть убежденных служителей (отдельные исключения, конечно, всегда бывают), дело его омертвело. Дело же веры растет и множится, потому что за эти 70 лет сотни тысяч отдали свою жизнь за Христа. Отдадут и будут отдавать, всегда!

Да и как могло быть иначе, если великий Ньютон (1642—1727), создатель современной механики и астрономии, гениальный математик и физик произносил имя Божие не иначе, как обнажая голову. В заключении своего монументального труда — Математические принципы естественной философии, Ньютон писал:

„Небесный Владыка управляет всем миром, но не как душа его, а как Властитель вселенной. Вследствие Его верховной власти мы называем Его Верховным Богом”.

„Кто может взирать на дивный порядок вселенной, управляемой Богом, без порыва к созерцанию превыше всего самого Творца”? (Коперник).

„Чем больше я занимаюсь изучением природы, тем больше останавливаюсь в благо-

говейном изумлении перед делами Творца” (Пастер).

После этих высоких слов людей мирового ума со стыдом читаешь Ваши ссылки якобы на „советскую историческую науку”, о том, что „Крещение Руси имело... определенные прогрессивные хозяйственно-экономические... последствия... — стимулировало развитие городовничества” (стр. 149). На какого читателя Вы рассчитываете, на абсолютного тупицу? На тех, кому можно говорить, что религию выдумали жрецы, как аппетит — повара? Таков уровень слушателей, приходящих на лекции „научного атеизма”? Да, для такого слушателя авторитет „научного атеизма” (стр. 275), выражаясь словами Горького, „звучит гордо”.

А позвольте спросить, какая именно наука доказала, что нет Бога? Да и вообще какая наука занималась этим вопросом или заявила, что она правомочна этим вопросом заниматься? Такой науки нет и быть не может.

Почему Вы присваиваете себе исключительное право трактовать понятие „феодализм” как Вам желательно и заявлять, что именно Ваше понимание совершенно и „не допускает кривотолков”? (стр. 153). Ведь феодализм — это „формация” в определенном месте и в определенное время жизни общества, политического развития государственного устройства. Но и только. Всякие же выводы из этого может делать каждый. Что это за „научный подход” (подчеркнуто мною. — А. К.), исключающий возможность идеализации исторического прошлого” (стр. 153)? А почему у „советского человека — гражданина социалистического общества” (стр. 154) не может быть собственных мозгов, вместо „конкретного содержания”, которое в него вложил К. Маркс? Почему выполнение „религиозных предписаний” — это плохо, а предписаний Маркса — это хорошо (стр. 154)? Кто Вам это сказал?

Или это угроза „советскому человеку”? Как начнешь задумываться о чем не велено, то смотри — во враги народа угодишь?

На стр. 155—157 Вы стараетесь доказать недоказуемое: якобы Церковь поощряла неравенство, требовала оправдать социальное зло, олицетворяла безразличие к неимущим... а ведь ради минимальной объективности неплохо бы упомянуть о нестязателях, бывших, наравне со своими противниками — иосифлянами, законными предста-

вителями русского монашества; или хоть бы слегка коснуться монашеских уставов, которые предусматривали полный отказ от личной собственности; не говоря уж о Евангелии, в котором сказано, что богатому трудно войти в Царство Небесное.

Напрасно Вы пытаетесь порочить русскую эмиграцию, заявляя, что она занята культивированием „... у русских эмигрантов ненависти к их бывшей Родине”. Я не знаю ни одного русского человека за рубежом, который носил бы в себе ненависть к Родине. Повторяю: именно к Родине, а не к политической системе, которая сейчас господствует на ней. Это разные вещи и путать их можно только со злым умыслом.

И второе. Русская эмиграция от Родины своей не отрекается и „бывшей” ее не называет. Да, конечно, есть такие, которые потеряли родной язык и ассимилировались. Но тогда они себя и эмигрантами не зовут. Это уже чисто американцы, французы, немцы... Мы же — и не только старики — а люди из второго и третьего поколения эмигрантской жизни, продолжаем твердо исповедовать то, что так прекрасно выражено Мариной Цветаевой:

„Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот потеряет ее вместе с жизнью”.

К сожалению, я не имею возможности продолжить более подробный ответ Вам, ибо вынужден ограничиться объемом статьи.

В заключение всего сказанного, я хочу сослаться хотя бы на один пример, — а таких множество в научной литературе, издаваемой в Советском Союзе, — который в глазах объективного читателя на нет сводит Ваши, не высокого уровня и, скажем мягко, не всегда „объективные факты”, выдаваемые за реальное слово науки.

„... Чтобы понять реальность, надо построить в уме видимый, воспринимаемый чувствами мир — достроить по образующей, то есть, по той линии движения, которая образует систему. Так, никто из нас не видел Солнечной системы: общеизвестная модель с центральным светилом и планетами, вращающимися вокруг него по орбитам... — эта модель целиком построена в уме и есть результат правильного понимания того, что мы видим. А видим мы движение светил по небо-

своду и не больше того... Для того, чтобы увидеть (понять) больше, требуются приборы. Они окружают нас с детства, восполняя неизбежную фрагментарность восприятия фактов. Даже для того, чтобы увидеть собственные глаза, уже требуется элементарный прибор — зеркало..." („Знание — Сила" № 1, изд. „Знание", Москва, 1985 г., стр. 20).

Все, что сказано в приведенном отрывке, говорящее о материальной культуре, целиком может относиться и к культуре духов-

ной. Приборы, начиная от элементарного зеркала, что значило бы совесть, до сложнейших — этика, эстетика, разум, — при посредстве которых познается мир духовный.

На праздник Рождества Христова христиане поют, что рождением Христа-Богочеловека „воссиял миру свет разума", то есть дана вся аппаратура, все приборы для познания всего и вся, всего космоса во вне и внутри нас. Закончим евангельскими словами: „имеющий уши, чтобы слышать, да слышит".

«Побеждать злую разобщенность мира сего»

Заметки о социальном учении христианской Церкви

Прот. К. ФОТИЕВ

В отличие от великих отцов Церкви первого христианского тысячелетия, святой Сергей Радонежский — „преподобный отец России" — не оставил после себя ни богословских трудов, ни даже записанных проповедей. Житие преподобного Сергия повествует нам о его великом и молчаливом подвиге, о том „тихом свете" великой святости, который он излучал. Но, живя в богословски еще немощующем веке, он посвятил воздвигнутый им бедный храм Пресвятой Троице и до нас, через века, дошли его слова: „Взирая на единство Святой Троицы, побеждать злую разобщенность мира сего".

Христианство монотейстично, но не в том смысле, как понимает единобожие Ислам. Бог, явленный нам в новозаветном Откровении, един по существу и троицен в Лицах. В недрах триединого Божества, поскольку мы можем говорить об этой, превосходящей наше разумение, тайне, — не только совершенное единство любви, но и диалог: отцы Церкви говорят, что самому акту творения предшествовал „совет Пресвятой Троицы". Этой предвечной истиной — любви и диалога — окрашено и все библейское Откровение: от призвания Авраама и синайского богоявления до проповеди Христа и Его вольной жертвы Бог делает человека Своим собеседником и другом — свободным как принять Откровение, так и отвергнуть его.

Человек, принявший библейское Откровение как высшую истину своей жизни, призван „обновиться умом" и соответственно должно было бы обновиться, в духе богосы-

новства, в сознании всечеловеческого братства в Боге, его отношение к другим людям. Критики христианства неизменно указывают на то, что христианство не пошло далее призыва к нравственному обновлению отдельного человека, что „социальный вопрос" не был христианством „разрешен". Отвечая на этот упрек, следует, прежде всего, указать на то, что идеалы никогда не осуществляются в истории до конца, и задать встречный вопрос: чем была бы земная жизнь человечества без евангельской „путеводной звезды"? Ответ на этот вопрос дать нетрудно — мы видим, как одичал, в нравственном и культурном отношении, за краткий исторический срок наш народ под водительством безбожных утопистов и насильников: по их вине стал наш народ жертвой невиданной со времен античных тираний „злой разобщенности мира сего". Уже одно это обязывает нас задуматься о тех принципах социального учения, которые содержит в себе евангельское благовестие.

Укажем, прежде всего, на то, что никакой готовой „программы" осуществления социальной справедливости Евангелие не содержит — в условиях изменяющегося мира такая „программа" была бы обречена на то, чтобы остаться мертвой схемой. Апостол Павел говорит, что борьба христианина — „не против плоти и крови", а против „духов злыбы поднебесной". Худшая форма рабства, в свете христианского учения, есть рабство греху и порожденной им смерти. Всякое иное зло — земное рабство, деление об-

щества на богатых и нищих — производно от этого первичного рабства и преодолевается в той мере, в которой человеку удается победить то зло, которое гнездится в его собственном сердце.

Мы знаем, что в апостольскую эпоху Церковь попыталась осуществить полное социальное равенство и даже общность имущества в своей собственной среде. Это оказалось возможным только на время и только в рамках апостольской, иерусалимской христианской общины. По мере того как христианство распространялось по всему району средиземноморского бассейна, Церкви пришлось снизить свои требования, хотя апостол Павел сам руководил сбором средств среди новообращенных христиан Македонии для оказания помощи наиболее нищим членам христианских общин в Палестине. Но, даже снизив свои требования в области осуществления социальной справедливости, Церковь не отреклась от них, а лишь признала, что к идеалу социальной справедливости можно приблизиться лишь постепенно и частично. Но Церковь твердо выразила принципы своего учения в социальной сфере, которые остаются неизменными в любой исторической эпохе и независимо от того, в какой мере христиане на практике оставались им верны. Именно из этих принципов родилось известное нам „нищелюбие“ правящего слоя Византии, Киевской и Московской Руси и жертвенное социальное служение великих монашеских орденов Запада. Здесь же корни традиционной жалости, которую проявлял русский народ ко всем обездоленным, гонимым и заключенным — даже к побежденному врагу.

Каковы же эти принципы? Прежде всего, Церковь всегда учила, что все люди, в конечном смысле, равны между собой, и этот дух всеобщего равенства людей глубоко укоренился в сознании верующего народа. Церковь, особенно восточная, всегда сурово осуждала какую-либо дискриминацию по принципу социальному или расовому. В таком осуждении любых форм дискриминации проявило себя самосознание Церкви, как „народа Божьего“, живущего по своим собственным законам, в корне отличным от законов „мира сего“.

Во-вторых, Церковь со всей ясностью заявила, что она призвана служить, в первую очередь, обездоленным и нуждающимся, то есть именно тем, кто, в иерархии социаль-

ных благ и преимуществ, находится ниже всех остальных. Эта милующая и спасающая любовь к обездоленным неразрывно связана в сознании Церкви с образом страдающего Христа, Который, по Его собственным словам, „не имел, где приклонить голову“, а, на пути к пасхальной победе, прошел через крайнюю степень унижения и отверженности. Поэтому социальная устремленность Церкви всегда была обращена на немедленную и жертвенную помощь тем, кто в ней *сегодня* нуждается. Чуждая утопизма, сознвая невозможность для себя изменить жесткую практику и законодательство государственной власти, которая осталась, в основе своей, языческой и после императора Константина, Церковь не занималась разработкой схемы „идеального общества будущего“, а спешила на помощь тем, кому она могла и обязана была помочь. Идея „земного рая“ никогда не стала церковной идеей — она родилась на почве гуманизма, ставшего безбожным: мы знаем, сколько зла и страданий принесли человечеству все попытки добиться установления социальной справедливости „немедленно“ — путем стремительной ломки всех доселе принятых форм человеческого общежития.

Наконец, в-третьих, память о том, что Церковь призвана жертвенно служить миру, а не властвовать над ним, то, что может быть названо социальной интуицией Церкви, уберегло ее — на Востоке в большей мере, чем на Западе, — от соблазна стать орудием земной власти и авторитета. Этим путем, начиная с раннего средневековья, пошел, к сожалению, христианский Запад, что, помимо прочего, и породило бунт реформации против власти Рима. К счастью, западная Церковь, во всяком случае с конца прошлого века, освобождается от этого соблазна, корни которого — не в Евангелии, а в римской имперской идее. Заново осознав свою подлинную природу, омытая кровью новых мучеников, Церковь сегодня влияет глубже на сознание людей, чем в годы ее мнимого владычества над миром.

Возможности Церкви изменились и в том смысле, что сегодня в тех странах, где сохранилась правовой строй, политические и социальные структуры могут быть, в отличие от прошлых веков, изменены и улучшены. Церковь может сегодня не только непосредственно служить обездоленным, но и действительно влиять на улучшение социального законодательства. Не превращая Церковь в ин-

струмент политической или социальной борьбы, ее пастыри могут, со значительной надеждой на успех, вдохновлять юристов, политологов и общество в целом на дело усовершенствования социальных структур и руководить ими. Преодолеть властолюбие и экономический эгоизм людей до конца не удастся, но можно теснить эту „злую разобщенность” и ограничивать ее не только в смысле нравственного воздействия на сознание людей, но и в смысле более справедливого законодательства.

Но для этого нужно осознать сущность социального учения Церкви — не только богословские, но и мистические корни его.

Христианство по самому существу своему — социально, ибо оно есть откровение о новом акте творения — не всемогуществом Бога, а Его жертвенной и милующей любовью. К этому новому усьновлению всего человеческого рода — а, в пределе, всего творения — Богу-Отцу, совершаемому во Христе Духом Святым — призваны все христиане, как „новый Израиль”, а не „индивидуальные души”. Древнее латинское изречение гласит: „один христианин — не христианин”. Даже отшельник связан с другими людьми общением молитвы; кроме того, мы знаем, что отшельники к концу жизни покидали свой затвор ради пастырского служения людям. Христианство нельзя понимать как некое учение или дисциплину, служащие лишь личному спасению души отдельного человека. Все христианские таинства суть таинства „социальные” — они ведут человека не только к общению с Богом, но и к общению с другими людьми, которые веруют так же, как он, и едины с ним в любви ко Христу и в уповании на Него. Созидание Церкви Христовой есть построение нового общества — „естественное общество”, пораженное грехом и тяготеющее к смерти, побеждается в подвиге веры и любви, во тьме безнадёжности рождается великая мистерия упования на то, что Христос — Победитель греха и смерти. Поэтому апостол Павел в каждом послании призывает христиан данной местности к единодушию, к тому, чтобы у них были „единое сердце и единые уста”, а древнейшее обозначение христиан исчерпывалось словом „братья”. Церковь мыслима лишь как тварный образ божественного Первообраза: три Лица, но единый Бог. Одна из древнейших дошедших до нас литургических молитв сравнивает христиан с колосьями пшеницы: они были рассеяны по

холмам, но жатва собрала их в вечное, неразсторжимое единство.

Это чувство единства человеческого рода и вытекающее из этого чувства сознание ответственности за судьбу других людей на Востоке было выражено ярче, чем на Западе, издавна тяготевшем к индивидуализму. Этим я не хочу сказать, что идеал христианской общности был в большей степени осуществлен на христианском Востоке, чем на Западе: и те, и другие в одинаковой мере изменяли евангельскому призыву. Но идеал единения христиан между собой не только в общем духовном устремлении, но и в живом осознании общей судьбы и ответственности перед Богом за удел „меньшей братии”, был ярче выражен на христианском Востоке, чем на Западе. Уже начиная с середины четвертого века, мы видим на Востоке — в Египте, в Сирии, в Малой Азии — стремительное развитие монашества, в котором с новой силой возрождается образ первоначальной, героической апостольской общины.

Монашество — неоднородное явление, но социальная устремленность учителей монашеской жизни не подлежит сомнению. Монашество, в основе своей, не бегство от суеты и неправды лежащего во зле мира, а все то же стремление создать новое общество, построенное не на принуждении и эгоизме, а на основе взаимной любви и жертвенности. Монастыри — не только место усиленной молитвы, но и напряженного труда на благо людей. Основатель египетского монашества и его первый наставник, святой Пахомий Великий, называл свое учение „благовестием постоянного труда”. Первый создатель правил монашеского общежития, святой Василий Великий (330—379 гг.), с глубокой печалью смотрел на тот процесс социального распада, который происходил в современном ему, еще полуязыческом, обществе. По мысли святого Василия Великого, монастыри были призваны стать тем местом, где не только будет происходить освобождение от власти греха, но где возгорится снова первохристианский огонь жертвенного служения людям.

Но возможно ли раздвинуть стены монастыря, чтобы, в пределе, помочь всему обществу победить „злую разобщенность” и сделать Евангелие основой не только личной, но и общественной жизни? Великий Константинопольский епископ второй половины IV века — святой Иоанн Златоуст — без всякого

колебания отвечал на этот вопрос положительно. Это не означало того, что все должны удалиться в пустыню и взять на себя подвиг безбрачия. Но, по мысли св. Иоанна Златоуста, сама социальная ткань человеческого общества призвана все время обновляться, свет евангельского учения призван ограничивать и теснить эгоизм падшего человека. Златоуст был непоколебимо убежден в том, что все формы социального зла уходят своими корнями в жажду человека к приобретению земных благ. Это есть эгоистическое желание собирать имущество для самого себя, быть единым хозяином этого имущества. Но для Златоуста существует один, единственный Хозяин всех земных благ — всемогущий Бог. Человек — лишь служитель Божий, управитель не принадлежащего ему достояния, которым он призван распоряжаться лишь в соответствии с волей Божьей. Человек, который копит богатство „только для себя”, по убеждению Златоуста — вор: он обокрал неимущего брата, отказавшись разделить свое имущество с ним. Понимание собственности у св. Иоанна Златоуста — чисто функциональное: собственность получает свое оправдание лишь через правильное, угодное Богу, использование ее.

Святой Иоанн Златоуст не был социальным реформатором. Но он был одним из величайших христианских пророков социального равенства и справедливости. Его призыв к жертвенной помощи нищим свободен от какой-либо сентиментальности. Христианин должен служить делу социальной справедливости не потому, что он по-человечески жалеет тех, кто страдает от нужды. Нищета и страдания людей — для Златоуста есть дьявольская агония Христа, Который продолжает страдать в лице „меньшей братии”, распинаемый на кресте человеческой жадности и себялюбия. Тот, кто отказывает в помощи нуждающемуся брату, тем самым отвергает Христа — страждущего и распинаемого. Златоуст не страшился пройти путь „подражания Христу” до конца — за свои гневные обличения роскоши и пороков византийского двора он был изгнан с кафедры и окончил свою многотрудную жизнь пастыря и свидетеля истины в ссылке в далекой Армении. Замученный и чувствующий приближение смерти, святой Иоанн Златоуст обращался с посланиями к своей столичной пастве, напоминая ей вновь и вновь то место из новозаветного послания апостола Иакова, которое мы, на на-

шем сегодняшнем языке, могли бы назвать „антикапиталистическим”:

„Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа” (Иак. 5, 1-4).

НТС

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, отразившаяся в названии организации — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. НТС борется за устранение существующего режима. Сегодня НТС считает необходимым проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских” режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;
- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;
- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;
- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальной культуры всех народов нашей страны; обеспечение свободы религии;
- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

В СССР группы НТС действуют полностью: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопримем. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, NL—Rotterdam, Nederland (Голландия)

Лук и лира Гераклита

В русской эмиграции умерло в неизвестности немало крупных мыслителей, к которым тянется сейчас оживающая Россия. В их числе Борис Петрович Вышеславцев, в 1922 году высланный Лениным вместе с другими учеными, не пожелавшими принять марксистскую опеку над мыслью, за границу.

В изгнании Вышеславцев написал свои замечательные книги: „Этика преображенного эроса” и „Сердце в христианской и индийской мистике”, ставшие уже библиографической редкостью. Доступнее его позднейшие работы „Кризис индустриальной культуры” и несколько раз уже переизданная издательством „Посев” „Философская нищета марксизма”. В ней Вышеславцеву удалось найти остроумное и оригинальное опровержение диалектического материализма именно с помощью диалектики. Но дадим слово самому Вышеславцеву.

„Чтобы критиковать марксизм, нужно вести с ним *диалог*, выслушивать его утверждения и *давать* возражения; но чтобы вести диалог, надо иметь общий язык. И вот, прежде всего может представиться, что общего языка с марксизмом для современной философии и науки вообще не существует. Язык „материализма” никогда не имел в философии большого значения, а язык партийной агитации и вульгарной пропаганды не имеет ничего общего с философским диалогом и научным анализом. Чтобы выйти из этого затруднения, чтобы спорить плодотворно и понимать друг друга, надо найти какой-то общий принцип, какой-то общий исходный пункт.

Существует ли такой общий принцип, соединяющий марксизм с подлинной философией и наукой? Да, он существует; это принцип всякого диалога, следовательно, всякой науки и философии: *диалектический принцип*. Ведь наука и философия есть непрерывный диалог ученых и философов, противоречащих друг другу и разрешающих эти противоречия. Но не только знание, а и все бытие развертывается как непрерывная дифференциация и интеграция, как единство разнообразного, как постоянное обострение противоречий и конфликтов и их разрешение.

Признание этого принципа несколько не делает нас, конечно, ни марксистами, ни да-

же гегельянцами. Вся античная философия от Анаксимандра через Гераклита до Сократа, Платона, Аристотеля и Плотина покоится на диалектическом единстве противоположностей. Это они создали самое слово „философия” и „диалектика” и показали, что философия есть диалектика, анализ и синтез, сопоставление и противопоставление, искание последнего единства всех противоположностей, всеобъемлющего синтеза.

Ленин дает отличную формулировку диалектического принципа: *единство противоположностей*, — говорит он, — составляет истинное ядро диалектики. Совершенно верно. 'Вещь, явление есть сумма и единство противоположностей'... Закон единства противоположностей есть 'признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы'...”

„Внутренняя противоречивость всего существующего, единство и борьба взаимопроникающих и взаимоисключающих противоположностей составляет источник превращения, изменения, развития в движении мирового процесса... Развитие не есть вечное повторение циклов, оно есть... 'переход от низшего к высшему'...”

„Читая все эти формулировки, — продолжает Вышеславцев, — ... мы не только не испытываем никакой буржуазной злости и ужаса, но напротив удивляемся, как много здесь верно и точно выраженного. Удивление однако исчезает, когда мы узнаем во всем этом традиционные и привычные формулировки Гегеля, соединяющие нас с античной диалектикой. Все, что здесь философского и диалектического, — это крохи с Гегелева стола, сохраненные эпигонами. Однако все же это лишь жалкие остатки: богатое содержание подлинной диалектики недоступно материалистам. Мы покажем это на одной диалектической проблеме”.

И Вышеславцев подает свою интерпретацию символа лука и лиры у Гераклита:

„'Война есть отец всех вещей' — говорит Гераклит, но этот отец пожирает своих детей, как Хронос. Марксисты, любящие ссылаться на Гераклита, не заметили, что у него существует и другой принцип, как мать всех вещей, и это — *гармония, согласие, мир*,

принцип, без которого ничто не родится и ничто не пребывает... *Противоречие разрешается*, на противоречии нельзя остановиться, противоречие само по себе невыносимо — это повторяет Гегель, но что означает „разрешение“ противоречия — это остается у него в тени... При всей своей симпатии к Гераклиту, при всей своей любви к античным символам и аллегориям, Гегель не заметил грандиозного символа *лука и лиры*, в котором Гераклит показывает, как из противоположностей рождается прекраснейшая гармония”.

„Ибо, — продолжает Вышеславцев, — она рождается только из противоположного, не из тождественного, не из унисона. Она есть нечто новое, раньше не бывшее, удивительным образом возникающее там, где раньше было противоборство, взаимоотрицание и вытеснение. Мы не понимаем, как противоборствующее согласуется с самим собой: это многообразная гармония, подобная *луку и лире*”, — цитирует Вышеславцев формулу Гераклита и затем интерпретирует ее. — Поразительное богатство мысли сконцентрировано в этом символе; оно не сразу разгадывается. Лук есть система противоборствующих сил, и чем сильнее напряжение отталкивающихся полюсов, тем лучше лук. Уменьшить или уничтожить сопротивление обоих концов лука — значит уничтожить самый инструмент. Но титива лука может превратиться в струну лиры. Лира построена на том же принципе, как и лук: она есть многострунный лук..., преобразенный или „сублимированный“ лук. Здесь мы можем наглядно созерцать и даже слышать, как из противоборства возникает гармония... Многозвучна и многообразна, согласно Гераклиту, гармония космоса, как гармония лиры и лука”, — говорит Плутарх. Лук и лира в своем принципе „тождественны” и все же противоположны, как жизнь и смерть, ибо лук несет смерть, а лира радость жизни”.

Интерпретируя таким образом гераклитовский символ, Вышеславцев не забывает отметить, что

„интересно то дополнение, которое Платон делает к знаменитому афоризму Гераклита (в своем знаменитом „Пире”): Гераклит — пишет Платон — выразился здесь ошибочно, хотя он имеет в виду нечто верное. Несовместимое и противоречивое не может быть соединено в гармонию, *поскольку* и пока оно остается несогласуемым. *Особое искусство*... должно прийти на помощь, что-

бы враждебно-несовместимое превратить в любовно-согласуемое и установить гармонию”. Этим Платон удерживает в неприкосновенности закон противоречия: ибо если противоречие не переживается как противоречие (во всей его невыносимости), то разрешение и гармония теряют смысл и ценность”.

„Таким образом, — продолжает Вышеславцев, — диалектика имеет два принципа: *война и мир*, антагонизм и гармония, взаимопожирание и взаимопитание противоположностей. При этом второй принцип — *мира и гармонии* — перевешивает, он дает всему смысл, ценность и бытие: война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись и без войны, но война не может обойтись без мира”.

Интерпретация Вышеславцевым гераклитовского лука и лиры в наше время, когда начало солидарности — не только польскими рабочими — все яснее осознается как необходимейшая основа дальнейшего существования на нашей планете, его указание на платоновское „особое искусство” преодоления противоречий интересно прежде всего в общественной и политической жизни. Говорят, что политика „искусство возможного”, а дипломатия, как и торговля, всегда сводится к поиску взаимовыгодного компромисса. Но если вдуматься в Гераклита и Платона в их изложении Вышеславцевым, то компромисс лишь первая, низшая форма устранения противоречия. Высшая форма — синтез, гармония — не достигается путем взаимных уступок. Не поверхностное устранение, не сокрытие, не замалчивание имеющихся противоречий, ибо противоречия всегда были и всегда будут, ведут к гармонии. К гармоническому солидарному бытию ведет, напротив, углубление противоречий, раскрытие их жизненной основы, той общности, которая лежит за ними и служит неиссякаемым источником все новых и все более совершенных форм гармонии.

„Космос — пишет Вышеславцев — не есть неподвижная гармония, раз навсегда найденный аккорд; он есть развивающаяся симфония с возникающими диссонансами и разрешениями”.

И вопрос о классовых противоречиях и классовой борьбе, которой так увлекаются марксисты, для Вышеславцева лишь частный случай одного из общественных противоречий, причем отнюдь не самого важного. О марксистском тезисе „вся история есть

история борьбы классов” он пишет, что „безусловно этот тезис имеет смысл, но он становится ложным, если его абсолютизировать и оторвать от противоположного утверждения. С совершенно таким же и даже большим правом можно сказать: ’вся история есть история сотрудничества и солидарности классов’ ”.

Философская ницета марксизма, по мнению Вышеславцева, заключается именно в его неспособности мыслить диалектически, в односторонне-пристрастном выпячивании одной стороны противоречия и затушевывании и замалчивании другой его стороны. При таком партийном подходе к вопросам философского познания подлинная диалектика становится невозможной и подменяется словесной спекуляцией и выработкой хитроумных обоснований для практически целесообразных, но лишенных всякой познавательной ценности фикций, а вносимые в последнее время в диалектику философски бес-

помощные оговорки об обратном влиянии надстройки на базис, об опережающем отражении и опережающей функции научного познания или о том, что последовательный детерминизм в истмате не снимает исторической ответственности с тех или иных деятелей, носят характер вынужденных уступок неустраняемой очевидности и только затмевают проблемы.

Диалектическое противостояние войны и мира, солидарности и борьбы, необходимости и свободы, власти и права требуют совершенно иного понимания, совершенно иного раскрытия, совершенно иного творческого подхода. И Вышеславцев совершенно прав, указывая, что эти антиномии сами по себе не связаны ни с какой философской системой, но присутствуют во всяком философском мышлении, а тем самым, в раскрытом или нераскрытом виде, в любой философской системе.

Р. Р.

● КНИГИ, ЖУРНАЛЫ

Самоуправление и свобода в России

Автор рецензуемой книги,* недавно скончавшийся Сергей Германович Пушкарев (1888—1984) был последним представителем плеяды крупных историков, окончивших высшее образование в дореволюционной России. За границей он жил, писал и преподавал сперва в Праге, а потом, после Второй мировой войны, — в Соединенных Штатах. С. Г. Пушкарев был, в первую очередь, исключительным знатоком истории русского крестьянства, в своем наиболее ценном научном труде „Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России”** впервые доказавшим, что земельные переделы не исконная, а поздняя черта крестьянского мира, введенная по почину государственной и помещичьей власти в XVIII веке. Среди прочих трудов автора хочется отметить „Обзор русской истории” — непревзойденный до сих пор учебник русской дореволюционной истории, изданный в 1953 году.

Рецензуемая книга состоит из 13 глав, покрывающих все протяжение русской исто-

рии от Киевской Руси до революции 1917 года и Гражданской войны. 12 из этих глав, каждая из которых составляет самостоятельное целое, были уже опубликованы в №№ 126 и 127 журнала „Грани” в 1982—83 годах. Автор ставит себе основной целью опровергнуть „распространенное мнение о том, что русский народ всегда жил в рабстве, привык к нему и стал неспособен к устройству своей жизни на началах свободы и самостоятельности” (с. 5). Вопреки тем авторам, которые сознательно замалчивают „светлые стороны русской истории, подчеркивая одни темные”, и приходят к выводу, что советская власть лишь продолжение „царизма”, он считает, что „в нашем прошлом были заложены возможности разных вариантов свободного развития страны” и ставит себе задачей „напомнить о существовавших в русской истории началах политической свободы и общественной самостоятельности” (с. 5—6).

В Древней Руси Пушкарев прослеживает проявление „русской свободы” в своеобразном разделении власти между князем и вечаем — демократичным народным собранием. Голос веча был решающим в важнейших областях жизни княжества: оно принимало

* Сергей Пушкарев. Самоуправление и свобода в России. „Посев”, Франкфурт-на-Майне, 1985 г., 174 сс.

** Переиздание этой работы: Сергей Пушкарев. Крестьянская поземельно-передельная община в России. Oriental Research Partners. США, 1976, 165 сс.

или выгоняло князя, разрешало или запрещало ему объявить войну, заключить мир.

В Московское время автор выявляет ряд проявлений начал свободы в общественной и политической жизни страны. Он показывает значение Земских соборов, которые созывались московскими государями для принятия решений, судьбоносных для всей России. Особый интерес представляют страницы, посвященные общественной жизни крестьян русского Севера в XVII веке. Они фактически владели землей и угодьями на правах полной собственности: сами крестьяне могли по своему усмотрению распоряжаться своими участками, а их выборная волостная администрация — «староста с крестьяны» — свободно ведала землями общего пользования. Выборная крестьянская власть заботилась на месте об общегосударственных нуждах, распределяла между крестьянами различные повинности и подати. Волостной мир ведал постройкой и украшением церквей (чудесных деревянных храмов русского Севера), выбирал церковного старосту и кандидата в священники, следил за хозяйственной жизнью волостного прихода.

Самостоятельная жизнь северных «крестьянских республик» была обрвана со времени реформ Петра I. Он подчинил всю церковную жизнь центральной власти, ввел новый равный для каждой «души» прямой налог — подушную подать, который был первым шагом к насильственному уравниванию членов крестьянской общины. Во второй половине XVIII века правительство сперва ограничивает свободное распоряжение своим наделом у государственных крестьян, а затем, посредством «казенных палат», проводит политику повсеместного введения общинно-передельной системы землепользования. Политика власти по отношению к деревне стала основной причиной экономического застоя, характерного для нее в XIX веке, обесмыслила попытки крестьянства улучшить урожайность своего временного надела. После освобождения помещичьих крестьян в 1861 году именно этот насильственно коллективный уклад деревенской жизни послужит образцом для устройства землепользования освобожденных крепостных, со всеми негативными последствиями из него вытекающими.

Описывая жизнь и стремления помещичьих крестьян до их освобождения, Пушкирев показывает, что у них не выработалась

психология рабов, никогда не оскудевала тяга к свободе. Для подкрепления своих взглядов он очень удачно использует выдержки из отчетов царю начальника политической полиции (Третьего отделения Собственной Его Величества канцелярии). В 1834 году, например, в таком отчете указывалось, что почти все случаи неповиновения помещикам «происходили не от притеснений и не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу» (с. 46). В других отчетах указывается, что об освобождении в народе бытуют пророчества и легенды, что в связи с каждым значительным событием при дворе крестьяне ожидают «воли».

Справедливо указывает Пушкирев, что пресловутые «крестьянские волнения», последовавшие за отменой крепостного права, носили в основном характер экономический, а не социальный, были примитивной формой экономической забастовки, желанием сразу же перестать работать на помещиков. Во время их усмирения жертв было, впрочем, очень немного.

Автор посвящает содержательные страницы крестьянскому миру в XIX веке. Он показывает, например, как государственные крестьяне сопротивлялись, невзирая на опасность быть наказанными, замене выборных и ответственных лишь перед миром старост «волостными головами», «которые имеют на себе жалованные от высшего начальства кафтаны и на шеях их золотые позументы» (с. 51). В донесении пермскому губернатору от 1843 года сказано, что государственные крестьяне готовы признать над собою только две власти: власть мира и власть «самого государя императора».

Значение мира было первичным и для помещичьих крестьян. Они ему доверяли принятие решений по всем важным вопросам и безоговорочно подчинялись им. Даже вопрос о восстании против власти помещика обычно доверялся миру. Как говорил один крестьянин по этому поводу, лично ничего не имеющий против помещика: «Если мир пойдет, то я от миру не отстану, потому что мир больше помещика» (с. 53). Крестьянский мир нельзя отождествлять с «поземельно-передельной общиной», введенной с XVIII века по инициативе государства и помещиков и ставшей «главной причиной крестьянской бедности». За миром «невозможно отрицать элементы демократичности, соли-

дарности, социальности, взаимопомощи и преданности общему делу” (с. 57). Пушкирев подчеркивает социально-благотворительную функцию мира, который организовал общую помощь маломощным крестьянам, женским семьям, пострадавшим от пожара и от падежа скота. Он с сочувствием приводит слова Питирима Сорокина о том, что „под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик” (с. 60).

Интересно и во многом убедительно повествует автор о настроениях крестьянства во время революций 1905 и 1907 годов. Он показывает, например, что в 1917 году не произошло ничего подобного массовой волне поджогов и разграблений крестьянами помещичьих усадеб, которая прокатилась по некоторым областям России, предваряя и сопровождая городскую революцию 1905 года. По данным книги советского историка Шестакова, опубликованной в 1926 году, в марте 1917 года было всего 29 случаев разгрома имений, в сентябре — 127, а в октябре — 147 (с. 163—164). Никакой войны крестьян против помещиков не получилось и позже, несмотря на старания большевиков и их полутчиков. Против же самих большевиков за 1918 и первые семь месяцев 1919 года в России было 344 восстания (с. 167). При разделе своих бывших имений помещики обычно получали свою долю на общих основаниях и часто оставались жить в своих родных местах. Лишь 3 апреля 1925 года спохватились издать закон „О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах” (с. 170).

Причиной эволюции крестьян от состояния озлобленности и революционной активности, характерного для них в 1905 году, к их нежеланию воевать против кого бы то ни было в 1917—1918 годах были те глубокие перемены, которые охватили деревню в последние годы Российской империи. Среди них большую роль сыграла столыпинская реформа (введенная законом от 9 ноября 1906 года), предоставившая крестьянам возможность выхода из поземельно-передельной общины и получения участка земли в личное владение.

Были и другие явления, постепенно меняющие вековой облик русской деревни. Быстро росло, например, количество пахот-

ной земли в распоряжении крестьянства. В 1915 году крестьяне владели уже 170 млн. десятин земли (у помещиков оставалось 40 млн., у остальных сословий было 25 млн. десятин) (с. 127). „Земельный голод”, столь распространенный в дореволюционном крестьянстве, был скорее явлением психологического порядка, нежели экономического, и безответственно раздувался пропагандой социалистических партий.

Существенное значение имело, наконец, развитие кооперации в деревне. В предреволюционные годы наблюдался в России бурный рост всех ее видов — кредитной, потребительской и сельскохозяйственной. На 1 января 1914 года было в стране 4685 сельскохозяйственных кооперативных обществ и 1254 товарищества.

Эти явления способствовали, впервые за века, значительному росту производительности крестьянского земледелия.

Картина, нарисованная Пушкиревым, в целом очень убедительная, но в некоторых второстепенных вопросах все же нельзя с ним согласиться. Трудно, например, особенно после недавней публикации воспоминаний ген. Герасимова (в изд. ИМКА-Пресс, в серии „Всероссийская Мемуарная Библиотека”, 1985 г.) принять его трактовку деятельности Азефа (с. 44). Считаем мы также, что Пушкирев слишком высоко оценивает работу Земгора во время войны, не раскрывая ее отрицательных сторон. Безусловно, Земгор принес пользу армии, особенно в санитарном отношении, но снабжал он фронт в основном не на какие-то свои, а на государственные средства, используя их часто очень расточительно. „Земгусары”, которых в армии не любили, помимо своих прямых обязанностей занимались и антиправительственной пропагандой, внося в армию те элементы разложения, которые привели к ее полному развалу в 1917 году.

Огорчила нас в книге одна досадная опечатка: право ссылать „в каторжные работы” непокорных крестьян было предоставлено помещикам не в 1675 году, как указывается в книге (с. 31), а лишь в 1765 году. Но несмотря на эти, и некоторые другие, второстепенные погрешности, книга С. Г. Пушкирева — ценный и своевременный вклад в дело борьбы за восстановление исторической памяти русского народа.

Н. Росс

Разрыв с Москвой

3 июля 1985 года Аркадий Шевченко написал предисловие к авторизованному русскому переводу своей книги „Разрыв с Москвой”, и вскоре она вышла в Нью-Йорке в издательстве Liberty Publishing House. Шевченко с весны 1973 года занимал должность заместителя генерального секретаря ООН по политическим делам и делам Совета Безопасности. В апреле 1978 года он порвал с советским правительством и с тех пор живет в Соединенных Штатах. В предисловии к русскоязычному изданию своей книги Шевченко выражает надежду, что его „мемуары помогут и русским читателям глубже понять механизм советской государственной машины, которая действует отнюдь не в интересах народа, а лишь в интересах узкой группы партийной и иной элиты”.

И в самом деле, объемистая книга Шевченко (больше 500 страниц убоистой печати) содержит множество фактов, интересных также и хорошо знакомому с советской политикой читателю. Профессиональный дипломат, с 1970 года личный советник Громыко, Шевченко, начиная с поступления в сентябре 1949 года в МГИМО (Московский Государственный Институт Международных Отношений) и до своего ухода из ООН весной 1978 года, т. е. в течение почти полных тридцати лет, непосредственно участвовал в советской внешней политике. На странице 30 своей книги он пишет: „Я сидел за одним столом с Брежневым, Громыко и другими членами Политбюро, и я многое узнал о тех, кто хозяйничает в СССР. Я видел, с какой легкостью они называют черное белым и как легко выворачивали слова наизнанку. Я понял, что лицемерие и коррупция проникли в самые затаенные уголки их жизни, увидел, как оторваны они от народа, которым правят”.

В сущности Шевченко был тоже оторван от народа, и уход его был вызван отнюдь не личными неудачами. Ранг посла и положение заместителя Вальдхайма в ООН — положение более чем удовлетворительное. Все привилегии высшей номенклатуры были в его распоряжении. Шевченко ушел потому, что убедился: „Кремль — это последнее место на земле, где можно надеяться найти откровенность, честность и прямоту”. Он ушел из системы, которой смолоду хотел послужить и которую постепенно возненавидел.

Это не значит, что Шевченко возненавидел Россию. Напротив, решение пойти на сотрудничество с американцами, еще оставаясь советским дипломатом, далось ему нелегко, а в его словах, посвященных последней поездке домой в 1977 году, явно чувствуется тоска по родине. Разочарование в системе отнюдь не привело его к разочарованию в людях, и о своих бывших сослуживцах он вспоминает спокойно, о некоторых с антипатией, но об иных с несомненной симпатией. Читая мемуары Шевченко, можно составить себе отличные, отнюдь не напечатанные ненавистью и отнюдь не карикатурные характеристики Громыко, Хрущева, Брежнева, советского посла в ООН Якова Малика, советского посла в Вашингтоне Добрынина, Андропова, Черненко и многих других, в том числе и Горбачева, во время написания книги еще только одного из претендентов на место генсека.

Но интересны не только характеристики советских сановников. Не менее интересен показ значения КГБ в иностранной политике Советского Союза. Увлекательно описана поездка в Америку Хрущева, с которым Шевченко плыл на борту „Балтики”. Много говорят и отдельные штрихи из жизни и быта советских граждан за границей, обеспечиваемый КГБ режим наблюдения за ними, гнетущая несвобода, всегда и везде сопровождающая этих, казалось бы, привилегированных счастливых.

Внимательный читатель, без сомнения, найдет у Шевченко немало любопытнейших подробностей о взаимоотношениях между советскими сановниками. Борьбу за кадры между Пономаревым и Громыко, расхождение между Брежневым и Косыгиным, как они проявились во время визита в СССР президента Никсона, развитие кубинского кризиса и многое другое.

Русское издание книги „Разрыв с Москвой” (как и английское) снабжено предметным и именным указателем, чрезвычайно облегчающим пользование им для справок. Стремящийся понять пружины советской внешней политики читатель, вероятно, прочтет, однако, всю книгу подряд. Это, правда, полных пятьсот страниц, но страницы эти написаны легко и живо, а порой увлекательно.

Р. Редлих

Новый роман о свержении советской власти

Прошло уже семь лет после выхода в свет романа Д. Сеземана „В Москве все спокойно“, описывающего успешный заговор против советской власти (см. рецензия В. Померского в „Посеве“ № 2, 1982). Роман этот так до сих пор и не переведен с французского на русский язык, хотя и был написан в России. Но зато тема романа начала привлекать западных авторов, в частности, ей посвящена новая книга Роберта Мосса „Московские правила“*

Роберт Мосс, политолог и журналист, родился в Австралии в 1946 году. Он преподавал в нескольких военных академиях НАТО, в том числе в престижном британском Колледже оборонных исследований. Принимал он активное участие и в различных исследовательских программах, посвященных вопросам международного терроризма, а также в опросах бывших сотрудников разведывательных служб Советского Союза и стран социалистического блока. Некоторое время он редактировал внешнеполитическое обозрение „Форейн рипорт“, издающееся серьезным британским журналом „Экономист“. Кроме того, регулярно публиковался во многих американских периодических изданиях: „Парэйд“, „Нью-Йорк таймс магазин“, „Нью рипаблик“, „Комментарии“ и других.

Видно, что Роберт Мосс внимательно изучает все, что появляется на книжном рынке о Советском Союзе. Заметно, что он, как говорится, „с карандашом в руках“ проштудировал и материалы для книги А. Шевченко „Разрыв с Москвой“, и сочинения Джона Баррона, посвященные КГБ, и, конечно, произведения В. Суворова, в том числе самое популярное из них под заглавием „Внутри советской военной разведки“. Кроме таких бестселлеров, Мосс читает периодическую, издаваемую по-русски на Западе. Чувствуется, что Мосс не прошел мимо книг Копелева и „Мордовского марафона“ Э. Кузнецова.

Роман-памфлет, написанный Моссом, не претендует на „большую литературу“. Это скорее попытка схематической записи зарождения, становления и перспективных возможностей военного заговора в Советском Союзе. Если, конечно, допустить, что таковой в Советском Союзе возможен. И, тем не менее, несмотря на произвольность

этого допущения, Мосс — на высоте. Вкус не изменяет ему на протяжении всей книги. Его роман ничуть не напоминает бульварные сочинения „а-ля-рюсс“, с неизбежными подвонными лодками „Кавьяр“, изобретательствами таинственных лучей смерти и склонных к мистицизму сотрудников КГБ.

Главный герой книги и основное действующее лицо военного переворота — молодой советский генерал, носящий символическое для каждого русского имя — Александр Сергеевич. Его фамилия тоже выдержана Моссом в буколически-символических гвардейских тонах — Преображенский. Разумеется, у генерала была бабushка-христианка. И, конечно же, в ранней молодости герой узнает роковую тайну гибели собственного отца — Героя Советского Союза, офицера-фронтовика, убитого кагэбешником, которому суждено потом (по законам жанра) погибнуть от рук Преображенского.

Интеллектуальный контакт с реабилитированным ортодоксом-марксистом и лирические отношения с его инакомыслящей дочерью кончаются для Преображенского трагически, — заставляют его заключить фаустовскую сделку с Дьяволом — в данном случае представителем советской военной разведки, ГРУ. Вскоре после вербовки Преображенский оказывается в „Частях особого назначения“, столь детально описанных В. Суворовым в главах, посвященных Спецназу. Затем брак с дочерью маршала, одного из военных лидеров Советской армии, в котором — случись советскому читателю прочесть эту книгу Мосса — он без труда опознал бы своеобразный коллаж из Жукова, Конева и Вершинина. И, наконец, служба в нью-йоркской резидентуре ГРУ, во время которой, собственно говоря, и формулируется кредо главного героя:

„Нет, не следует становиться перебежчиком. Мы должны нести нашу ношу до конца, там в далекой суровой тоталитарной Москве. Там на Родине мы и только мы, русские патриоты, сможем вернуть нашей стране и бывшую мощь, и изначально присутствующую ей мудрость. И, главное, любовь собственного народа, вместе с уважением просвещенных держав Запада, основанном не на ужасе перед плохо контролируемой военной мощью. Наш долг выполнить этот труд, хотя бы ценой собственной гибели или отказа от личного счастья и благополучия“.

На страницах романа военный переворот завершается удачей. Едва ли не главную роль в нем сыграли части Спецназа, которыми

* Robert M o s s. Moscow rules. — New York: Villard Books, 1985. 389 p.

умело и хладнокровно руководил генерал Преображенский и его товарищи. Профессионализм и патриотический долг в новом национально-военном прочтении и предопределили успех. Парализовав нервные узлы неповоротливой советской системы, переиграв в коварстве КГБ, Александр Сергеевич Преображенский оказался одним из фактических лидеров посткоммунистической России.

На этом интереснейшем месте роман в сущности и обрывается. Что будет потом, после падения власти коммунистов, видимо, сможет стать темой дальнейших исследований талантливого автора, наделенного живым и ярким воображением и способностью к политическому прогнозированию.

*

После того, как в ноябре 1982 года к власти в Советском Союзе пришел Андропов, для политологов стало ясно, что партия вынуждена делить власть с КГБ, занявшим едва ли не все ключевые позиции в советском государстве. Произошло слияние партийного и чекистского аппарата, в котором, кстати, не нашлось на верхнем уровне места для генералитета.

Заслуга Мосса в том, что он сумел почувствовать и вжиться в ситуацию, известную ему, в сущности, из печатных материалов, а не из жизненного опыта. Талант Мосса ярче всего, по-видимому, проявляется в тех местах романа, где описывается жутковатая пустота и непривычная тишина, охватывающая Россию после стольких лет коммунистического правления. Вчитываясь в строки полусказки, рассказанной нам Робертом Моссом, мы присутствуем при рождении нового жанра политологической литературы: романов, повестей и исследований о том, что будет после того, как коммунисты сойдут, в конце концов, с исторической сцены.

Роман Мосса обращен, в основном, к западной аудитории, причем с дидактической целью: передать западному читателю в развлекательной форме определенный круг знаний и идей.

Сама концепция военного переворота у Мосса — степень ее реальности и ее сравнение с концепциями других авторов — большая отдельная тема, не вмещающаяся в рамки рецензии. Можно отметить лишь три интересных штриха: 1. Хотя близко к верхам власти можно найти сторонников некоей

подпольной полуорганизации (которая даже связана с эмигрантами), и хотя Преображенский на них, когда надо, опирается, переворот он осуществляет, по существу, единолично. 2. Тесть Преображенского, вышеупомянутый пожилой маршал, ему помогает до тех пор, пока думает, что путч необходим во имя спасения советской власти, наподобие путча, устранившего Берия. Он выпадет из игры, когда видит, что Преображенский стремится не к спасению, а к свержению власти. 3. Попытки ЦРУ выяснить, через знакомую с Преображенским американку, что собственно происходит в Москве, чуть-чуть не срывают всю операцию.

Повторяем: да, конечно, все это сказочный роман. Но ведь книга Жюль Верна, описавшая в 1865 году полет на Луну, тоже была сказочным романом. Однако историки космонавтики свидетельствуют, что роман этот оказал значительное влияние на тех, кто „сказку сделал былью“.

О. Александров

● Письма из России

Царит атмосфера ожидания

О росте религиозного мировоззрения можно говорить с уверенностью в столичных городах — Москве и Ленинграде. Здесь доступ к информации больше и общий культурный уровень выше, чем в среднем по стране. В провинциальных городах мало храмов, молитвенных домов. Секты имеют некоторое влияние, но внешне оно особо не заметно. Молодежь здесь занята, а вернее, задушена бытовыми заботами или пьянствует. Задумываться особо некогда, да и молодежь к тому не приучена. Так что о духовном освобождении в глубинках страны не приходится говорить. Если и появляются отдельные личности, то это скорее подтверждает данное положение дел. Выше бытового недовольства сознание не поднимается.

В столичных городах в православную церковь идут люди из среды служащих. Если из рабочих, то чаще — к сектантам. Я же буду говорить только о православных, так как сам православный христианин. Среди них возрастной состав от юных до пожилых. Наиболее активны молодежь и люди среднего

возраста. Они довольно много обмениваются религиозной литературой. Бывает у них самиздат и тамиздат. На такую литературу большой спрос. Это говорит о том, что православные христиане освободились от мифов официальной идеологии. Они, образно говоря, благоприятная почва для духовного и социального освобождения. Однако надо отметить, что последние репрессии властей против легальных религиозных деятелей отпустили православные круги от активной общественной деятельности. Хотя понимание необходимости социального освобождения осталось, страх сейчас выше.

Поэтому в настоящее время в православных кругах, судя, например, по Москве, царит атмосфера выжидания. Что будет? Лучше сохранить то, что есть, чем рисковать. В таких условиях эффективнее вести работу по просвещению, чем призывать к активным действиям. Рано или поздно это принесет свои плоды. Главное сейчас — терпение и настойчивость в проведении деятельности по воспитанию в православной среде, да и не только в ней. И осознание неизбежности социального освобождения — вслед за духовным.

О сугубо церковных кругах сказать что-то определенное не могу, так как очень мало общаюсь с ними. Священники и служители храмов предпочитают заниматься церковной деятельностью больше, чем общественной.

Россия, сентябрь 1985 г.

Алексей Волны й

«Права советского гражданина...»

Рабочий Владимир Алексеевич Цуриков, из Красноярска, 17 апреля 1984 г. был приговорен к принудительному психиатрическому лечению за отказ участвовать на выборах в Верховный Совет. Повестки он не получал, а был просто схвачен милицией перед своим домом. Милиционеры сопровождал участковый врач Сергей Владимирович Холин. До этого, в отсутствие Цурикова, милиция взломала дверь его однокомнатной квартиры и провела обыск, не имея на это санкции прокурора и в нарушении записанного в Конституции права на „неприкосновенность жилища“.

Цурикова поместили в красноярскую горбольницу. Заведующий отделением там —

Альберт Альбертович Борхвальд, лечащий врач — Сергей Николаевич Куцменкс. Именно Куцменкс сказал Цурикову, что тот „помещен в больницу по распоряжению ГБ за отказ голосовать“. И добавил: „Диссиденты — или сумасшедшие, или шпионы. Если КГБ не докажет, что он — шпион, значит он — сумасшедший и нуждается в лечении“.

В течение полутора месяцев Цурикова истязали „лечением“. Ежедневно он получал уколы аминазина (8 куб.), 3 таблетки аминазина, 6 таблеток тевтозина и был доведен до обморочного состояния и слепоты.

Состояние больницы — антисанитарное. С больными обращение нечеловеческое. В отделении на 100 человек — содержится 150. Пища — почти несъедобная. Людей заедают вши — головные, платяные, лобковые, заедают клопы. Кругом тараканы. Под угрозой уколов сульфазина больных заставляют чистить канализацию. В начале 1984 г. в психиатрическом отделении умерли: Комисаров от истязаний и побоев — его половые органы и пах были черны от кровоподтеков; Анатолий Соколов (28 л.) — от голода; Павлов — от уколов аминазина.

С 1981—1984 гг. в этой горбольнице „лечили“ Юрия Григорьевича Полхаского — „за распространение антисоветских листовок“...

Когда Цурикова выписали из больницы, его вызвали на „беседу“ с врачами Холиным и Куцменкс. Доставила его туда милиция, ворвавшаяся к нему в квартиру, снова взломав дверь. Во время „беседы“ врачи объявили Цурикову, что он признан недееспособным, а тем самым лишен ряда элементарных человеческих и гражданских прав: он не имеет права создавать семью, иметь детей. Не имеет права защищать свои интересы. Не имеет права обращаться в суд, выступать в качестве свидетеля, обращаться в милицию... А заодно ему объяснили, что, поскольку он недееспособный, то милиция имеет право взламывать его двери без санкции прокурора. Все это было изложено на словах, никаких справок ни ему, ни его матери не дали. Пенсия ему также не положена, так как ему не присудили ни 1-ю, ни 2-ю, ни 3-ю группу инвалидности, а, минуя эти этапы, сразу вклеили — „недееспособность“...

Одно лишь „право“ оставили ему — вкалывать на тяжелой заводской работе. „Недееспособный“ — дееспособен сам себя обеспечить! Перед такими шедеврами беззакония и правовой беспомощности лишь ру-

ками разведешь. Молодой, крепкий, психически полностью здоровый мужчина поставлен в положение мошки, червя...

Россия, 1985 г.

Андрей Д.

Будни советской милиции

Бесчинствам и преступным действиям милиции в нашей стране нет числа. Приведу лишь несколько примеров из г. Краматорска в Донецкой области. Одно событие было в декабре 1980 г., когда пьяный милиционер убил выстрелом в лицо только что демобилизованного и вернувшегося домой из армии парня, который хотел поговорить со своею девушкой. Поскольку вахтерша не пустила его в дверь, то он залез на балкон технологического техникума, где училась его девушка. Идущий мимо милиционер пьяно заорал: „Немедленно слезть!“ Парень отказался. Тогда милиционер застрелил его в упор. Стоящий рядом друг убитого выбил из рук милиционера револьвер и ударил его кирпичом по лицу. Советское „правосудие“ вынесло типичное для него решение: друга убитого осудили на 4 года тюремно-лагерных работ, а милиционера-убийцу перевели на работу в Харьков. Друзья убитого во время похорон пронесли его гроб мимо здания ГОВД в Краматорске.

Другое происшествие было в сентябре 1984 г. в День машиностроителя, когда шло народное гуляние в городском парке „Юбилейный“. Вдруг на эстраду выбежал юноша и крикнул в толпу: „За что гибнут наши парни в Афганистане?!“ Так как во время народных праздников всегда большие наряды милиционеров, то они тут же бросились на эстраду, заломили парню руки и так начали его избивать, что толпа возмутилась. Спустя некоторое время одного из милиционеров, бывшего среди избивающих, спросили: „Где тот смельчак?“. Невозмутимо милиционер ответил: „Парень тот? Давно уж похоронен“.

По сей день ничего не изменилось. При милиции держат группу так называемых „внештатников“, используемых при допросах. Под руководством сержанта эти „внештатники“, вымогая признания, зверски избивают подсудимых, нанося им увечья, отбивая почки. Доходит до того, что человеческим телом играют в футбол. Пиная тело сапогами, матерясь и издавая, рыкают:

„Ох, ты, мячик наш футбольный“. Ожидать, что офицеры ГОВД в Краматорске изменят положение — не приходится. Они сами приходят на службу в нетрезвом состоянии, берут взятки направо и налево.

Вот что творится в „славной милиции“, которой положено охранять жизнь и покой наших граждан...

И. Соколов

Лето 1985 г.

Новые трюки СЭВа

В своей статье в „Посеве“ № 1 за 1985 г. Г. Иванов коснулся проблем обеспечения энергетических потребностей СССР. Действительно, диспропорция между потребностями в энергии и добычей нефти и газа становится все более острой проблемой для советского народного хозяйства. Положение в ближайшем будущем еще ухудшится. Ввиду большой энергоемкости советского производства и народного хозяйства в целом, вряд ли снизятся объемы потребления нефти и газа внутри страны, не говоря уже о потерях, связанных с закостенелым и неэффективным механизмом управления экономикой страны. Все области добывающей промышленности стоят перед проблемой комплексной реконструкции и обновления секторов уже безнадежно устаревших основных фондов. В ближайшее время необходимо осуществить астрономические капиталовложения лишь для того, чтобы добыча осталась на достигнутом уровне, так как с устаревшими основными фондами и несовершенной технологией повысить уровень добычи практически невозможно. Это безусловно отразится на развитии остальных отраслей народного хозяйства, так как в настоящее время 15% продукции машиностроения предназначено для добычи сырья. Эта доля в связи с необходимой модернизацией в большом масштабе будет в ближайшее время расти — естественно, за счет развития остальных отраслей.

Добыча нефти и газа для СССР — основной источник твердой валюты, и поэтому она еще долго будет иметь преимущество перед другими отраслями. По этой причине советское руководство решило перенести часть этой проблемы на своих сателлитов в Восточной Европе. Секретариат СЭВ в Москве разработал документ под названием „До-

полнительные закупки нефти и газа в выбранных развивающихся странах для европейских стран-членов СЭВ". Указанный документ, созданный на основе материалов, подготовленных ВНИИ Зарубежгеологии, предлагает заменить советские нефть и газ, до сих пор поставляемые в страны Восточной Европы, импортом из других стран. Наиболее перспективным поставщиком считается Ирак, откуда, по оценкам советских экспертов, представляется возможным обеспечить в период 1986—1990 гг. импорт в 2,3 млрд. тонн нефти. Большие надежды связаны с необходимой реконструкцией иракских районов, пострадавших во время войны с Ираном. Ираку будет предложено оплачивать нефтью те поставки для обновления своей промышленности, которые придут из стран Восточной Европы. Второе место после Ирака занимает Ливия с экспортным потенциалом, в период 1986—1990 гг., для нужд Восточной Европы в 1,1 млрд. тонн нефти. Установлены и объемы для других стран: экспортные возможности Анголы оцениваются в 300 млн. тонн, Перу — в 120 млн. тонн; из Алжира намечается импортировать 100 млн. тонн, из Колумбии — 20 млн. Крупнейшим источником природного газа, по крайней мере до конца века, считается Афганистан, где добывается в настоящее время 3 млрд. м³ газа в год. Проектируется создание мощного трубопровода, который обеспечит бы поставки газа в Восточную Европу. Отрицательно оцениваются перспективы поставок нефти и газа из Сирии, Эфиопии, Мозамбика, Бирмы.

Основным препятствием для поставок нефти и газа в страны Восточной Европы из развивающихся стран документ называет сложившиеся долгие торговые отношения этих стран с Западом. Тем не менее, в документе приводится весьма оптимистическое заключение, что в будущем политические предпосылки для сделок стран Восточной Европы со странами, экспортирующими нефть и газ, могут стать более благоприятными и что круг перспективных стран может расширяться.

Во всяком случае ясно, что независимо от того, будут ли реализованы указанные в документе проекты или нет, и так не блестящее экономическое положение в странах Восточной Европы вследствие сокращения поставок советской нефти и газа ухудшится.

Москва, декабрь 1985 г. В. М а л ы ш е в

„... Спасибо вам большое за вашу интересную посылку... На мой взгляд действия нового „генсека“ встречаются как в номенклатуре, так и в народе с определенной растерянностью. Действительно, официальная критика системы никогда до сих пор еще не была такой резкой. Статья в „Правде“ о взятках на уровне зав. отделом Госплана — беспрецедентный факт раскрытия коррупции в высших местах аппарата управления народным хозяйством. Усиливается на страницах печати критика органов МВД и прокуратуры. Цель этой кампании остается неясной, она стала слишком публичной, чтобы служить целям лишь отдельных лиц...“

В среде московской интеллигенции шутят о фразе Горбачева, якобы произнесенной в разговоре с Олегом Ефремовым о том, что „пора раскрывать маховик“. Однако СССР является уж слишком крупным маховиком, чтобы это осталось без серьезных последствий. Пока замечается то, что вследствие всех разоблачений на страницах печати все больше людей начинают сознавать масштабы расхождения общества. Думается, что этот процесс будет продолжаться... В. М.”

Декабрь 1985 г.

*

„Жизнь идет своим чередом. Теперь мы с легкой руки наших мудрых правителей объявили непримиримую борьбу с „зеленым змием“ и ведем ее широким фронтом. И это хорошо видно из заметки в нашей местной газете. В принципе дело хорошее, но непонятно одно: по чьей вине это бедствие в России приняло столь угрожающий характер? Получается так, что одной рукой наливаем, а другой боремся. Кстати, как этот вопрос выглядит на „загнивающем Западе“? Составляет ли он какую-нибудь проблему? По нашей печати во Франции еще хуже, а как в других странах?...“

У нас здесь по рукам ходит письмо какого-то ученого об алкоголизме в стране. Цифры и примеры ужасающие. Для некоторых людей пьянка заслонила все, и политику в том числе...“

Обстановка в мире неспокойная и хотелось бы знать, так ли близок мир от войны, как мы слышим об этом здесь...“

Мы ощущаем большой информационной голод. Поэтому, когда будете нам что-то отправлять, то „не спешите“. Знайте, что у вас в нашем городе есть весьма заинтересованные читатели... П. Р.”

Январь 1986 г.

Ищите возможности присылать нам материалы об экономическом и политическом положении в вашем районе, факты забастовок; факты закрытия храмов, репрессий, разрушения памятников старины, других совершаемых властью беззаконий, а также статьи об НТС и „Посеве“ из советских изданий.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Свободное русское издательство „Посев“ возникло сразу после окончания войны, в 1945 году, в лагере для перемещенных лиц, в местечке Менхгоф близ Касселя.

Символическое название „Посев“ было дано нашему выходу с ноября 1945 года еженедельнику. Теперь „Посев“ — солидный ежемесячный политический журнал, вокруг которого образовался круг постоянных сотрудников и читателей, как в русском зарубежье, так и в читающем подполье современной России, журнал, отражающий лицо и направление нашего издательства и интересней также советологам и славистам.

Цель нашего журнала — отражать развитие неподвластной партийной цензуре российской общественно-политической мысли. Цель нашего издательства — печатание российских авторов, не имеющих по цензурным соображениям печататься в Советском Союзе. Наша задача — быть свободной трибуной русской литературной и политической мысли, способствовать духовному и национальному возрождению России. Нам не важно, когда, кем и где написана издаваемая книга. Мы спрашиваем только, нужна ли она России, будут ли ее там читать, будут ли ее разномыслить в так называемом „самиздате“, откроет ли она новые горизонты тем, кто думает о конце коммунистической диктатуры.

В период сталинщины, когда из-за рубежа в Россию могли проникать сквозь железный занавес разве только листовки, у нас печатались преимущественно эмигрантские авторы. Из выпущенных в то время книг в памяти многих остались „Берлинский Кремль“ Г. Климова, „Завоеватели белых пятен“ М. Розанова, „Третья сила“ А. Казанцева, „Право на совесть“ Н. Хохлова. Но едва началась хрущевская оттепель, уже в 1956 году мы выступили с обращением к творческим силам в России, предлагая им присылать нам свои рукописи для публикации. Духовный климат в стране в то время уже менялся, и вскоре появились „оттуда“ и первые авторы. Без имени автора мы публиковали тогда стихи Бориса Пастернака из еще неопубликованной рукописи „Доктор Живаго“ (1957), под псевдонимом „Нарымов“ вышла у нас „Неспетая песня“ Михаила Нарыши (1960), „Сказание о синей мухе“ Валерия Тарсиса (1962) и, наконец, „Этюды и крохотные рассказы“ Александра Солженицына (1964). В эти же годы нами опубликованы первые вышедшие в русском подполье журналы „Синтаксис“, „Феникс“, „Сфинксы“. Долгое время мы систематически перепечатывали „Хронику текущих событий“ (напечатаны №№ 1-27). При нашем непосредственном участии составлены и изданы „Белая книга“ А. Гинзбурга и „Процесс ценной реакции“ — отчеты по нашему делу в то время литературно-политическим процессам Синяевского и Даниэля, и Галанскова, и Гинзбурга. Можно смело сказать, что мы были инициаторами и пионерами так называемого „самиздата“, и что „Посев“ и ныне занимает одно из центральных мест в неподцензурном русском книгоиздательстве. За 36 лет своей деятельности издательство „Посев“ выпустило на русском языке около 300 названий книг российских авторов.

Разумеется, мы стараемся также донести наши материалы и до иноязычного читателя, передавая авторские и издательские права заинтересованным иностранным издательствам. Так книги Владимира Максимова, в частности, его монументальный роман „Самые дни творения“, „Верный Руслан“ Георгия Владимова, „Палата № 7“ Валерия Тарсиса, „Заведка смерти Сталина“ Абдурахмана Авторханова были уже на 8-12 языках.

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, неустаревающие статьи из трех текущих номеров ежемесячного „Посева“. Фотография на обложке. Вдвое меньший формат (15x21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убористый шрифт.

Квартальный „Посев“ предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находящихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства „Посев“ к А. А. Кандурову.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский, Р. Н. Редлих, Я. А. Трушнович, А. М. Югов (Франкфурт-на-Майне); Г. Г. Бонафаде (Австралия); В. Г. Ламадорф (Испания); Б. С. Пушкарев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин (Франция); прот. Кирилл Фомин (ФРГ).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurschlehdeweg 15, D—6230 Frankfurt a. M.—80
Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилиями или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „Посев“ в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

Советские граждане, временно находящиеся за границей, могут получить „Посев“ бесплатно у представителей издательства, указанных ниже. Можно также заказать журналы и книги „Посева“ через любой крупный книжный магазин на Западе, но следует учесть, что это требует много времени на доставку по почте.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills. Vic. 3127.
- АВСТРИЯ. L. Rudkevich, Postfach 81, A—1092 Wien.
- АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE120US.
- БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.
- ВЕНЕСУЭЛА. ДУТА, Apartado del Correo 51. 241 z. p. 105, Caracas.
- ИТАЛИЯ. A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma-Centro.
- США. M. Iwanow, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101. „Possev“ Representative, P. O. Box 695, Pacific Palisades, CA 90272.
- ФРАНЦИЯ. „Possev“, 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris, Tel.: 250-62-06.
- ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grosse, Thunstr. 4, 3000 Bern.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья правда*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВСХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История каравульной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой. *Большая руда*. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь вниманья, маэстро*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимова.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протоиерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. *Собрание сочинений*: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Прощание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева*, *Ярмарка в Сокольниках*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда“ и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национального журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фкциии, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. «Дело Солженицына», *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, Э. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Колелова, Н. Коржавина, В. Корнилова, Э. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможи, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.